

ГРИБНАЯ КРАСАВИЦА

Маргарита
Дорогожицкая

Впервые я осознала, что не такая, как все, в шесть лет.

Моя подружка Аля предложила смастерить самодельные качели в саду из портьер. Я уже дорывала последнюю из них, мастера крепкую веревку. Перекинула ее через ветку старой яблони, и мы с хохотом повисли на ее концах, раскачиваясь и сталкиваясь друг с дружкой. Мне было дико весело, я смеялась и хохотала до упаду, даже начала икать. И тут я заметила бабушку, невесть откуда взявшуюся. Она смотрела на меня с явным неодобрением, поэтому я одернула платье и приняла смиренный вид.

— Молодая вояжна должна держаться с достоинством, а не вести себя, как холопка, — ее голос звучал холодно.

Я опустила голову в притворном покаянии.

— Мы решили устроить качели, бабуля, и одолжили портьеры в угловой спальне, она все равно пустует...

— Мы? — резко перебила меня бабушка. — Кто мы? Кого ты втянула в свои проказы на этот раз?

— Ну как же, это Аля, я тебе говорила про нее. Аля, не бойся, поздоровайся с моей бабушкой, — я махнула рукой подружке, которая стеснительно жалась к стволу яблони.

Глаза бабушки помертвели и стали того отвратительного ледяного цвета, который означал, что она в бешенстве. Я мгновенно его узнала и поняла, что буду наказана. Правда, не понимала, почему. Не из-за портьер же, в самом деле.

— Хризостола Ланстикун! — то, что бабушка назвала меня полным именем, было очень плохим знаком. — Здесь в саду, кроме меня и тебя, больше никого нет. — Каждое слово бабушка произносила отдельно, с паузами. — Как ты смеешь врать?!?

Мне стало обидно и страшно, я подбежала к дереву, схватила Альку за руку и потянула ее к бабушке.

— Я не вру, вот моя подруга Аля, я тебе говорила...

Даже не бросив взгляда на девочку, бабушка влепила мне звонкую пощечину. Я заревела от обиды.

— Маленькая дрянь, не смей! Никогда не смей рассказывать свои бредни, а тем более верить в них, я не позволю тебе стать, как твой отец! — Бабуля кричала, а ее прекрасная белая кожа пошла красными пятнами.

Я в ужасе отступила, прижимая ладонь к багровой щеке, мне было не столько больно, сколько обидно. Тут появился Нурден, наш вотчий, кивнул мне и сообщил бабушке, что в приемной зале ее дожидаются местные креты. Его голос был спокоен и важен. Бабушка сначала застыла, как ледяное изваяние, потом глубоко вдохнула, поправила густые медные волосы с единственной седой прядкой и ушла.

Я продолжала реветь, с носа постыдно капало, но мне было все равно. Вотчий не ушел, а протянул мне носовой платок. Я пыталась высморкаться, но истерика продолжалась. Я была обижена на весь божий свет. На подружку, которая за меня не заступилась; на бабулю, которая меня ударила и наорала; на отца, который не обращал внимания; на мать, которая от меня шарахалась; на вотчего, который видел мои слезы; на всех, одним словом. Началась икота, я не могла говорить, мне не хватало дыхания, я судорожно хватала воздух и все

продолжала реветь.

— Ну полноте, Хризи, вы себя так до изнеможения доведете. Из-за чего воягиня Талма, ваша бабушка, расстроилась?

— Она назвала меня лгуньей!

— И в чем же вы солгали?

— Ни в чем! Мы с Алей сделали качели из портьер и играли тут, а потом пришла она... и все испортила!

— Простите, ваша милость, а кто такая Аля?

— И вы тоже! — обида исчезла, а ей на смену пришла злость. Я топнула ногой и огляделась в поисках подружки, но той и след простыл. — Вы ее видели, Аля, моя подружка, светленькие косички, в синем платье.

— Но, ваша милость, в замке нет других детей, кроме вас, — осторожно начал вотчий.

— Значит, по-вашему, я тоже вру? — я гневно уставилась на него.

— Возможно, нет, — вотчий задумчиво повертел носовой платок, сложил его аккуратно, и не поднимая взгляда, осторожно спросил:

— А кроме вас, кто еще видел или говорил с Алей?

Я сначала опешила, потом задумалась. Мы с Алей проводили много времени вместе, но обычно либо в саду, либо у меня в комнате. За стол она никогда не приходила, на конюшню и на мои уроки тоже.

— Никто, но это не значит, что...

— Ваша милость, вы знаете, что случилось с вашим батюшкой?

— Что? — буркнула я.

— Ваш батюшка болен, — вотчий задумался и продолжил. — Он видит и слышит то, чего никогда не увидят и не услышат остальные. И с каждым днем он все больше уходит от нас в свой выдуманный мир...

Я была ошарашена. На прошлый день рождения я тайком пробралась в комнату к отцу. Он сидел в кресле, устремив невидящий взгляд в окно. Я пыталась привлечь внимание и встала перед окном, загораживая свет. Отец даже не шелохнулся, а его взгляд был направлен мимо меня. Я заговорила с ним, рассказала о своих детских делах, показала подарок на день рождения — большую фарфоровую куклу в мой рост, но так и не дождалась ответа. Я тогда испугалась, расплакалась, довела себя до истерики и заснула прямо там... Там же меня и нашли, всыпали розгами так, что я месяц не могла сидеть. А вот оно в чем оказывается дело...

— Ваша бабушка очень опасается за вас, так что не обижайтесь и постарайтесь ее больше не расстраивать.

Я задумалась.

— Я вижу Алю, я с ней играю, она мне рассказывает о себе...

— Она не больше, чем детская фантазия, ваша милость, — вотчий был резок. — Ее нет, и давайте забудем об этом.

— Как же нет? Я же ее вижу и слышу, значит, она есть!

— Но остальные не видят...

— А что мне до остальных? Почему вы думаете, что раз остальные не видят, значит, так оно и есть? Может, они сами тоже не существуют? Если я притворюсь, что кого-то не вижу, значит, он исчезнет? А если...

— Ваша милость! — вотчий был не на шутку встревожен. Он перевел дыхание, глубоко

вздохнул, потом промокнул лоб носовым платком и поморщился, когда заметил, что он мокрый. — Вам уже рассказывали про вашу прапрабабку, Хризолит Проклятую?

— Да, брат Анатолий заставил меня выучить наизусть всех родственников и их истории.

— Так вот, ваша прапрабабка была безумной. Она тоже видела и слышала недопустимые вещи. Но она смогла, слышите, смогла обуздать собственное безумие. Она вела в бой войска, а демоны шептали ей на ухо советы, она зубами рвала врагов и черпала силу в безумных виденьях, она заранее знала действия противников и умела проходить сквозь стены, могла читать мысли, или думала, что могла...

— Она разве была колдуньей?..

— Может и была, только никогда этого не показывала и не пыталась убедить кого-то в своих фантазиях. Иначе бы ее точно сожгли на костре, несмотря на положение и титул. Поэтому, ваша милость, я вам советую, гоните прочь виденья, никому про них не говорите, а если сомневаетесь, то лучше спросите у меня, реально ли то, что вы видите. А если уж совсем не вмоготу, то, по крайней мере, постарайтесь, как ваша прапрабабка, подчинить безумие и заставить работать не против вас, а против ваших врагов!

Это был очень полезный совет, который не раз потом меня выручал, и я до сих пор благодарна вотчему за него, не смотря ни на что. К сожалению, я тогда была слишком мала и глупа, чтобы последовать ему в полной мере и отличить врагов от друзей. Хотя друзей у меня как раз и не было...

За ужином я извинилась перед бабушкой, сказала, что выдумала себе подружку, потому что мне было скучно и не с кем играть. Аля сидела рядом на стуле и хихикала. Я старалась на нее не смотреть. Бабушка вздохнула с явным облегчением и даже обрадовалась. Мне было совсем не стыдно, игра стала меня забавлять. Вот только Алька упорно не хотела исчезать. Она повадилась ходить за мной за стол и на уроки, настырно лезла на глаза, иногда закатывала истерики. Учителя были мной недовольны, я сделалась невнимательной и рассеянной сверх меры. Но затем Алька появлялась все реже и реже и, наконец, исчезла навсегда. Мне до сих пор ее не хватает. Из всех моих мар она была самой приятной.

ГЛАВА 1. Хризокола. 948 год от Великого Акта

Я умерла. Наверное, уже давно. Впрочем, я даже не помню, в какой момент это случилось. Когда мне вдруг стало безразлично, когда пропали желания и эмоции, когда выцвело и сузилось зрение, когда движения стали механические и однообразные, когда пропало умение удивляться... Я не живу, просто существую, притворяюсь живой. Церковь обвинила меня в ереси и колдовстве, а затем прокляла. Меня до сих пор ищут, хотя прошло уже почти восемь лет, поэтому мы и забирались все дальше на юг. Деньги были уже почти на исходе, надо было где-то осесть и поправить финансы.

У меня все чаще случались приступы. Мое сумасшествие наследственно и неизлечимо. Антону всего шестнадцать, и ему приходится тяжело, он следит за мной и скрывает от окружающих мои приступы. Если о них узнают, меня могут посчитать колдуньей и запросто сжечь на костре. Я провела в подвале настоящего колдуна два года и видела, что он делал с людьми. Я на себе почувствовала, что творили монастырские святоши. Я знаю, что их сила — следствие безумия. Тогда, чтобы вырваться, я переступила черту, но смогла вернуться назад, заплатив за это страшную цену. И больше не хочу. Впрочем, я теперь вообще ничего не хочу.

Сегодня мы добрались до Кльечи. Крупный южный портовый город, расположенный на границе сразу трех вояжеств. Здесь живет много простых людей и знати, крутятся большие деньги, бурлит жизнь. Как раз то, что мне необходимо. Мое чутье не раз выручало нас, и в этом раз оно просто вопило, что здесь надо остаться. Не знаю, нормально ли знать некоторые вещи заранее, Антон говорит, что нет. Хотя он еще мальчишка, и то, что у него нет чутья, еще не значит, что другие люди им не владеют. И кстати, что считать отклонением от нормы? И где взять эту норму? Хотя неважно, даже если это и признак безумия, то пусть. Моя прапрабабка тоже была сумасшедшей, но благодаря этому она стала самой влиятельной воягиней, поставила северные земли под свою власть и победила в Синей войне. Потому что все боялись, боялись ее безумной жестокости, звериного чутья и абсолютной непредсказуемости.

Город показался мне ленивый, сытым и злобным зверем, отдыхающим на берегу моря. Непривычное для северянки южное солнце палило нещадно, когда мы добрались до портового рынка. Рынок гудел тысячами голосов, прилавки были забиты диковинками, разношерстный люд сновал и толкался. Я задохнулась от нахлынувших эмоций. Не моих. Чужих. Еще одна прелесть безумия. Мои чувства вдруг отказывали, я начинала воспринимать запахи как звуки, звуки как цвета, а чужие эмоции как запахи. Сознание помутилось, город вонял как помойка, простоявшая под палящим солнцем несколько дней. Я хватала воздух ртом, тщетно пытаюсь зажать нос, понимая краем сознания, что бесполезно. Как укрыться от эмоций? Антон сообразил, что начался приступ, и оттащил меня на пристань, подальше от чужих взоров. Я перевела дух. Зрение прояснялось, голова перестала кружиться. Воняло до сих пор, но уже можно было дышать.

Мы сняли скромную комнату в прибрежной таверне. Мне нужно было время, чтобы

разобраться и подумать. И решить, чем мы здесь будем заниматься. Нужно было прикрытие, чтобы наше пребывание в городе не вызвало кривотолков и ненужного любопытства, прикрытие, что может также дать доступ к знатному обществу. А еще мне была нужна информация. Оставшихся денег хватало на что-нибудь скромное вроде лавки или пансиона. Побережье в окрестностях города было усеяно крошечными пансионами, в которых останавливались как купцы, так и знать, кто по делам, а кто и подольше, с семьей, отдохнуть возле моря. Содержать пансион было несложно, но конкуренция ведь тоже большая. Да и не по мне, чутье молчало, значит, пустое дело. Лавка? Или даже мастерская? Я смогла бы справиться с финансами, все-таки меня учили управлять вояжеством, не думаю, что лавкой сложнее. Но это тоже не мое. Значит, оставалось ждать. Если бы только я могла контролировать свой безумный измученный разум!

Мы были уже два дня в городе, но сегодня я проснулась с четким знанием — что-то произойдет. Я вытащила Антона гулять по городу. Мальчишке было всего шестнадцать, но выглядел он постарше, долговязый и белобрысый. Я представляла его как брата, благо, свои рыжие волосы я осветлила, ведь искали рыжую сероглазую девицу, а я теперь светловолосая и голубоглазая. Цвет глаз, конечно, остался серым, но умело подведенные серые глаза всегда кажутся темнее. На самом деле, слабая маскировка, но мы были далеко от северных земель, поэтому этого хватало. Я тоже высокая и крепкая, правда сильно исхудала. Но благодаря этому наше с Антоном родство не вызывало ни у кого сомнений.

Все произошло на портовом рынке. Том самом, где мне стало плохо. Я не без опаски бродила по рядам, разглядывая разнообразный товар и прислушиваясь к чутью. Чутье молчало. Вдруг возле меня дико завизжала женщина.

— Помогите, люди добрые! Украли! Украли кошелек! Все деньги! Детям есть нечего! Ой, лихонько!

Женщина теперь уже отчаянно рыдала, ползая на коленях в пыли. Антон дернул меня за рукав.

— Помоги ей, Хри...

Я шикнула на него.

— Ты забыл?

— Ой, прости. Лидия. Помоги ей, видишь, как убивается.

Женщина продолжала рыдать. Мне было все равно. Я бы прошла мимо, как это делали остальные покупатели, старательно огибая плачущую женщину и смотря в другую сторону. Но внутри меня словно заворочался и поскребся огромный зверь, так что стало щекотно в животе. Чутье наконец проснулось.

Я подошла к женщине и присела на корточки рядом с ней.

— Вы видели вора?

— Да, мальчишка, шустрый такой, терся возле меня, когда я выбирала персики, — женщина взглянула на меня с надеждой, в ее глазах стояли слезы и отчаяние, но она готова была поверить в чудо.

Я прикрыла глаза, мысленно создавая образ мары. Мар не существует, по крайней мере, для остальных, но для меня они вполне реальные. И они могут быть полезными. Если мне надо узнать что-то про человека, я создаю его мару. Это всегда мучительно, потому что мое сознание и разум на краткий миг разбиваются на миллионы или миллиарды капель, которые

потом сливаются в бесконечные ручейки возможных реальностей. Я словно играю в игру — что было бы, если бы?.. И таких "если бы" неисчислимо количество. Чем больше я знаю про человека, тем лучше получается мара. Впрочем, иногда я словно получаю подсказку извне. Божье провидение ли мне шепчет, или голос из бездны дает подсказку — мне все равно. С марой можно разговаривать, спрашивать, но самое главное, ее можно прогнать в любой момент. Вот только создав мару, я приближаю приступ.

Я открыла глаза. Рядом со мной стоял мальчишка лет десяти. Его лицо плыло и менялось, словно в тумане. В руках он держал кошелек. Мара вора.

— Ну и где же наш воришка теперь? — вопрос прозвучал, словно я обращалась сама к себе, но я спрашивала мару.

— Так убегай же, паршивец, — женщина жалобно скривилась.

— А куда побежал?

Мара тоже скривился, глазки забегали, потом он пожал плечами, повернулся в сторону пристани и показал пальцами на заброшенный док.

— На крыше вон, — буркнул мара и стал канючить, — тетенька, подайте копеечку, на хлебушек. И на водочку. Вышла крыса на пригорок, стала деток считать...

— Исчезни, — я махнула рукой, и мара растаял в воздухе. Я припустила в сторону доков, за мной бежал Антон. Женщина недоуменно смотрела нам вслед.

На крыше мелькнула тень, воришка почуял неладное, но я была проворнее. В одно движение взмахнула по ограде на крышу и сцапала мерзавца уже на краю. Воришка захныкал.

— Тетенька, отпустите, я ничего не сделал...

Выудив у него кошелек, я перехватила его за загривок и потащила к женщине.

— Он, вот он, вор! Кошелек у меня украл! — женщина его тут же узнала и кинулась к нам. За ней потянулась толпа любопытствующих. Крали-то кошельки часто, обыкновенное дело, а вот чтоб вора поймали, редко бывало. Кроме того, бесплатное развлечение было посмотреть, как будут бить воришку. Глумливое любопытство и злорадство очень остро ощущались в воздухе, меня начало подташнивать. Запах гнилого мяса, опять приступ?

Я бросила кошелек к ногам женщины и встряхнула вора. Только сейчас заметила, что это не мальчишка, а карлик. Уродливое, сморщенное, как печеное яблоко, лицо и злобные маленькие глазки. Теперь он уже не канючил, а шипел, как крыса, грязно ругался и плевался. Мне стало противно, я швырнула вора в толпу, пусть разбираются. Мужики бросились на карлика с кулаками, но он прошмыгнул у них под ногами, получил пару пинков от торговков, скатился в канаву и нырнул в сток. Словно крыса. Мерзкая вонючая крыса. Тошнота не проходила.

Женщина бросилась к моим ногам, глотая слезы, стала благодарить. Люд из толпы уважительно качал головами и одобрительно гудел.

— Вот возьмите, госпожа. Как я вам благодарна, если б знали, вы спасли моих деток от голодной смерти, от долговой ямы. По гроб не забуду вашу доброту, молиться за вас буду, каждый день...

Женщина попыталась всучить пару серебряных монет.

— Не надо, спасибо, — я отвела ее руку. Торговец пряностями, крепкий загорелый мужик, подошел и поклонился.

— Госпожа, вы благородно поступили. Не каждый мужчина вступится за обиженного, а такая хрупкая девушка не побоялась. Чудеса, да и только...

Чутье опять вздохнуло зверем, обдав внутренности жаром. Ну разве можно было измыслить лучшее прикрытие для вора? Теперь я знала, чем мне заняться. Как удачно все складывалось.

— А что, часто у вас воруют?

— Дык часто, ворья развелось невиданно.

— А куда ж сыскная служба смотрит? В громаду жаловались?

— Жаловались, конечно. Только у них дела поважнее, говорят, чем всяких бродяг ловить.

— А остальное как? Кроме краж, еще неприятности имеются?

Торговец прищурился.

— А вам-то какой интерес?

Я улыбнулась.

— Да вот думаю частный сыск открыть.

— Частный? А такой разве бывает?

— Конечно, — я сделала серьезное выражение лица и подала мужику визитку, на которой просто значились мои новые титул и имя — крета Лидия Хризшгайн. — Я пока только подыскиваю помещение под частный сыск, а вот видите, первые клиенты уже появились.

Я обернулась к женщине, которая запрыгивала драгоценный кошелек в свой пышный бюст:

— Милейшая, буду вам крайне признательна, если будете советовать меня своим знакомым. Лидия Хризшгайн. Частный сыск и прочее.

Женщина, разинув рот от удивления, смотрела нам с Антоном вслед.

И опять затишье. Почти три дня мы с Антоном осматривали дома на продажу. Бойкий пронырливый старикашка, сосватанный нам трактирщиком в качестве посредника, все норовил продать подороже и совсем не то, что надо. Дома в центре были, конечно, хороши, но втридорога платить я не собиралась. Халупы на окраине в бедняцких районах нам тоже не подходили. Оставались купеческие и ремесленные районы, сегодня как раз отправились смотреть. Я очень надеялась, что мы наконец-то что-то купим. У меня уже появились первые клиенты, в основном, торговцы да работяги, впечатленные моими геройствами на рынке. Дела были мелкие, найти телегу с товаром, узнать, кто ворует в лавке, а кому-то — узнать, изменяет ли жена. Впрочем, меня это не смущало, чем больше людей будут обо мне знать, тем скорее появятся первые клиенты из знати. А там я свое не упущу. Воровать же у нищего рабочего люда или даже у зажиточных купцов — себя не уважать.

Мы осматривали выставленные на продажу дома в купеческом районе. Улица была старая, довольно узкая, но выходила на площадь, почти безлюдная. Дома были обложены белым камнем, со временем он темнел, давая коричневый оттенок. Весь город походил на громадную ракушку, белую в центре и ближе к пристани, где проживала знать, и розово-черную снаружи. Один дом, старый и обветшалый, в три этажа, привлек мое внимание. Его очертания поплыли, как в мареве, и на секунду передо мной возникло видение этого дома: ухоженный фасад, на первом этаже вывеска пекарни, на верхних этажах тяжелые портьеры, уютно горел свет, по улице сновали прохожие, даже доносился запах свежего хлеба. Я сглотнула слюну, встряхнула головой и дернула за рукав старика.

— Скажите, милейший, в этом доме раньше была пекарня?

— Что? Нет, что вы! Это дом помчика Галицкого. Бедняга разорился уже лет десять назад, дом громада до сих пор продать не может. Но я вам его не советую, дом запущен, требуется ремонт, и кроме того...

— Беру! — я резко оборвала посредника. Значит, это было виденье не прошлого, а будущего, что меня вполне устраивало.

Старикашка попытался накрутить цену, увидев явный интерес к дому, но отступил, когда я поинтересовалась, что же с домом не так, раз его не могут продать столько лет.

Купчую в тот же день зарегистрировали в громаде. Я также предъявила в залог фамильные драгоценности, благо, они неучтенные, а инициалы на перстне совпадают с моим новым именем. Такую деталь, что обычно сначала идет имя, а потом фамилия, никто не заметил. Люди вообще обычно мало что замечают. Просто удивительно! Сколько раз я пыталась объяснить Антону, что надо просто внимательно смотреть и много увидишь. И никакое это не колдовство. Так что титульную бумагу и печатку мне выдали без проволочек. Городской управитель, господин Варгес, толстый лысенький человечек, на голову ниже меня, все время вытирал потный лоб.

— Как долго госпожа собирается пробыть в нашем чудесном городе?

— Город у вас действительно чудесный, — я улыбнулась ему. Когда надо, я вспоминала хорошие манеры и могла быть самым очарованием. — Вот думаю открыть здесь свое дело.

— Интересно, — глазки управителя заблестели. — Торговлей займетесь, аль как?

— Нет, — важная пауза. — Я собираюсь открыть частный сыск.

Управитель был удивлен и даже шокирован.

— Такая прекрасная девушка, и частный сыск? А что искать-то будете? Чужих мужей?

— И этих тоже. Кстати, а я могу сегодня же получить разрешение на сыск?

Варгес явно замаялся. Он не был уверен, возможно ли такое разрешение в принципе, но не хотел упускать выгоду.

— Я думаю, что необходимо сначала заполнить некоторые бумаги, давайте скажем завтра...

— Завтра я не могу. Дела, знаете ли. Впрочем, я думаю, что могу получить разрешение от одного из воягов... Какого посоветуете?

Управитель заволновался, глазки забежали.

— Ну что вы так сразу, госпожа. Раз нужно сегодня, значит, сегодня все сделаем.

— Приятно иметь дело с понимающими людьми, — я демонстративно вытащила кошелек и позвенела монетами. — Я думаю, что...

Я осеклась. На столе управителя сидела большая мерзкая крыса, тощая и очень злобная. Она шевелила усами и смотрела на меня красными выпученными глазками. Я прикрыла глаза.

— Что с вами? Нехорошо?

— Да, к жаре вашей непривычная... — я дрожащей рукой приняла стакан с водой, услужливо поданный управителем. Крысу он не видел, значит, опять виденье. Крыса засеменила в мою сторону. Я вцепилась в стакан, прикрыла опять глаза, но скрежет маленьких коготков приближался. Если крыса вцепится мне в руку, раны будут настоящими, которые увижу не только я, но и остальные. Проверено.

Я вскочила со стула. Мне нужно было разрешение. Сегодня. Я выхватила толстенный грессбух со шкафа и что есть силы запустила в крысу. Управитель ойкнул и вытаращился на

меня. Крыса пискнула и залезла в графин с водой. Из горлышка торчали усы.

— Простите меня, господин Варгес. Мне показалось, что по столу прошмыгнул таракан.

— Таракан? У меня? Я вас уверяю, здесь нет никаких тараканов! Какая вы нервная! —

Управитель взял графин и плеснул себе воды, вместе с крысой. Поднес его ко рту и сделал жадный глоток. Вместе с крысой.

Меня опять замутило. Я слышала, как пищала крыса из горла Варгеса, а ее хвост торчал из его рта. Как же мерзко.

— Выпишите мне разрешение, а я пока подожду в коридоре. Здесь у вас очень жарко.

— Да-да, конечно, через десять минут все будет готово.

Я вылетела из кабинета и упала на стул.

Сегодня ночью я проснулась от кошмара. Мне вдруг почудилось, что Антона нет, я его выдумала, он один из моих мар. Бросилась к своим записям, перечитала. Ну вот же, Антона видят другие люди, он покупал еду, а теперь и готовил в новом доме. Наши долгие странствия и мытарства сильно отразились на нем. И вообще, получилось так, что это я обещала позаботиться о брате Мари, а на самом деле это он взял на себя заботы обо мне. Я, будущая вояжна, оказалась совершенно неприспособленной к быту обычного человека. А вдруг нет не только Антона, но и остальных? И весь этот город и его жители — плод моего больного разума? А я сама уже давно сошла с ума, как мой отец, лежу в постели и смотрю невидящим взглядом в потолок? А бабуля склоняется над моей кроватью и вытирает липкий пот с чела? На мои крики прибежал Антон, стал успокаивать, дал выпить травяной настойки. Валериана и мята, заваренные с медом, обычно меня успокаивали. Надо будет пополнить запасы. Утром я еще раз перечитала записи, успокоилась. Плевать на все. Даже если все это мой безумный бред, его нужно довести до логического конца. Как любила говорить моя знаменитая прапрабабка: "Даже если я брежу, то тебе же хуже!" Правда, она обычно добавляла что-нибудь вроде: "Сдохни, тварь!"

Утром я поручила Антону развесить объявления о сдаче в аренду первого этажа нашего дома. Мы переехали вчера, сразу, как закончился ремонт. Рабочие осветлили фасад, теперь он был уже светло-кремового оттенка, сделали ремонт внутренних перекрытий, заменили ставни. Пришел печник, проверил тягу, почистил дымоход. Мебели пока не было, спали на полу. Дел было много, а времени толком не хватало. Еще мне был нужен рисовальщик. Да, лучше рисовальщик. Хотя если не найдется, то можно было и писаря нанять. Так что надо было еще составить объявление о найме на работу рисовальщика. Антон так и не научился писать. Из меня получился плохой учитель, я была жутко раздражительна. Надо будет обязательно нанять ему учителя. Что еще? Ах да, рисовальщик. Он нужен очень срочно. Я чувствовала, что приступ приближается. Во время приступов я не помнила себя, что я делала и говорила, а это важно. Антон пытался запомнить и пересказать, но ему сложно, я несла несвязный бред с огромной скоростью, могла драть, царапать, бить, ломать вещи. Горький опыт научил меня, что почти все проявления безумия имеют скрытый смысл, и игнорировать их глупо и опасно. Кроме того, меня дико раздражал тот факт, что я запоминала абсолютно все, даже то, что мечтала бы навсегда вычеркнуть из памяти, но не могла вспомнить несколько часов приступа... Поэтому мне просто необходимо знать, что я вижу во время своих приступов. Можно записать, но лучше сделать зарисовки. Это мне подсказал Антон. Отчаявшись запомнить все, что я несу во время приступов, он стал

схематично изображать некоторые моменты. Художником или просто рисовальщиком ему, конечно, не стать, но идея мне понравилась. Я написала с десятков объявлений и отправилась развешивать. Надеюсь, скоро у нас появятся новые жильцы.

Прошло три дня. Мне уже пришлось отказать нескольким желающим арендовать первый этаж, Антон пребывал в недоумении и даже, кажется, расстроился. Но я ждала. Ждала того, кто сможет воплотить мое виденье о преуспевающей пекарне в этом доме, изумительных ароматах на всю улицу, многочисленных посетителей, толпящихся в ожидании свежего хлеба. И, наконец, вчера он появился. Это оказался долговязый нескладный юноша лет двадцати, прыщавый и неуклюжий. Он робко топтался возле двери, не решаясь зайти. Я как раз возвращалась с доков, где успела распутать одно несложное дело о поджоге складов. Купец, чуть было не потерявший все состояние из-за подлога городского чинуши, был мне очень благодарен, и размер его благодарности теперь основательно утяжелил мой кошелек. Правда, испортились отношения с управителем Варгесом, который имел долю с темных делишек своего подчиненного. Ничего, переживу. Наше финансовое состояние все еще было неудовлетворительным, мы едва сводили концы с концами. А красть по мелочи я не хотела, а крупный улов без предварительной подготовки и разведки невозможен. Но теперь уже можно было заказать нормальную мебель, а не ту подержанную рухлядь, которую выторговал Антон.

Паренек стоял перед дверью и не решался войти. Проходя мимо него, я запнулась, а в глазах потемнело. Уцепившись за косяк входной двери, я позвала его.

— Милейший, вы мне не поможете?

— К-к-к-конечно, — парень слегка заикался. Я взглянула ему в глаза. Они были мутного каре-зеленого цвета, но меня интересовало другое. Легкая, совсем еще слабая искорка безумия, которую я научилась безошибочно различать в других.

— Вы здесь по делу или просто прогуливаетесь?

— Я х-х-х-хочу снять п-п-п-первый этаж с п-п-подвалом, — разговор с незнакомкой давался парню нелегко, он явно стеснялся.

— А для чего, можно полюбопытствовать?

— П-п-п-пекарню хочу открыть, — парень зарделся, словно сообщил что-то неприличное.

— Вот как, — я скрыла улыбку. Так и хотелось коварно потереть руки и крикнуть — "Попался!". В зеркальном отражении окна появился благообразный дедок, и настроение у меня моментально испортилось. Мара в образе старца, живой укор памяти светлейшего магистра Солмира. Давно его не было видно. Дедок появлялся в самых разных обликах: лохмотьях нищего, рясе священнослужителя, кафтане купца, однажды приперся вообще голым. И никогда со мной не разговаривал. Вообще никогда. Обычно мара сразу вываливали на меня кучу болтовни, да так, что уши приходилось затыкать. Этот молчал. Иногда он укоризненно качал головой, осуждающе вздыхал, хмурился или даже кривился от презрения. Ну и пусть. Я вцепилась в руку парнишки и потащила его внутрь здания.

— Антон! — я так оглушительно заорала, что моя заикающаяся жертва вздрогнула. — Не пугайтесь.

Я улыбнулась и предложила юноше располагаться. Старец уселся в углу комнаты, скрестил руки на коленях и замер. Из кухни прибежал Антон и вопросительно смотрел на меня.

— Знакомьтесь, это наш новый жилец, эээ... простите, как вас зовут?

— М-м-м-мартен, — парень был явно удивлен и растерян. — А вы хозяйка?

— Да, — кивнула я. — Мартен откроет у нас самую лучшую пекарню в городе, правда?

Расскажите про себя.

Мартен робко опустился на старый диванчик, он явно нервничал.

— Я д-д-д-даже не знаю... М-м-м-мой отец, он... занимался в-в-в-выпечкой в Асаде, при монастыре, это на в-восточном побережье... Н-н-нам пришлось оттуда уехать, к-к-к-когда...

— Когда там началась война, — парня было тяжело слушать, все время хотелось закончить фразу за него. — А где же ваш папа сейчас?

— Он... м-м-мы сняли комнату в таверне. П-п-понимаете, у нас совсем н-н-немного денег, — было такое ощущение, что Мартен расплатится. Длинные фразы давались ему с большим трудом.

— Это не беда, составим долговую расписку...

— Не надо! — парень явно испугался. — Я л-л-лучше пойду, п-п-простите...

— И чего вы так боитесь? — я была в недоумении. — Пригласим поверенного, составим на хороших условиях, минимальный процент положим... Или вы не хотите открыть свое дело? Мне кажется, у вас большой потенциал.

— А п-п-потом в долговую яму и в рабство? Н-н-не хочу, я пойду.

Я перехватила парня возле двери.

— Мартен, подождите. Скажите, я похожа на человека, способного продать кого-нибудь в рабство? — я заглянула ему в глаза.

— Н-н-не знаю...

— Давайте так, вы грамоте обучены?

— Д-да.

— То есть прочитать долговую расписку сами в состоянии? Мы внесем пункт о том, что в случае не выплаты долга должник не будет обязан его выплачивать посредством своей свободы. Как вам такой вариант?

Антон явно пребывал в недоумении.

— Лидия, мы сами по уши в долгах, зачем нам такой арендатор?

— Подожди, Антон. Ну так что, вы согласны? — не дожидаясь ответа, я оттащила юношу обратно к дивану и усадила. — Успокойтесь, мы сами живем, считая каждую копейку, так что просто расскажите, какой будет будущая пекарня.

Продираясь через раздражающее заикание, Мартен стал описывать свое будущее дело. Делал он это из рук вон плохо, у меня даже мелькнула тень сомнения, не ошиблась ли я. Я уже не видела искры безумия, которая означала страсть человека, его Дар. А без этого будет просто пекарня. Но тут Мартен дошел до технической части вопроса, и словно по колдовству, вдруг изменился. Враз пропало заикание, глаза из тусклых превратились в ярко-горящие. Он любовно описывал свое изобретение механического вымешивателя теста, сыпал подробностями, потом перескочил на план создания механического дозатора специй. Глаза горели. Горели ровно и надежно. Влюблен в механику. Интересно. Я прервала его словоизлияния.

— Мартен, мне нужно побеседовать с вашим отцом, только после этого я приму окончательное решение. Завтра, Антон, пригласи поверенного из громады, к десяти.

— Лидия, завтра воскресенье, — Антон был смущен моим невежеством.

— И что? Посули ему хорошую переплату. А вы, Мартен, приходите сюда с вашим отцом чуть раньше, скажем, к девяти.

— Н-н-но...

— До свиданья, Мартен, — я выпроводила ошарашенного юношу за дверь.

— Хриз, я не понимаю...

— Лидия! Даже когда мы одни. И не спорь со мной, у парня явный талант, правда к механике, а вот у отца, думаю, не уверена, конечно... Но безумие, как правило, наследственно, у отца будет талант к выпечке. — Я улыбнулась Антону. — Так что беги в громаду.

Антон ушел недовольным и надувшимся. Пусть. Сзади меня раздалось тихое покашливание. Старец продолжал сидеть в углу.

— Сгинь отсюда! — я топнула на него. Никакого эффекта. В дверь постучали. Вот зараза.

На пороге стояла она. Я сразу поняла, что это она. Та самая синяя птица. Знатная крета или даже помчица. Лет тридцати, лицо чистое и благородное, большие синие глаза, полные слез, кружева и бархат, дорогие украшения, на пальце прекрасный изысканный перстень с топазом, тонкий запах лаванды.

— Проходите, ваша милость, — я распахнула дверь первой знатной клиентке.

ГЛАВА 2. Инквизитор Тиффано

Тихий плеск рассекаемых волн ознаменовал окончание штиля. Судно величественно надулось громадой белоснежных парусов и заскользило по синей глади моря. Я тяжело вздохнул, скоро мы должны были прибыть в Кльечи. В отличие от подавляющего большинства пассажиров, я искренне наслаждался путешествием. Даже все неудобства пути, жуткая стесненность кают и отвратительная пища не могли испортить удовольствие. Море всегда напоминало мне родителей. Все мои скудные детские воспоминания были наполнены соленым бризом, мерным плеском волн, запахом смолы и корабельных снастей. Отец постоянно путешествовал и непременно брал меня и маму с собой. Я смутно помнил его силуэт, когда он склонялся над загадочными измерениями небесных светил, а за бортом шумело бесконечное море. Мне даже иногда казалось, что я родился на корабле, а не на твердой земле. Я встряхнул головой, отгоняя непрошеную печаль. Родителей давно нет в живых.

Позади осталась шумная столица, ужасы войны, церковный госпиталь. Меня ждало новое назначение в Кльечи и встреча с наставником. При мысли об отце Георге на душе потеплело. Он заменил мне родителей, и только благодаря ему я стал тем, кто я есть. Я стал инквизитором.

— Господин инквизитор! Господин инквизитор! — запыхавшийся юнга тащил меня за рукав, увлекая за собой. — Вас капитан просит спуститься в кают-компанию. Там беда!..

Мальчишку взяли на борт в порту Учмелека, куда заходили пополнить запасы питьевой воды. Он назвался бардом Йожефом, развлекал богатую публику и быстро очаровал женскую ее часть. Но особенно я был благодарен ему за то, что он полностью избавил меня от докучливого внимания жены бургомистра, госпожи Эльдари. Эта вечно недовольная матрона странным образом благоволила ко мне, постоянно находя повод для разговоров, испрашивая советов и изводя меня бесконечными переживаниями о судьбе своих дочерей. Однако после появления барда она обо мне забыла, замороженно внимая его песням и словам. Тем не менее, бард мне не нравился. Было в нем что-то странное, едва уловимая ненормальность, хотя вероятно я был слишком пристрастен. Поэтому, когда юнга сообщил о беде, я сразу же подумал о мальчишке. Однако увиденное в кают-компании превзошло все ожидания.

Госпожа Эльдари каталась по полу, корчилась в судорогах, лицо было багровым, возле рта пузырилась пена. Сцена была настолько нереальна, что я на мгновение застыл столбом. Публика в кают-компании испуганно сгрудилась в углу, никто не пытался помочь несчастной. А самое страшное было то, что Йожеф продолжал петь, как ни в чем не бывало. Грустная мелодия, рвущая душу на части, окутывала сознание плотным туманом, дурманила разум и чувства... Я встряхнулся, сбрасывая странное оцепенение, и приказал:

— Прекратить! Заткните его!

Мой возглас подействовал на остальных. Люди зашумели, переглядываясь и перешептываясь, и кто-то схватил мальчишку за руку. Песня наконец оборвалась. Я кинулся к госпоже Эльдари, придержал ее затылок, свел вместе руки, ставшие деревянными, согнул их в локте и аккуратно перевернул бьющееся в конвульсиях тело на бок. Приступ трясучки

уже шел на убыль, дыхание выровнялось. Я заглянул в затуманенные болью глаза женщины и начал молитву Единому со слов:

— Повторяйте за мной.

Ее шепот, поначалу невнятный и сбивчивый, обрел четкость и уверенность, поддерживаемый моим голосом. Я помог несчастной сесте, к ней уже бросилась служанка, охая и причитая. Страх и ужас витали в кают-компании оглушающим молчанием остальных. Капитан откашлялся и решил нарушить тишину:

— Господин инквизитор, так как же теперь быть? Буйная она? Под замок ее?

Госпожа Эльдари ответила ему гневным взглядом, открыла рот, чтобы осадить наглеца, но осеклась, заметив, как на нее смотрят остальные пассажиры. Я на мгновение прикрыл глаза, собираясь мыслями.

— Приступ прошел, никакой опасности уже нет, — спокойно ответил я. — Госпоже Эльдари лучше отправиться в свою каюту и отдохнуть.

Капитан с сомнением покачал головой, на лицах остальных был брезгливый испуг. Обычно люди принимают безумие безусловным спутником колдовства, порождая дополнительные страхи и слухи. Мне доводилось видеть многих безумцев, несчастных, больных, измученных собственным разумом людей, которые были обречены на жалкое существование либо в церковных больницах, либо в добровольном отшельничестве, скрывая свою ущербность от окружающих. Однако колдуны... Многократно усиленное безумие и разум, отданный во власть демонов, делали их сложно отличимыми от обычных людей. Я заметил жадный взгляд мальчишки-барда, направленный на меня. Его голубые глаза потемнели, он торопливо отвел от меня взор и поспешил прочь из кают-компаний.

Вечером капитан Лакатош пригласил меня в свою каюту пропустить бокал-другой вина. Я согласился, радуясь возможности заглушить отвратительный вкус воды на корабле. Она невероятно быстро портилась во время путешествия, отдавая легкой гнильцой уже на третий день пути. Каюта капитана казалась тесной из-за нагромождения вещей. Мой взгляд сразу зацепился за большую подробную карту, расстеленную на столе, мгновенно вызвав острый приступ тоски по отцу. Он точно также склонялся над картой, что-то высчитывая, расчерчивая контуры берегов загадочными пометками, бормоча себе под нос таинственные цифры...

— Господин Тиффано, да-да, присаживайтесь вот здесь, сейчас уберу, — чуть смущенно кивнул мне капитан, торопливо смахивая с койки дешевый переплет какого-то приключенческого романа. — Завтра утром уже будем в Кльечи, приберег бутылку до окончания плавания.

Он налил багряную жидкость, благоухающую южным терпким виноградом и жарким солнцем, и протянул мне со словами:

— За благословенный берег.

Я согласно кивнул и с удовольствием пригубил вино.

— Господин инквизитор, на своем веку я повидал разных пассажиров, но сейчас я, признаться, в замешательстве...

— Вы о госпоже Эльдари?

— Да, — благодарно кивнул капитан, — именно. Она жена бургомистра... Мне бы не хотелось ссориться с ним, ведь Кльечи — порт приписки "Антоники"...

— Я сам позабочусь обо всем, — успокоил я мужчину.

Его грубое лицо, словно вытесанное из цельного куска камня, сразу просветлело.

— Я на старости лет хочу домик в Кльечи купить, меня уже и вдовушка одна здесь ждет. Тихий славный город, что еще нужно старику.

— По кораблю и плаваньям скучать не будете? — мне казалось совершенно невозможным, что кто-то может добровольно отказаться от моря.

— Это вам, молодым, кажется, что в морских путешествиях одна романтика и приключения. А на деле... Я ж теперь изменение погоды без барометра чую. Как кости ныть начинают, так сразу бури жди... Вот и сейчас так поясницу ломит, что...

Я сочувственно улыбнулся и кивнул на карту на столе и громоздящиеся на ней навигационные приборы.

— Я помню, как мой отец мечтал, что когда-нибудь корабли смогут пересекать океан, ориентируясь по звездам...

— Кто знает... Но это уже дело молодых да отчаянных. Я вот тоже соблазнился, купил в столице у адмиралтейства новомодный инструмент, а разобраться в нем так толком и не смог. Годы уже не те...

— Можно взглянуть? — я с жадностью уставился на диковинку, показавшуюся смутно знакомой.

Металлическое кольцо, размеченное на градусы и подвешенное на нити, со скользящей планкой, проходящей через центр круга.

— Да, пожалуйста, — капитан встал и взял кольцо за нить. — Через него надо увидеть звезду и передвинуть планку, а затем прочесть угол, отмеченный ее пересечением с градуировкой. Как-то так... Только поди ж ты, его ж держать надо ровно, а во время качки... Стар я уже для таких фокусов...

Я нахмурился. Силуэт отца на палубе, а за кормой бескрайнее море и такое же безграничное громадное небо, словно опрокинутое на голову ушатом холодным звезд. Отец стоял, удерживая на вытянутой руке... нет, не кольцо... крестообразный инструмент... Но он совершенно точно измерял звезды...

— Можно я попробую? — неуверенно спросил я. — Мне казалось, что отец пользовался чем-то подобным, но я толком не помню... Совсем ребенком был...

Капитан покровительственно улыбнулся.

— Ошибаетесь, точно. Его только с полгода назад стали использовать, когда Святой Престол разрешил князю снарядить первую экспедицию, чтобы океан пересечь. Говорят...

Капитан Лакатош понизил голос, перейдя на доверительный шепот:

— Говорят, что в новых землях за океаном... Вы только представьте... Там не веруют в Единого...

— Быть такого не может, — уверенно отмел я. — И все-таки я бы хотел проверить моряцкое кольцо. Пойдемте на палубу...

Ночное небо было ясным, щедро даруя смертным свет холодных звезд, лишь на горизонте закрываемый тучами. Я широко расставил ноги, сохраняя равновесие. Качка была незначительная, но удержать неподвижным тяжелое кольцо оказалось удивительно сложной задачей. Северная звезда, самая яркая и легко отличимая среди прочих, попала в центр круга, но я провозился почти полчаса, прежде чем уверенно выдал капитану:

— Сорок пять градусов высоты Северной звезды.

— Сейчас прикинем, — капитан завозился с картой, — мы сейчас примерно в двухсот

милях от Кльечи. Ширина места должна быть... если взять высоту светила... азимут... Да, действительно! Сходится!

Я довольно улыбнулся, бережно сматывая шнур моряцкого кольца и с легким сожалением протягивая инструмент капитану. Если бы я не дал обета служения Единому, то возможно сейчас был бы моряком...

— Господин инквизитор, — загорелся хмельной идеей капитан, как будто подслушав мои мысли, — я уже третье плавание не могу найти толкового навигатора. Последний вообще упился в Ичмелеке и опоздал на корабль... Не хотите отправиться со мной в следующий рейс? Я же видел, как у вас загорелись глаза при одном только взгляде на карты. Зачем губить призвание? Единый не обидится, если вы будете служить ему здесь, в море, верной рукой прокладывая путь и выводя суда из штормов к спасительному берегу. И вы только подумайте, я уже стар, кто-то скоро должен будет занять мое место... Почему не вы? Неужели вы бы не хотели однажды пересечь океан и ступить на новые земли, неся свет веры туземцам?..

Я с сожалением покачал головой.

— Увы, это невозможно. Я дал обет Единому и не могу его нарушить. Спасибо, капитан, за то, что позволили мне вспомнить отца. Благослови вас Единый, — я сотворил священный знак и кивнул капитану, показывая, что возражения бесполезны.

Мужчина ушел, недовольно бурча себе под нос, а я остался стоять на палубе, до боли в глазах вглядываясь то в Северную звезду, то в темнеющий и сливающийся с небом морской горизонт. Часть неба закрыли тучи, очевидно, предвещая ту самую бурю, от которой ныли кости у капитана. Едва слышное шуршание за спиной заставило меня обернуться, а в следующую минуту в меня кто-то врезался и толкнул в воду. Ледяные волны сомкнулись у меня над головой, оборвав крик. Я вынырнул на поверхность, собирая остатки дыхания и сил, чтобы удержаться над водой. Закричал, пытаюсь обратить на себя внимание. Юнги несли вахту, поочередно сменяя друг друга, чтобы вовремя перевернуть тяжелые вахтенные часы. Но они частенько засыпали, утомленные тяжелой работой... Я заорал что есть силы, пытаюсь подплыть к массивной громаде корабля и уцепиться за что-нибудь. На выступающей корме зажегся фонарь, метнулась тень юнги. Он напряженно всматривался в темноту. Я удвоил усилия и наконец был замечен. На палубе поднялась тревога, заметались матросы. Мне спустили канат и подняли на борт. Капитан был очень встревожен и расстроен. К сожалению, я не видел лицо злоумышленника, хотя некоторые соображения у меня имелись.

Ночью случилась гроза. Корабль казался беспомощной игрушкой жестокой стихии, его швыряло по волнам, а в одну из мачт ударила молния. Среди пассажиров нарастала паника, до меня донеслись испуганные возгласы о каре божьей из-за безумицы на борту. Пришлось призвать встревоженных людей к порядку, отвлекая от дурных мыслей светлой молитвой надежды. К счастью, у госпожи Эльдари хватило ума запереться в каюте и не покидать ее. Среди молящихся не было видно и барда.

Утро было удивительно ясным и чистым, как и глаза Йожефа. Он удивленно смотрел на меня.

— Я знаю, что это ты толкнул меня в воду. Зачем ты это сделал?

— Клянусь, это не я!

Я угрожающе надвинулся на мальчишку, заставив его отступить к перилам.

— Твои песни странным образом влияют на людей. Не отпирайся. Мне придется...

— Господин инквизитор, — вмешалась невесть откуда появившаяся госпожа Эльдари. — Что вы такое говорите? Йожеф — очень талантливый и воспитанный юноша. Зачем ему толкать вас в воду?

Женщина выглядела отдохнувшей, на ее лице не было ни следа от вчерашнего страшного припадка.

— Госпожа Эльдари, я думаю, что его песни спровоцировали ваш недавний приступ...

— Что за глупости! — раздраженно воскликнула она, хмурясь и закусывая губу. — Это все от нервов и дурной пищи. Да чтоб я еще раз отправилась в столицу! Только и говорят о хваленной столичной моде, а на деле и взглянуть не на что! Тьфу!..

— Госпожа Эльдари... — предупреждающе начал я, понимая, что сейчас опять утону в потоке бесполезной болтовни. — Я буду вынужден...

— Я все понимаю, — кивнула женщина. — Благодарность моего мужа не будет знать пределов, если этот маленький инцидент останется между нами.

— Это возмутительно!..

— Он скоро устраивает большой великосветский прием для знати города, попасть на него для такого честолобивого юноши, как вы, будет крайне полезно. От нас вам пришлют два пригласительных. Можете рассчитывать на самый теплый прием. Где вы, говорите, собираетесь остановиться?

— Я еще не знаю... — невольно вырвалось у меня. — Демон, прекратите. Вы не понимаете, что подвергаете себя опасности?

Госпожа Эльдари покровительственно потрепала меня по щеке, словно мальчишку, и улыбнулась.

— Господин Тиффано, вы так молоды... — она мечтательно вздохнула и обернулась к Йожефу. — Пойдем, голубчик, надо будет еще обсудить и выбрать песни, которые ты исполнишь на приеме. О... это будет настоящий фурор...

Она подхватила мальчишку под руку и отправилась прочь, чуть оскальзываясь на мокрой после ночной бури палубе. Йожеф покорно вел ее, но возле спуска притормозил и оглянулся. Наши взоры встретились, и у меня засосало под ложечкой от дурного предчувствия, что эта встреча не последняя.

ГЛАВА 3. Хризостола

Ее звали Илайза Картуа, помчица западного вояжества Карсиньи. Она была красивой, богатой, замужем, жила в собственном поместье недалеко от города, часто выходила в свет.

— Что вас привело ко мне? — я предложила женщине сесть. Она явно была в отчаянии.

— Я... я слышала про вас от купца Этьена. Вы ему помогли, очень, — помчица всхлипнула и торопливо достала тончайший батистовый платок промокнуть глаза.

— Да, я помню Этьена, — участие или сопереживание не относились к моим сильным сторонам. — Перейдите к делу, госпожа. Я вижу, что у вас случилось что-то серьезное, и чем раньше вы об этом расскажете, тем быстрее я смогу вам помочь. — Пожалуй, чуть резковато, но тон подействовал на Илайзу. Всхлипывать она перестала.

— У нас пропала дочь.

— Дальше, — как же раздражающе действует, когда каждое слово надо вытягивать. Еще и разговор с Мартеном изрядно истощил мое терпение. — Когда пропала? При каких обстоятельствах?

— Вчера, днем, — помчица смотрела на меня полными надежды глазами. — Мы уже обратились в громаду, они прислали двоих служак. Катрин ищут, но ведь до сих пор не нашли... Что же делать? — Илайза начала нервно теревить платок.

Как же меня раздражают такие тупые курицы! Красива, богата, но, увы, глупа. Она перейдет наконец к деталям?

— Госпожа Картуа, давайте по порядку. Начните с утра. Что вы делали, что делала ваша дочь. Сколько ей лет, как выглядит.

— Я... мы с мужем с утра... да, утром позавтракали, Катрин была с нами, капризничала, отказалась есть кашу... Потом занималась с учителем музыкой и литературой, да, у нее было два урока, кажется. А на обед к нам приехала помчица Малко, за обедом были все вместе, Катрин просто обожает ее. После обеда... что же было, ах да, Катрин пошла в сад играть, муж уехал по делам в город, а я занялась домашними делами. Потом вышла в сад позвать Катрин, а ее нет... — тут помчица, державшаяся из последних сил, разрыдалась горько-прегорько.

— Госпожа Картуа, я обязательно найду вашу дочь. Но мне нужна ваша помощь, соберитесь, пожалуйста. — Я понятия не имею, что делать с ее истерикой. Хотя... — Вставайте, мы поедem к вам в поместье. Там на месте все и покажете.

Старец поднялся и выразительно покрутил пальцем у виска. Я подхватила всхлипывающую Илайзу под руку и вытолкала ее за дверь, предварительно оставив записку Антону, слава Единому, читать он научился.

По дороге я молчала, сосредоточившись на своих чувствах. Во-первых, стойкое ощущение беды, девочка не просто убежала погулять, с ней случилось что-то плохое. Во-вторых, меня безумно раздражала сама помчица. Я терпеть не могла глупость в людях. Я могла понять и принять подлость, коварство, жадность, ненависть, но не глупость. Потому что она, как правило, неизлечима. А еще глупость очень трудно прогнозировать. Ну а в-третьих, я понимала, что злюсь и раздражаюсь, потому что скоро будет приступ. И опять без рисовальщика.

Поместье поражало и размерами, и пышностью фасада, и ухоженным садом, и прекрасной обстановкой. Я втянула воздух, словно пробуя на вкус поместье и его обитателей. Ощущение любви, достатка, здоровья, счастья. Вкус парного молока. И легкий привкус сырости. Словно в темный холодный погреб приоткрыли дверь, а оттуда потянуло сквозняком. Запах беды, словно призрак. Сырости, разложения, мокрой земли, что-то грибное... На секунду контур поместья в солнечном мареве жаркого дня заколыхался и стал расти, теряя форму, превращаясь в дерево? нет, цветок? словно паутина, но очень плотная... или это трещины, разбегающиеся в стороны? Я встряхнула головой и пошла вместе с Илайзой в сад.

Помчица догадалась принести мне портрет девочки. На меня серьезно смотрела хорошенькая девочка семи лет, ясные карие глаза, темные волосы, явно в отца, у Илайзы был совсем другой тип внешности.

— Где именно в саду Катрин обычно играла?

Помчица отвела меня к беседке, увитой плющом, вокруг которой был зверинец из искусно подстриженных кустов. Поместье вместе с садом было обнесено высокой каменной стеной, перелезть через которую девочка в одиночку бы не смогла. Я внимательно запоминала план поместья, вдруг на будущее пригодится. Не самый богатый улов, но все же.

— Стена идет по всему саду? Есть лазейки?

— Я не знаю, — помчица беспомощно смотрела на меня. — Надо спросить у садовника.

К счастью, нас нашел помчик. Так и есть, темноволосый и кареглазый, дочь была его полной копией. Господин Лю Картуа был явно недоволен моим участием и настроен крайне скептически.

— Госпожа, ммм, простите, не знаю вашего имени?

— Крета Лидия Хризштайн, к вашим услугам. И предваряя то, что вы хотите мне сказать, могу сообщить, что найду вашу дочь. Оплата 200 золотых. После. Правда...

— Правда что? Вы хотите аванс? Я уже обратился к воягу, его стража обыщет все вояжество и пределы города...

— Отлично, значит, у нас больше шансов найти Катрин, верно? Я только хотела сказать, что обещаю найти ее, но не обещаю, что живой.

Повисла гробовая тишина. Я мысленно выругалась. Как говорит Антон, мне не хватает такта.

— Мне нужны подробности, так что давайте сосредоточимся на событиях вчерашнего дня. Кто был в доме вчера? Включая прислугу.

— Верна, наша кухарка, она работает в доме с детства, садовник, Пьетро, пять лет уже, но он не живет у нас, приходит каждый вторник и воскресенье, кто еще? — подавленный помчик посмотрел на жену.

— Ачель, она убирается у нас. Но она тоже не живет в доме, приходит каждое утро.

— Учителя?

— Да, у Катрин три учителя. Мы пригласили лучших из Академии, потому что наша девочка заслуживает...

— Илайза! — помчик оборвал жену, явно раздраженный ее глупостью. — Вчера у Катрин был только один учитель, господин Пушник, он преподает музыку и литературу. Но он ушел еще до обеда.

— Кто из выше названных имеет свободный вход в поместье? У кого есть ключи от

ворот?

— Никто, — помчик решительно мотнул головой. — Только Верна, но она живет здесь.

— Кто же их пускает в дом? Верна?

— Нет, привратник Гастельо, он живет в гостевом домике.

— То есть у него тоже есть доступ в сад?

— Есть, конечно. Только он два дня назад уехал к родне из северного вояжества.

— То есть вчера учителей в дом пускала Верна?

— Да.

— Теперь расскажите мне про вашу гостью, помчицу Малко.

Господин Картуа пожал плечами.

— Я ее плохо знаю, это жена завела с ней знакомство.

— Госпожа Малко — это местная знаменитость. Она блистает в самых модных салонах города, а на ее вечерах собирается вся городская знать. Знаешь, каких трудов мне стоило раздобыть туда приглашение и завести это знакомство? И зачем вам госпожа Малко? Уж не думаете ли вы, что она... — голос помчицы задрожал от негодования.

— Вы лично проводили вашу гостью?

— Нет, мы попрощались в гостиной, она хотела зайти к Катрин, забыла подарить ей игрушку, представляете, она специально для нашей девочки заказала фарфоровую куклу у старика Норберта. Он же делает игрушки для княжеских детей!

— То есть госпожа Малко пошла в сад к Катрин? Подарить ей куклу? Вы видели Катрин после этого?

— Нет, я же говорю, что дочь играла в саду, а я занималась... Да на что вы вообще намекаете? Что уважаемая помчица Малко похитила нашу дочь?

— Где кукла?

— Какая кукла? — феноменальная тупость. Я была готова стукнуть эту дуру чем-то тяжелым.

— Куклу, которую госпожа Малко подарила вашей дочери. Вы ее видели?

Илайза явно растерлась.

— Нет, не видела. Катрин наверняка с ней стала играть и потом... вместе с ней... я не знаю...

— Мне нужно поговорить с вашей кухаркой. Позовите ее сюда, пожалуйста. И оставьте меня здесь ненадолго, мне надо оглядеться.

В саду было упоительно тихо. Я внимательно осмотрела беседку, обошла кругом. Мне не давала покоя кукла, куда она делась? Девочка любила играть именно здесь, поэтому маловероятно, что вчера она пошла в другое место. Я стала методично обыскивать кусты возле беседки, и пропажа обнаружилась под кустом в форме льва. Земля под моими туфлями была мягкой, что странно — город задыхался от изнурительной жары, а садовник должен прийти только завтра. Кто поливал землю? Верна? Я наклонилась и принялась. Пахло сыростью, мхом и древесной трухой. Испачканная фарфоровая кукла в батистовом платье, некогда явно бывшая красивой и роскошной, была покрыта бурой слизью. Я провела по кукле пальцем, понюхала вещество — все тот же запах грибной сырости. Брезгливо вытерла палец о ладонь и полезла в сумку за платком. Завернула в него куклу, спрятала и только потом заметила. По всей ладони правой руки у меня был уродливый и грубый шрам, привет из прошлого. Таких шрамов на мне было очень много, но ни одного на открытых частях тела: лице, декольте, руках. Колдун очень изощренно издевался над своими жертвами. Теперь же

кожа ладони сияла девственно чистой белизной, как у ребенка. Ни единого следа шрама. Зрение размылось и выцвело в единый момент. Тошнота подкатила к горлу и взорвалась в голове острой болью. Я задыхалась. Проклятое колдовство! Единый видит, как же я их ненавижу, мерзкие ущербные твари.

Меня робко окликнули. Позади меня стояла пожилая женщина приятной внешности. Мара?

— Госпожа Хризштайн, я Верна. Хозяйка приказала мне придти и ответить на ваши вопросы.

— Да, конечно, — я перевела дух. — Скажите, Верна, вы вчера поливали сад?

Женщина удивилась.

— Нет, что вы. Это обязанность садовника. Я в сад захожу только срезать цветов для букета в спальню хозяйки и в гостиную. Она очень любит розы... А вы правда можете найти нашу малышку? С ней ведь не случилось ничего страшного?

— Боюсь вас огорчить, но не думаю, что... — я прикусила язык. Зачем тревожить бедную женщину понапрасну. — Проведите меня в комнату Катрин. Скажите, вчера у вас была помчица Малко на обеде, так?

— Да, — кухарка едва заметно скривилась.

— Она вам не нравится?

— Ну что вы, как можно.

— Говорите смело, Верна. Я ведь не ваша хозяйка.

Женщина заколебалась, потом очень сухо сказала:

— Холодная эта госпожа Малко. Вроде улыбается, а глаза злые. А Катрин бедняжка за ней прямо хвостиком ходит, так она ей нравится. И вот ведь еще какая странность, знаете сколько лет помчице?

— Сколько?

— Около шестидесяти! Я точно знаю, потому что когда девчонкой еще была, помню, вся округа гудела о свадьбе молодой красавицы Этны и богатого старика, помчика Малко. А выглядит она максимум лет на тридцать! Разве может такое быть? Я хозяйку пыталась предупредить, так она от меня только отмахнулась! Мол, слухи развожу...

— Интересный факт, Верна.

— Правда? — женщина была удивлена. — Вы мне верите?

— Отчего же нет? Зачем вам лгать?

Детская комната поражала своей роскошью. Море игрушек, одежда из тонких дорогих тканей, безделушки на комод, клетка с ярким заморским попугаем. Девочку любят и балуют, ни в чем не отказывают. Катрин в белом летнем платье сидела на кровати, свесив ноги и что-то рисуя. Наконец-то появилась. Я присела рядом, провела ладонью по покрывалу. Мара молчала, что вообще-то странно, обычно они болтают без умолку. Я ждала и прислушивалась к своим ощущениям. Заглянула маре через плечо на ее рисунок. Огромный уродливый гриб, выраставший из головы человека. Человекогриб.

— Кто это? — нарушила я молчание.

Мара молчала. Только горестно вздохнула.

— Катрин, — позвала я, пытаюсь привлечь ее внимание. — Скажи мне, ты жива?

Мара неуверенно пожала плечами. Еще более удивительно. Как можно не знать, жива или нет?

— Хорошо, а где ты находишься?

Мара продолжала хранить молчание, но тыкнула пальчиком в рисунок.

— Отлично, а где находится человекогриб?

Отчаянно заорал попугай в клетке. Мара вздрогнула и растворилась в воздухе. Я подскочила к клетке и со злости грохнула ее об пол. Единый видит, если б она не была заперта, я б свернула шею проклятушей птице. Попугай продолжал истерически вопить и носиться по клетке.

На шум прибежала испуганная Верна.

— Госпожа, что случилось? Вам помочь?

— Нет, Верна, все в порядке, спасибо. Где ваши хозяева? Мне надо задать еще пару вопросов.

У двери в гостиную залу Верна остановилась и внимательно посмотрела на меня.

— Вы что-то вспомнили?

— Нет. Позвольте спросить вас, госпожа?

— Конечно.

Верна замялась.

— А сколько вам лет, госпожа? Просто вы-то выглядите совсем еще юной...

— Можете не сомневаться в моей компетенции, Верна, — я улыбнулась, пытаюсь скрыть раздражение и нетерпение. Воздух поместье меня душил, хотелось быстрее закончить и вырваться наружу.

— Я не про это. Просто глаза у вас... Глаза старухи... Простите.

Ишь, какая наблюдательная, демон ее раздери.

— Вы действительно очень проницательны, Верна. Жаль только, что это не помогло вам уберечь Катрин.

Слова подействовали лучше удара хлыстом, Верна дернулась и отступила.

— Помчица Картуа, ваша дочь вчера ела грибы?

Илайза недоуменно взглянула сначала на мужа, потом на меня.

— Нет, у нас на обед был запеченная телятина в белом соусе, Верна отлично ее готовит, а еще...

— Довольно, — невежливо прервала я ее. — Помчица Малко угощала вашу дочь чем-нибудь за обедом? Или может она принесла что-нибудь к столу?

— Я не понимаю ваши грязные инсинуации по отношению к благородной госпоже! — Илайза возмущенно подбоченилась.

— Просто ответьте на мой вопрос, — я чувствовала, что еще немного, и сорвусь.

— Нет, помчица Малко ничего не приносила и ничем не угощала Катрин!

— Помчица была, я полагаю, с сумочкой? В чем она принесла куклу Катрин?

— Я не помню, кажется, с ней была сумка, а куклу принес слуга с экипажа. Я... я устала от ваших вопросов. Прошу вас покинуть мой дом.

Как же она меня достала!

— Госпожа Картуа, дайте мне вашу руку.

Не дожидаясь протестов, я схватила ее одной рукой, второй достала кинжал с сапога и чиркнула им по ладони женщины. Помчица громко вскрикнула, а ее муж угрожающе дернулся ко мне.

— Спокойно! Сейчас я покажу, почему так себя веду.

Продолжая держать помчицу, я достала из сумки платок с грибной слизью и вытерла его о ладонь Илайзы.

— Вот эту жидкость я нашла на кукле, подаренной вашей вчерашней гостьей. Кукла валялась в саду под кустом. Я еще не знаю, что произошло с Катрин, но думаю, что здесь замешано колдовство, и ваша помчица Малко может иметь к нему отношение.

Илайза запротестовала и попыталась выдернуть руку. Я ее отпустила.

— Да, Илайза, посмотрите на свою ладонь. Там, где был порез. Что вы видите?

Помчица недоуменно уставилась на руку, сжала и разжала пальцы. Кровь была, а пореза не было.

— Но как?.. — помчик был изумлен не меньше жены, внимательно осматривая ее руку.

— Это явно колдовство. Попрошу вас не общаться с помчицей Малко и не рассказывать ей обо мне. И вообще никому о том, что только что произошло. Обвинение в колдовстве — очень серьезное обвинение. И мне нужны убедительные доказательства.

Помчица обессилено опустилась на софу, закатив глаза. Помчик нашел в себе мужество проводить меня лично. Уже возле ворот я вспомнила про рисовальщика.

— Господин Картуа, вы не знаете, где в городе можно нанять рисовальщика?

— Рисовальщика? — помчик удивился, потом задумался. — Вряд ли найдете. Гильдия художников при Академии есть, только там самые талантливые, они простыми рисовальщиками не пойдут. Подмастерья у них, может и пошли бы, но побоятся место потерять. Вы ведь вряд ли сможете положить хорошую плату? Есть еще при типографии рисовальщики, но и там платят хорошо. Нет, пожалуй, не знаю.

— Мне не нужен опытный или талантливый, подойдет любой, кто в состоянии рисовать по описанию.

— Хм, ну могу только посоветовать заглянуть на невольничий рынок. Вдруг повезет. Правда, за раба с такими способностями тоже могут запросить много. А зачем вам рисовальщик?

Вопрос я проигнорировала, как обычно.

— Спасибо. Присмотрите за женой, чтобы она не натворила глупостей.

Возле ворот поместья меня поджидал встревоженный Антон.

— Лидия, что ты творишь? Что за синяя птица? У тебя опять мары?

— Все хорошо, Антон. У нас наконец-то появился не просто богатый, но и знатный клиент. Правда, дело дурно пахнет.

— А что за дело?

— Похищение ребенка, и без колдовства здесь не обошлось.

Антон вздрогнул и вцепился мне в руку.

— Лидия, давай откажемся. Пожалуйста!

— Я не могу, Антон. Если это колдовство, оно все равно никуда не денется. Ты ж помнишь колдуна. Он был безумен и творил зло, и никто не мог его остановить. И вполне возможно, что будут пропадать еще дети. Рано или поздно нам придется с этим столкнуться. Так что уж лучше сразу. Да, еще надо будет заглянуть в громадский сыск. Наверняка должны быть записи о ранее пропавших.

Антон сник. Он помнил только часть ужасов, пережитых в подвале колдуна, но даже этого хватало.

— Домой?

— Нет, давай заглянем на невольничий рынок. Может, повезет, и мы найдем рисовальщика там. Приступ совсем скоро.

Антон сник еще больше.

— Опять?..

Я горестно улыбнулась.

— Пошли, надо успеть до закрытия.

ГЛАВА 4. Хризостола

Жара к вечеру совсем спала. С моря надвигалась сизая громадная туча. Уличный шум поутих, усталый люд расходился с рынка по домам. Мы успели к невольничьему павильону почти перед самым закрытием. Покупателей не было, в огромной зале, навечно провонявшей потом, мочой, страхом и отчаяньем, лениво прохаживался всего один надсмотрщик, проверяя засовы на клетках и задавая нехитрый корм. Рабство больше распространено на юге, у себя на севере мы рабами почти не пользовались, кроме тех, что привозились на строительные работы из-за моря. В рабство попадали по разным причинам: вследствие военных набегов и захвата живой силы, из-за долгов, после продажи родственниками. Последнее было для меня совсем диким варварством — как можно продать своих детей? Тем более, что большинство рабов загонялись на смертельно тяжелые работы в каменоломнях, полях или рудниках. Небольшой процент уходил на так называемых привилегированных рабов: шлюхи обоих полов, если вам повезло, и у вас привлекательная внешность, прислуга, если у вас есть таланты, которые могут заинтересовать хозяина — рисование, музыка или просто хорошее образование, ну и гладиаторы, если вы умеете драться. У таких рабов, по крайней мере, был шанс выкупить свободу. Небольшой, конечно, но прецеденты случались.

В павильоне было душно и смрадно, тяжело дышать. Старые шрамы ныли, предвещая смену погоды. Как минимум, грозу, а может и шторм. Я направилась к надсмотрщику.

— Милейший, мне нужен раб.

— Рад приветствовать вас, госпожа, — толстяк нахально, без малейшего почтения ухмыльнулся и окинул меня липким взглядом. — Кого желаете? Прислугу в дом, охранника, или может мальчика поразвлечься?

Мне было слишком плохо, чтобы сносить хамство этого холопа. Я резким движением заломила ему руку за спину, согнула его и приставила кинжал к уху.

— Мразь, ты говоришь с благородной, и если ценишь свое ухо, — я надавила кинжал, любясь на тоненькую струйку крови, сбегаящую по жирной шее. — Ты немедленно извинишься и предложишь мне самый лучший товар. Со всем возможным почтением. Не слышу!

— П-п-ростите, госпожа. Понял, все-все понял, исправлюсь. Только отпустите!

Я отшвырнула мерзкую тварь от себя.

— Мне нужен раб, умеющий рисовать. И клянусь Единым, если я не найду его, кто-то сегодня горько пожалеет.

Толстяк испуганно попятился. Он лихорадочно шарил глазами по клеткам, явно пытаясь придумать, как усмирить буйную госпожу.

— Помилуйте, благородная госпожа, сегодня раскупили партию рабов для прислуги. Никого не осталось. Остались одни отбросы. Новая партия из Гардного ожидается через неделю. Уверяю вас, я вам отберу самого лучшего!

— Раб мне нужен сегодня, а через неделю ты можешь свой товар заткнуть себе в то место, которое у тебя останется от уха.

Толстяк рухнул на колени.

— Пощадите, госпожа!

Глаза стремительно накрывала красно-черная пелена. Краем сознания я понимала, что сейчас просто заколю толстяка, и у нас с Антоном опять будут сложности с законом. А ведь тут уже был куплен дом, открыто дело. Я вцепилась в плечо мальчика и прохрипела:

— Антон, уведи его отсюда, иначе за себя не ручаюсь...

Мальчишка подскочил к толстяку и вытащил его из павильона. Я глубоко вздохнула. Хотелось рвать и метать, биться головой об стену и рыдать взахлеб. Причем делать все это сразу вместе.

Я подняла голову, огляделась и громко крикнула:

— Кто из вас умеет рисовать? Выкуплю и дам шанс на нормальную жизнь! — в конце фразы голос сорвался, получилось плохо.

Клетки молчали. Толстяк был прав, остались одни неликвиды: старые рабы, которые не в состоянии работать, молодые, но слишком изувеченные или больные, чтобы иметь хоть какую-то ценность. Я была в отчаянии. Мне нужен клятый рисовальщик.

— Хорошо, а кто хотя бы обучен грамоте? Есть такие?

Позади меня раздался шелест. Я стремительно обернулась, готовая отразить удар, но сзади стоял старец. Стоял и насмешливо смотрел. Если бы только я могла прибить эту клятую мару. Я швырнула в него кинжал, который благополучно прошел сквозь и попал в костяк клетки. Тихий гомон прошелся по невольничьим рядам. Внутри клетки зашевелились лохмотья. Бледная тень, только отдаленно похожая на человеческое существо, подняла голову и взглянула на меня.

Знаете, я уже была на пороге истерики. Если у вас хотя бы раз была истерика, то вы наверняка знаете, как легко в нее соскользнуть и как сложно остановиться. Когда каждый всхлип порождает рыдание, а каждый вдох несет новую обиду, когда икота вперемешку с распухшим носом не дают дышать, когда начинаешь задыхаться, и когда совсем уж нет сил, только тогда истерика умирает. В мучительной агонии. Бабка умела выводить меня из детской истерики, просто влепив звонкую пощечину. Истерика вмиг улетучивалась. Так и сейчас. Я захлебнулась в глазах теплого летнего моря, бирюзово-синего, с темными искрами на поверхности. Прозрачное марево прекрасного летнего утра окутало меня. Побережье моря, солнце купается на горизонте в рассветной прохладе, смуглая темноволосая девушка в белой воздушной тунике на берегу, ее ноги ласкает морская вода, девушка рисует, рисует рассвет и море, и себя на берегу. Ее картина повторяет пейзаж, а картина на картине повторяет рисунок, и так до бесконечности. Закружилась голова, словно меня затягивало в бесконечный водоворот, перехватило дыхание.

— Ты! — я ухватила за прутья клетки. — Как тебя зовут?

Тень молчала. Глаза уже были тусклые и серые, как зимнее северное море. Я перевела дыхание. Руки дрожали.

— Послушай меня. Ты умеешь рисовать, я знаю. Я хочу тебя купить. Слышишь? Я могу дать тебе свободу.

Тень продолжала молчать, безразлично покачиваясь в неслышном ритме. Что же делать?

— Антон! — заорала я. — Тащи сюда торговца.

Прибежал испуганный Антон, сзади неуверенно топал торговец. Я не сводила глаз с женщины. Ее состояние было очень плачевно. Через лохмотья просвечивали ребра, руки были в коросте и кровоподтеках различной давности, на ноге зияла страшная смрадная язва.

— Кто она? — кивнула я торговцу.

— Это выбрак. Завтра будем отправлять на рудники, хотя вряд ли она переживет плавание.

— Как ее зовут?

Торговец замялся.

— Благородная госпожа, у рабов нет имен, только номер. Ее номер — 18412.

— А что с ее историей? Откуда она, как оказалась в рабстве, и как давно?

— Простите, я не знаю. Она прибыла месяц назад с кораблем из Мирстены. Меня не интересовали такие подробности.

— Оставь нас на минуту, — я махнула торговцу и прислонилась лбом к прутьям клетки, не сводя глаз с невольницы. — Утро... побережье моря... девушка в белом... это ты... рисуешь рассвет... настоящий талант.

Тень вздрогнула, словно от удара хлыстом.

— У тебя все было: талант, красота, молодость, достаток. Что же с тобой произошло?

Тень молчала, но в глазах появились боль и отчаяние.

— Послушай меня. В жизни всегда есть место...

— Надежде? — я вздрогнула от голоса невольницы, он был подобен скрежету ржавого кинжала по стеклу. Горечь насмешки сводила скулы.

— Нет, надежда — то пустое. В жизни должно быть место цели. Если у тебя есть цель, ты живешь. Когда теряешь ее, ты уже мертва, даже если еще дышишь и ходишь. Каждый сам выбирает себе судьбу, слышишь? Надо просто правильно выбрать себе цель. У тебя есть цель?

Тень молчала.

— Послушай, тебе плохо, знаю. Но я пережила много худшее... Знаешь, как больно от холода в сырых подвалах? Когда перестаешь ощущать собственные пальцы, синяки продолжают ныть, а кости болеть? И самое страшное — это ощущение, как замерзают твои чувства, когда теряешь последнее — собственный разум... Но я выжила и сейчас стою перед тобой. А мои враги... Они проклинали тот день, когда... Впрочем, неважно. Я могу тебе помочь, соглашайся.

Тень зашла в сухом горячем кашле.

— Зачем вам помогать, если вы и так можете меня купить? Какое вам дело до меня? Оставьте меня в покое, дайте умереть...

— Мне не все равно! Ты должна хотеть рисовать и быть в состоянии это делать. Умение рисовать — это талант, часть души. Я могу купить твоё тело, но не душу. Пожалуйста, скажи, что будешь рисовать. Ты не представляешь, как мне нужен твой дар!

Тень мрачно скривилась в жалком подобии улыбки.

— Ну раз нужен, значит буду рисовать. Только не пожалейте потом...

Я подскочила к перепуганному торговцу.

— Сколько за нее?

— Пятьдесят золотых, — не моргнув глазом, ответил толстяк. Боится меня, но свое не упустит.

— За выбрак? Не смей меня. Даю двадцать пять, и то, только чтобы время не тратить на споры.

— Я не могу... — заканючил тот, и я схватила его за шкурку, встряхнула и тыкнула лицом в прутья клетки.

— Не зли меня. Я очень, слышишь, очень тороплюсь. Да, кстати, как думаешь,

управитель Варгес заинтересуется твоими темными делишками с торговцами из Мирстены? Толстяк часто-часто заморгал.

— Мирстена ведь теперь в составе опального вояжества Черногерии? А торговля с отступниками запрещена, а?

— Ладно-ладно, забирайте, — торговец устало махнул рукой.

Пришлось потратиться и нанять извозчика, рабыня не могла сама передвигаться. По карете бешено стучали тяжелые капли тропического шторма, пришедшего с моря. Мы с Антоном молчали всю дорогу, а невольница просто лежала с закрытыми глазами. Может, спала, может, нет.

Дома Антон бросился разогревать ужин, а я потащила ее купаться. Кроме того, мне надо было взглянуть на раны, оценить общее состояние. Я не лекарь, но в церковных стенах и ордене когниматов нахваталась достаточно знаний для того, чтобы вылечить несложные раны и болячки. Увы, придется искать настоящего лекаря. Если кровоподтеки заживут, а травяные компрессы помогут от коросты, то язва на ноге выглядит устрашающе, я сама не справлюсь. А еще мне не нравился ее кашель. Очень не нравился.

За ужином все опять молчали. Антон уныло ковырялся в тарелке, исподлобья разглядывая женщину. Та не поднимала глаз, но свою порцию ела жадно.

— Как тебя зовут? Должны же мы как-то к тебе обращаться? — я нарушила молчание.

— Мне все равно, называйте, как хотите.

— Хм, ну тогда будешь Тенью. Антон, завтра еще придется отправиться к лекарю. Мне не нравится ее язва на ноге и кашель. Кстати, как давно у тебя кашель?

— Не помню.

— Заваришь ей ромашку и чабрец, пусть выпьет на ночь. Рисовать хочешь?

Тень вздрогнула, подняла глаза, потом опустила взгляд на правую руку, безвольно уронившую ложку.

— Антон отведет тебя в твою комнату и даст бумагу и карандаш. Попрактикуйся и вспомни навыки, ты можешь очень скоро понадобится.

Тень встала из-за стола, поддерживаемая Антоном. Я добавила ей вслед:

— И нарисуй свою дочь, пожалуйста.

Спина невольницы дернулась, плечи сжались в защитную стойку. Она медленно развернулась ко мне, сбрасывая руку парня.

— Откуда? Откуда вы знаете?.. — она зашлась в приступе безжалостного кашля.

Я устало усмехнулась:

— Я много чего знаю, Тень. Даже больше, чем хотелось бы. Спокойной тебе ночи.

За окном уже бушевала самая настоящая гроза, раскаты грома освещали усталый город. Духота наконец спала, завтра будет чудесный прохладный день, полный дел и хлопот. Я уснула в ту же секунду, как моя голова коснулась подушки.

А проснулась не в своей кровати. Привязанная.

Голова гудела, как набатный колокол, рядом сидел усталый Антон, в угол комнаты забилась Тень, вззирающая на меня с откровенным ужасом и отвращением.

— Приступ? — прохрипела я, в горле першило, кажется, связки порваны. Дикий цепенящий холод, словно я вновь в монастырских подвалах.

Антон молча кивнул, развязывая меня и подавая стакан травяного настоя. Я жадно выпила, попыталась сесть. Перед глазами все плыло, страшная слабость.

— Да лежи ты, — Антон попытался уложить меня обратно, но я упрямо села на кровати, слегка покачиваясь.

— Который час?

— Восемь утра.

Я скривилась. В девять должен прийти Мартен с отцом, а потом поверенный. Еще надо было найти лекаря. А еще... Я спохватилась.

— Вам удалось что-нибудь записать или запомнить?

Антон мрачно скривился.

— Лучше. Когда у тебя началось, я разбудил Тень. Она смогла зарисовать почти все.

— Дай посмотреть, — я жадно выхватила у него кипу рисунков.

Мертвая женщина, распятая на камнях, с огромным животом. Я скомкала рисунок — сука, как жаль, что ты уже мертва. Огромная рысь, подсеченная в прыжке, и кубарем летящая в пропасть, но почему-то с человеческим лицом. Этот рисунок я отложила. Картина заброшенного кладбища, вдалеке виднелась церковь, сложенная из костей. Символично, забавно, и даже, пожалуй, мило. Огромный котел на огне, в котором плавают люди. Рядом стояла гигантская фигура в балахоне и помешивала варево. Что вот это значит? Тоже отложила. Следом Антон подал мне большой лист бумаги, и я вздрогнула. Весь рисунок занимал огромный гриб с разросшейся грибницей, которая, словно сеть, была накинута на город. В каждой складке гриба угадывались человеческие фигуры с лицами, искаженными болью и страхом. Они протягивали руки, просили помощи, хотели вырваться с плена, но не могли. Художница мастерски передала их чувства, потрясающий талант. Я подняла глаза на Тень.

— Ты просто чудо. У тебя настоящий дар.

Рабыня смотрела на меня затравленным взглядом. Ее душил кашель, но она выдавила:

— Вы... колдунья?

— Что? Ах, понимаю. Антон, я сильно буянила?

— Угу, — пробурчал мальчик, и тут же ретировался. — Пойду завтрак приготовлю.

Мы остались с Тенью одни.

— Нет, я не колдунья.

— Но вчера ночью...

— У меня был приступ. Такое иногда бывает.

— Но вы вели себя как безумная, катались по полу, царапались, ругались, Антону чудом удалось вас уложить и привязать...

— Так я и не спору, я сумасшедшая.

Глаза Тени расширились от ужаса.

— Вот ты много встречала колдунов в своей жизни?

— Ни одного, — женщина сжалась в углу еще больше. — Верните меня обратно, пожалуйста.

— Ты не видела ни одного колдуна, так как ты можешь утверждать, что я колдунья?

— Все колдуны безумны! Это же известно даже ребенку.

— Верно. Все колдуны безумны. Но! Не все сумасшедшие являются колдунами, — я специально помолчала, давая Тени время обдумать эту сложную логическую конструкцию.

— Не понимаю.

— Есть очень много безумных людей. Но колдунов намного меньше, понимаешь? Вот ты, например.

— Что я? — Тень недоуменно вскинула голову.

— Ты тоже безумна.

— Неправда!

— Безумна. Правда, твое безумие почти незаметно. Оно проявляется в твоём даре. Ведь что такое безумие? Безумие — это когда ты чем-то отличаешься от общепринятых норм поведения или способностей. Вот Антон. Он абсолютно нормален. Возьмем его как норму. Умеет он рисовать скрытое в душе человека, как ты? Нет, не умеет. Значит, ты можешь и делаешь то, что не могут остальные. Значит, ты отличаешься, а поэтому ты безумна.

— Я... я просто рисую, а рисовать умеют многие.

— Верно. А кто сказал, что они не безумны? Так что не суди других. А колдун... Колдун — это тот, кто перешагнул некоторую черту, за которой нет ничего, кроме разрушения и зла, там нет эмоций и желаний. Колдун уже не человек, а бездушная тварь, упивающаяся своей властью...

Я замолчала надолго, уставившись в пустоту. Вместе со мной молчала и Тень.

— Давай на этом закончим, у нас сегодня очень много дел.

Тень закашлялась, отрицательно мотая головой. Она явно не верила моим словам.

— Ты знаешь, чем я занимаюсь?

Женщина покачала головой.

— Частным сыском. Сейчас у меня богатая клиентка, я должна найти ее пропавшую дочь, девочке семь лет. Я думаю, что ее погубила колдунья. Сколько сейчас лет твоей дочери?

Тень молчала и недоверчиво слушала меня, не собираясь отвечать.

— А знаешь, что на твоём последнем рисунке? Это то, чем колдунья губит людей. Грибное колдовство. Или что-то на него похожее. Так что ты подтвердила мои догадки. Пошли завтракать.

К завтраку пожаловали Мартен и его отец, Антон пригласил их к столу, подал вкуснейшие сырники и заварил диковинный заморский напиток — кофе. А принесенные гостями нежные ароматные булочки с изюмом привели меня почти в чувство. После приступов у меня всегда разыгрывался дикий аппетит, так что я моментом умяла еду. Тень не проронила ни слова.

Отец Мартена оказался бойким лукавым старичком, безумно влюбленным в свое дело. Собственно, за завтраком говорил только он. Подробно рассказал про свои фирменные рецепты, похвастался семью видами закваски для теста, которые вывез из осадного города, перечислил все пряности, которые думает закупить в ближайшее время, долго размышлял вслух, как назвать пекарню, и даже совсем не замечал, что его толком никто не слушает. Антон был мрачный и уставший, я обжиралась до неприличия, а Тень замкнулась в себе. Только Мартен делал вид, что слушает, и поддакивал отцу.

Мы дождались поверенного и заключили с Марتنеном сделку. Он был поражен известием о том, что я вчера купила рабыню, но узнав, что собираюсь оформить ей вольную после того, как она отработает свою стоимость, окончательно успокоился и уверился в моей честности и порядочности.

— Лидия, ты обещала зайти в церковь. Сегодня в двенадцать как раз воскресная служба. — Антон был настроен решительно. — Заодно у священника узнаешь, где найти лекаря.

— Я туда не пойду.

— Я спрашивал про отца Георга, соседи о нем хорошо отзываются.

Я ненавидела церковь и все, что с ней связано. Пожалуй, я даже не знаю, кого больше ненавидела: церковников или колдунов.

— Ну хорошо, — Антон явно был не намерен отступать. — Но тебе все равно необходимо заручиться помощью церковников. Колдовством должен заниматься не мирской сыск, а церковный.

— Не хочу. Что-нибудь придумаю.

— Госпожа боится зайти в церковь? — Тень смотрела на меня с подозрением.

Ну вот что ей сказать? Как объяснить? Я вздохнула.

— Хорошо. Пойдем на воскресную службу все вместе. Посмотрим на вашего хваленного отца Георга.

Церковь оказалась достаточно скромной и уютной, служба вогнала меня в сон, собственно, я благополучно ее проспала на плече Антона. Тот сердито растолкал меня после ее окончания, кивнув в сторону священника. Отец Георг, седовласый и маленький, подошел к нам и поздоровался.

— Вы мои новые прихожане? Недавно купили дом помчика Галицкого?

— Да, — я внимательно приглядывалась к церковнику, пытаюсь отыскать знакомые искорки безумия в его глазах. Горький опыт убедил меня, что почти все священнослужители — безумные фанатики, от которых стоит держаться как можно дальше. Но в ясных глазах цвета весеннего неба я не находила ни единого признака безумия. Это было очень странно и непривычно. Хотя любое исключение лишь подтверждает общее правило.

— Я рад приветствовать вас в церковной обители. Надеюсь, вы станете прилежными прихожанами.

— Не сомневайтесь. Отец Георг, подскажите нам, где можно найти хорошего лекаря?

— У вас что-то случилось? — священник казался искренне обеспокоенным.

— Я вчера купила рабыню, она в плохом состоянии, боюсь, что...

— Рабыню? — отец Георг нахмурился и неодобрительно покачал головой. — Рабство унижительно и недостойно истинного верующего. Церковь осуждает как работорговцев, так и тех, кто им потакает.

— Церковь осуждает? — я чувствовала, что сейчас наговорю гадостей. — А что, простите, сделала ваша Церковь, чтобы искоренить рабство? Может, Церковь выкупает и освобождает рабов? Или может Святой Престол отлучил воягов, на землях которых процветает рабство? Что вообще делает ваша Церковь? Что она может делать, кроме как осуждать? — Антон дернул меня за рукав, и я сердито замолчала.

Отец Георг виновато покачал головой.

— Не в моей власти отвечать за всю Церковь и решения Святого Престола. Каждый в ответе только за свои поступки.

— Я выкупила рабыню, которую собирались отправить на рудники. Хотя сомневаюсь, что она бы пережила плавание. Давайте не будем больше об этом. Помогите найти лекаря, окажите свою, — я сделала выразительную паузу, — посильную помощь.

— Конечно, я позабочусь об этом. Сегодня после обеда у нас будет лекарка из церковной больницы. Она посещает наш детский приют каждое воскресенье, заботится о бедных сиротах. Вы можете оставить вашу... — старик замялся, — вашу подопечную, ей кажется тяжело передвигаться, а вечером встретиться здесь с лекаркой и получить назначение.

— Спасибо вам.

— Я надеюсь, что вы также не останетесь в стороне от богоугодного дела — заботе о сиротах. Церковный приют с радостью примет от вас любую посильную помощь.

— Конечно, — я полезла в сумочку и достала кошель. — Пожертвования в 10 золотых хватит, надеюсь?

— Не все оценивается деньгами, — старик посуровел. — Я надеюсь, что вы найдете время пожертвовать приюту не только деньги, но и свое внимание. Навестите как-нибудь детей, они очень ждут гостей и подарков. А деньги можете оставить себе.

Старик развернулся и собрался уходить. Ишь, правильный какой. Делать мне больше нечего, нянчиться с сиротками, праведницу нашел.

Антон опять дернул меня за рукав и прошептал:

— Спроси про инквизицию, может в городе есть ее представители.

Я глубоко вздохнула и со всем возможным почтением окликнула отца Георга.

— Я прошу прощение за свою грубость, я не хотела никого обидеть. Ваша святость, мне нужна помощь еще в одном деле.

Церковник помедлил, потом повернулся ко мне. Кажется, я произвела на него плохое впечатление.

— Каждый может ошибаться, но только истинно верующий в Единого способен признать свои ошибки и раскаяться в них. Искренне раскаяться, — старик подчеркнул последнюю фразу.

— Подскажите, куда мне следует обратиться с заявлением о колдовстве?

Церковник неожиданно нахмурился.

— Колдовство? Вы уверены? Очень часто люди путают колдунов с обычными блаженными, хотя те всего лишь больные несчастные люди.

— Уверяю вас, я не путаю.

— Колдуны — всего лишь выдумка невежественных мирян, чтобы оправдать собственную слабость, и...

— Хватит, святой отец! — я чувствовала на себе пристальный взгляд Тени. — Вы что, не верите в колдунов?

— Я верю только в Единого, — строго ответил старик. — И вам советую не забывать об этом.

— Хорошо, то есть вы не признаете факта существования колдунов? Я правильно вас понимаю? Мне кажется, это уже смахивает на ересь, ваша святость. Существование колдунов официально признано Святым Престолом. Ими занимается Святая Инквизиция и церковный сыск. Или мне стоит обратиться с этим вопросом напрямую к епископу?

— Хорошо, на все воля Единого, — старик махнул рукой и тяжело вздохнул. — В город недавно прибыл инквизитор, мой воспитанник. Я дам вам его адрес. И все же, — старик медлил и испытующее смотрел на меня. — Вы уверены в своих подозрениях? Это ведь очень серьезные обвинения, они могут повредить человеку.

— Вы никогда не встречались с колдунами, да, святой отец? — я устала от его

упрямства.

— Нет, но я много раз видел несправедливо обвиненных...

— А я видела жертв колдуна. Много жертв: мужчины, женщины, дети. Растерзанные, изуродованные, замученные до смерти. Расскажите их семьям о том, что колдунов не существуют. Что они всего лишь выдумка.

Старик ошеломленно отступил.

— Лидия, ты была жестока к старику, — упрекнул меня Антон уже на улице. Полуденное солнце палило нещадно, но меня била крупная дрожь.

— Хватит об этом. Пошли к инквизитору.

По дороге мне не давала покоя одна мысль. Зачем в город, пусть крупный торговый и курортный центр, но, тем не менее, не столицу вояжества или княжества, прислали инквизитора? Неужели Церковь изменила свою обычную практику? Или в городе что-то намечается? Ведь недаром чутье привело меня именно сюда. Надо будет присмотреться к церковнику.

— Кажется, мы пришли. Вот этот дом.

Антон кивнул на обветшавший каменный дом со сдаваемыми внаем апартаментами. Похоже, Святой Престол не слишком заботится о своих псах. Хотя, может это к лучшему? Если он окажется жадным к подачкам, то будет легче купить необходимую информацию.

Глуповатый привратник наотрез отказался нас впускать.

— Велено никого не впускать, господин обедает. Вы можете подождать...

Я смела с дороги тщедушного мужичка и влетела на второй этаж. Дверь оказалась не заперта, так что я ворвалась в столовую.

— Простите, ваша святость, но у меня срочное дело...

Сидящий за столом мужчина поперхнулся супом и поднял на меня взгляд. У меня перехватило дыхание. Инквизитор был молод и невероятно красив. Я практически ничего не чувствую, меня сложно чем-то удивить или пронять. Но красота абсолютна и заставляет восхищаться собой даже самого бездушного человека. Я давно не встречала настолько красивого мужчину. Темноволосый и широкоплечий, с правильными выразительными чертами лица, с нежной, словно девичьей, смуглой кожей, он поднял на меня глаза, и я почувствовала, что тону в их чайном бархатном великолепии.

— Эм... инквизитор Кысей ТиффанО? — я лихорадочно соображала, как выгляжу. Я вылетела из дому, толком не приведя себя в порядок. На мне было скромное дорожное синее платье, как раз пригодное по своей закрытости для посещения церкви. После приступа у меня наверняка под глазами круги и бледный вид. Шляпка скрывала растрепанные и толком не уложенные волосы, кое-как забранные шпильками. А я определенно хотела получить этого красавчика. И не привыкла себе в чем-то отказывать.

— ТиффАно, ударение неправильно, — поправил меня инквизитор. — Чем могу помочь? И не может ли ваше срочное дело обождать хотя бы минут десять? — он с сожалением покосился в сторону дымящейся тарелки.

— Никак не может, — я решительно уселась за стол. — Дело о колдовстве никак не может ждать.

Красавчик слегка прикрыл глаза, словно мысленно считая про себя. Потом опять на меня посмотрел, прищутив взгляд:

— В таком случае, дайте мне хотя бы минуту, чтобы одеться. Вы можете подождать в гостиной.

Он кивнул подоспевшему привратнику. Тот ухватил меня за локоть и со всеми стараниями начал выпроваживать из комнаты. Демон, но я ведь совсем не против полюбоваться раздетым господином инквизитором! Хотя мне, пожалуй, тоже стоит привести себя в порядок.

В гостиной я отослала ждавшего меня Антона домой, наказав ему быть в церкви к шести вечера. Возле зеркала критически оглядела свое отражение, припудрилась, оправила выбившиеся пряди, расстегнула пару пуговиц на платье, покусала губки, чтобы добавить им цвета и пухлости. Привратник наблюдал за моими манипуляциями с крайне неодобрительным видом.

— Господин — духовное лицо, — заметил он мне.

— Знаю, — я улыбнулась мужичку со всем возможным очарованием и любезностью.

Кысей вышел в гостиную и предложил мне сесть, отослав привратника. Одет он был в обычную светскую одежду, а не в официальную мантию.

— Я вас внимательно слушаю. И откуда вы узнали мой адрес?

Я пожирала его глазами, откровенно пялясь на него.

— Ваш адрес дал мне отец Георг, — я уселась поудобнее в кресле, чтобы выгодней подчеркнуть фигуру. — Простите мою грубость, но вы так молоды...

— Вы заявили, что дело срочное, — инквизитор внимательно смотрел на меня.

— Да, срочное, но все же... Насколько вы опытни, встречались ли раньше с такими делами, делами о колдовстве? Например отец Георг мне вообще не поверил, — я горько усмехнулась.

— Я тоже не поверю. До тех пор, пока вы не изложите дело и приведете факты. Я вас слушаю.

Я протянула ему свою правую руку ладонью вверх.

— Вот, посмотрите.

Инквизитор недоуменно нахмурился.

— И что я должен увидеть?

— Ну скажите, что вы видите. А то вдруг я сама сошла с ума, — я лукаво ему подмигнула.

— Я вижу вашу ладонь, и ничего на ней более нет. Вы тратите мое время.

— Вот! — вскричала я радостно. — В том-то и дело. Ничего, понимаете? А раньше у меня на ладони был жуткий уродливый шрам. А теперь он исчез.

Красавчик явно начал терять терпение.

— Давайте по порядку. У вас исчез с ладони шрам, и вы подозреваете, что кто-то вас околдовал?

Я вскочила с кресла, уселась на край стола, поближе к инквизитору, наклонилась к нему и доверительно прошептала:

— И я даже знаю, кто. Мне срочно нужна ваша помощь.

Кысей отстранился от меня.

— Сядьте на место, пожалуйста.

Я полюбовалась нежным стыдливым румянцем на его лице.

— Во-первых, представьтесь.

— Ах, простите, вы правы. Совсем забыла о манерах. Крета Лидия Хризштайн. Я не та

давно открыла в городе частный сыск, знаете ли... — я подождала реакции Кысея, но ее не было. Он продолжал спокойно смотреть на меня, словно каждый день видел благородных девиц, занимающихся подобным делом.

— А вчера ко мне обратилась помчица Илайза Картуа с просьбой найти ее пропавшую дочь. — Я понизила голос. — Девочку последний раз видела в саду их поместья, где она играла после обеда. И именно там я нашла куклу, измазанную странным веществом. После контакта с ним шрам на ладони бесследно исчез.

Инквизитор нахмурился.

— Это не доказательство колдовства. Возможно, просто целебная мазь. Или... — он не договорил, но намек был ясен.

— Или я все выдумала, да? У меня есть свидетельство того, что вещество на кукле обладает слишком сильными регенерирующими свойствами. Я взяла на себя смелость и полоснула кинжалом по ладони своей клиентки, Илайзы, в присутствии ее мужа, заметьте!

Я осеклась. За спиной инквизитора стояла Катрин. Теперь она точно была мертва. Ее кожа приобрела синюшный оттенок, гниль разложения тронула скулы, глаза запали, волосы потускнели. Мара стояла, слегка покачиваясь, и негромко выла на низкой ноте. Зрение помутилось, я спешно опустила глаза, стараясь себя не выдать. Инквизитор теперь звучал сине-золотистым оттенком, сотканным из неслышной мелодии прибора. В комнате разлился соленый и свежий запах северного моря, эмоции Кысея почти не пахли, ничто не могло возмутить его спокойствия, только неспешные волны его сознания окатывали источник возмущения, вроде меня, слегка вспениваясь, но гладь воды оставалась прозрачной и глубокой... Я тонула...

ГЛАВА 5. Инквизитор Тиффано

Нахальная девица меня изрядно раздражала. Ворвалась без стука, помешала обедать, наплела про колдовство. И еще откровенно пялилась. Я думал, что привык к излишнему женскому вниманию, ничего не поделаешь со своей внешностью, но чтобы так... Даже в краску вогнала. Я уже видел такие взгляды раньше, так смотрят на пухленькую служанку в портовом трактире пьяные матросы, норовя ущипнуть ее за зад, когда та разносит пиво. Вожделение, похоть и сладострастие. Но чтобы увидеть такой взгляд у девицы — никуда не годится!

Девица вдруг осеклась и уставилась на что-то за моей спиной.

— Что случилось?

Она судорожно вздохнула и опустила глаза. Не хватало мне еще полуобморочной истерики.

— Можно открыть окно? — пролепетала она, не поднимая глаз. — Непривычная к вашей жаре, душно очень. И воды, если можно.

Она дернула лиф платья, который и так был расстегнут на несколько пуговиц больше дозволенного приличным обществом.

Я распахнул портьеры до конца, открыл окно, недоумевая, что за странное поведение. Гостя на глазах поменялась, из вызывающей нахалки она вдруг превратилась в жалкую и болезненную девицу. Она ухватила за стакан с водой, отстраняясь от меня, словно прокаженного. Или это уловка, чтобы привлечь мое внимание?

— Вы можете продолжать?

— Да, — она решительно кивнула, не поднимая головы и продолжая сжимать стакан. — Илайза и Лю Картуа могут засвидетельствовать, что вещество с куклы имеет необычайные свойства. Рана на руке помчицы мгновенно исчезла. Куклу, по их словам, подарила их дочери помчица Малко. Именно ее я подозреваю в колдовстве. Кроме того, по свидетельству их кухарки, госпоже Малко должно быть где-то около шестидесяти или больше, но выглядит она необычайно молодой, от силы лет на тридцать. Этого достаточно? — девица вымученно улыбнулась, подняв глаза.

— Достаточно для проведения дознания, но не для обвинения. Передайте мне куклу, я займусь этим делом, — я поспешил согласиться на дознание, лишь бы избавиться от докучливой гостьи. Ее словам я верил мало, слишком часто приходилось иметь дело с надуманными обвинениями недоброжелателей, решивших раз и навсегда избавиться от соседа, супруга или начальника руками Святой Инквизиции.

— Я, безусловно, передам вам куклу, — девица улыбнулась, вновь обретая краску на лице, а ее взгляд опять стал масляно-липким. — Но дознание мы будем проводить вместе. Позвольте напомнить, — пресекла она мои возражения, — что я занимаюсь розыском пропавшего ребенка, поэтому, пока я его не найду, нам придется работать вместе.

Я встал, давая знак, что разговор окончен.

— Этого не будет. Светским властям не разрешено вмешиваться в дела Церкви. Если вы не передадите куклу, дознания не будет.

Девица тоже встала и вызывающе вскинула голову. Она была тощей и бледной, а сейчас и вовсе стала похожа на смешную заносчивую птицу.

— Отлично. Значит, когда в следующий раз пропадет ребенок, это будет на вашей совести, господин инквизитор. И на совести вашей Церкви.

Она развернулась к двери, потом досадливо хлопнула себя по лбу.

— Ах да, я же забыла. У вашей Церкви нет совести, она ведь непогрешима. Так что, увы, смерти детей будут целиком и полностью вашей виной!

Вот зараза.

— Подождите, — я прикрыл глаза, мысленно прочитав молитву заступнику Тимофею, это всегда успокаивало. — Я действительно не могу допустить вас к дознанию, это против правил. Кроме того...

— Можете. Устав Изложения о правилах ведения дознания, параграф 75. "В отдельных случаях, если того требует ситуация, инквизитор имеет право получить помощь от светских властей или отдельных лиц, в качестве свидетелей или советников", — процитировала девица наизусть.

Теперь я действительно удивился. Церковные изложения являются закрытыми. Откуда она их может знать? Должно быть, удивление слишком явно проступило у меня на лице, потому что девица кивнула.

— Мне уже приходилось иметь дело с колдунами, поэтому я знакома с некоторыми церковными правилами. Собирайтесь, господин Тиффано. Время дорого.

Я чувствовал, что плыву по течению. Девица развила бурную активность, она практически силком вытащила меня из дому, даже не удосужившись услышать моего согласия, словно все за меня решила. Остановив извозчика, эта ненормальная запихнула меня в экипаж и уселась рядом, ничуть не смущаясь. Я пытался протестовать, но девица вцепилась в меня, словно голодный пес, и так и норовила придвинуться ближе. Я как мог решительно пресекал ее попытки, потребовав, чтобы она села напротив и держала дистанцию.

— Ваше поведение недостойно высокородной дамы. Отодвиньтесь от меня.

— А мое происхождение не отличается большим благородством, — девица нахально ухмыльнулась и нехотя пересела на место напротив.

Она явно лукавила. Внешность выдавала ее принадлежность к знатному семейству: тонкая кость, изящные пальцы, удлиненная аристократичная форма лица, даже нос с едва заметной горбинкой на бледном осунувшемся лице не портил общий вид. Но вот поведение, недостойное и портовой девки, приводило в замешательство.

— Вам известно, что такое целибат? И что нарушивший его церковник будет отлучен от Церкви?

Девица презрительно фыркнула.

— С каких это пор так называемый целибат мешает церковным служкам развлекаться? Вам говорили, что вы неприлично красивы? О, да вы краснеете! Как мило...

— Я в последний раз прошу вас оставить свои неуместные заигрывания. Или мне придется выйти.

— Посреди дороги? — девица озабоченно выглянула в окно. — Мы уже выехали за городские стены.

— Куда мы вообще едем?

— В поместье семейства Картуа. Вы же должны принять у них официальное заявление.

Девица откинулась на сиденье и устала на меня. Я похолодел. Теперь я отчетливо

видел плескающееся в ее глазах безумие. В Академии меня часто выручала способность с первого взгляда определить безумца, я мог безошибочно определить степень и характер сумасшествия, а также отличить запущенную форму помрачения сознания — колдовство. В серо-голубых глазах девицы плескался целый океан безумия, который грозил обернуться ужасным штормом. Мысли лихорадочно заметались. Как же я мог не заметить ее странного поведения раньше? Почему не присмотрелся внимательно? Она застала меня врасплох. И куда она меня везет? Без сомнения, все ее рассказы — выдумка воспаленного разума, никакой куклы и пропавшей девочки нет и в помине. Я, наверное, смогу с ней справиться, но если у нее случится приступ, то мои шансы невелики. Рука невольно легла на эфес клинка, который приятно успокаивал и даровал надежду. И все-таки, безумцы могут демонстрировать необычайную силу, жестокость и упрямство. Убедить ее вернуться по хорошему будет сложно... Экипаж остановился.

— Госпожа Хризштайн, — мой голос слегка охрип от волнения. — Давайте вернемся в город. Я вспомнил про неотложное дело, у меня назначена аудиенция с...

— Я не думаю, что это займет много времени, господин Тиффано.

Я в отчаянии огляделся вокруг. Поместье на небольшом, отвоеванном у горы плато выглядело богатым и ухоженным, по крайней мере, оно точно не заброшенное. Возможно ли, что она привезла меня к своим сообщникам? Хотя нет, скорее всего, поместье просто пустует и невольно стало центром притяжения ее больных фантазий. Возможно, принадлежит ее друзьям или родственникам...

Но ворота поместья распахнулись, и, к моему удивлению, нам на встречу вышла респектабельного вида пожилая служанка, которая явно узнала мою спутницу.

— Госпожа Хризштайн, как вы вовремя! Хозяин о вас как раз спрашивал.

— Проводите нас, — девица решительно взяла меня под руку и потащила внутрь.

Я ожидал чего угодно, но, едва войдя в гостиную и взглянув на хозяина поместья, понял, что все мои выводы летят в бездну. Затравленный взгляд отчаявшегося и растерянного человека сразу выдавал его горе. Он бросился к моей спутнице:

— Умоляю вас, скажите, у вас есть новости о Катрин?

— Успокойтесь, господин Картуа. По делу вашей дочери откроют дознание, но для этого нужно официальное заявление. Господин Тиффано, назначенный в наш город инквизитор, великодушно согласился приехать сюда и принять у вас заявление, — девица рассыпалась в светских любезностях.

Помчик подтвердил слово в слово историю исчезновения девочки, рассказал о кукле, подаренной ей в роковой день, краснея и бледнея, поведал о выходе с кинжалом и последующим колдовским излечением своей жены. Он до сих пор не пришел в себя. Осознать, что в твоём доме творилось гнусное колдовство, увидеть его собственными глазами, и самое страшное, понять, что твой ребенок находится в смертельной опасности — такое может любого сломить. Его супруга слегла в постель, и теперь мужчина метался по пустому дому, бессильный и одинокий в своем горе. Я ему искренно сочувствовал.

— Мы обязательно найдем вашу дочь, господин Картуа, — заверил я его, получив подпись на заявительном письме. — Вера творит чудеса, и она всегда сильнее зла. Просто верьте, молитесь и...

Девица бесцеремонно влезла между нами.

— Не надо давать пустых обещаний, господин инквизитор. Девочка все равно уже ме...

Молниеносно среагировав, я схватил эту дуру за руку и потащил к двери.

— Нам уже пора, пойдемте, — я едва сдерживался, чтобы не наорать на нее. — До свидания, господин Картуа. Мужайтесь.

Не замечая отчаянного сопротивления и не отпуская ее руки, на удивление очень холодной в такой жаркий день, я выскочил во двор. Только тут я дал волю эмоциям.

— Что вы творите?!? Как можно так говорить с отцом, потерявшим единственного ребенка? — я практически орал.

— Девочка мертва, — безумица с досадой растирала запястье.

— Вы не знаете этого, не можете знать. Говорить отцу, что его ребенок мертв, отбирать у него последнюю надежду — это не просто жестоко, это бесчеловечно!

— Во-первых, я точно знаю, что она мертва. А во-вторых, по-вашему, дарить ему ложную надежду — это верх милосердия и благородства? Пусть ждет и верит, что его дочурка восстанет из мертвых? Хотя, — она махнула рукой, пресекая мои возражения, — в этом и заключается лживая политика вашей Церкви. Только обещать и можете. А если не получилось, значит, сами виноваты, плохо верили, мало молились, много грешили.

Девушка хладнокровно развернулась и направилась к воротам, оставив меня с застрявшими в горле возражениями. Это просто невыносимо! Я бросился за ней, догнав возле ждавшего нас экипажа.

— Госпожа Хризштайн, — мой тон был предельно холоден и резок. — Вы немедленно передадите мне куклу. В противном случае, я обвиню вас в препятствии дознанию и отправлю за решетку. А вот там, совсем неожиданно, может вскрыться ваше психическое нездоровье, со всеми вытекающими последствиями, — я недобро прищурился, внимательно следя за ее реакцией.

Девушка вскинула на меня глаза, в которых было легкое удивление и холодная ярость, но ни капли страха и паники.

— Вот как... — протянула она в притворной задумчивости. — Инквизиторов стали определенно лучше учить, теперь они по крайней мере могут распознать безумие. Что ж, это безусловно радует. Только вот, — ее глаза сделались совершенно безумными, а голос капризным, тоненьким, словно детским, даже выговор изменился. — Господин инквизитор, простите меня, я ведь такая бестолковая, я же совсем забыла сказать, куклу-то я выбросила, сразу после того, как покинула поместье. Страшно стало, понимаете? Слыханное ли дело, колдовство! — она стала нервно кусать ноготь на большом пальце, жеманно потупившись, словно ребенок. — Выкинула в канаву, вот только незадача! Не помню где! Но вы ее обязательно найдете! Вы же такой сильный! Всего-то — обыскать две сотни миль придорожной канавы! Плевое дело...

Если бы не академический вышол и хорошие манеры, я бы придушил дрянью на месте. Крепко схватив ее за плечо, я встряхнул ее, как игрушку, и прошипел, глядя прямо в глаза:

— Ваша попытка разыграть передо мной приступ двоедушия нелепа! У настоящего двоедушца дух не помнит, что происходило с телом, пока им владела другая сущность. Так что можете не разыгрывать здесь спектакль. Вы немедленно привезете мне куклу, иначе...

Девушка и не думала вырываться, она расхохоталась мне в лицо. Я отпрянул, ее смех быстро перешел в истерический, но она вдруг замолчала.

— Позвольте вам кое-что пояснить, господин Тиффано. Мне плевать, верите вы мне или нет. Даже если вы упечете меня за решетку, куклу найти вам это не поможет. А без нее у вас есть только заявление убитого горем отца. Я от своих слов откажусь, не видела, не знаю, не помню. Таким образом, у вас не будет никаких доказательств. Возможно, вы сможете

найти достаточные основания для предъявления обвинения, вопрос только — как скоро? — она холодно улыбнулась, ни следа безумия в ее глазах уже не было, но почему-то от этого становилось еще тревожней. — А за это время еще один ребенок пропадет бесследно. А может не один, а два. Или даже больше... Кто знает. Вы готовы рискнуть?

Бессильная ярость дурманила голову, но разумом я понимал, что она права. Я не могу медлить с дознанием, мне нужна кукла как основная улика, чтобы я мог направить запрос епископу Талериону на мои полномочия в рамках дознания и предъявления обвинений. Тем более, когда в деле фигурирует знатная помчица. Жизнь ребенка была в смертельной опасности.

Я сжал зубы так, что заболела челюсть.

— Что вы хотите?

Девушка в очередной раз застала меня врасплох: она подскочила ко мне, чмокнула в щеку, словно ребенка, и потащила в экипаж.

— Не дуйтесь на меня, красавчик. Меня это огорчает. А вас же учили, что расстраивать безумцев нельзя? Они тогда становятся опасными для окружающих.

— Прекратите меня лапать! Скажите, чего вы добиваетесь?

— Не поверите! Того же, что и вы — схватить злобную колдунью. — Девушка шепотом отдала указания извозчику и повернулась наконец ко мне. — Со мной лучше дружить, господин инквизитор. Вы ведь в городе совсем недавно, верно?

Я невольно кивнул.

— А я уже успела здесь обосноваться и завести полезные знакомства. Я могу быть полезной в качестве союзника и помочь вашей успешной карьере.

— Я не собираюсь...

— Я еще не все сказала — в качестве противника я не просто опасна, — снова мерзкая улыбка. — Вы ведь уже знаете про мое сумасшествие? Так вот, вам также известно, насколько безумцы могут быть хитры, коварны, злопамятны, но самое главное что? — она торжественно подняла палец, словно экзаменуя нерадивого студента Академии.

— Что? — я устал от ее выходок и молился, чтобы этот безумный во всех отношениях день поскорей закончился.

— Они непредсказуемы! — она победно откинулась на сиденье, уставившись на меня своими громадными серо-голубыми глазами. — Так что? Будем дружить или?..

— Дружить я с вами не собираюсь. Вы вынудили меня к сотрудничеству.

— Ну как хотите.

Девушка демонстративно надулась, замолчала наконец и уставилась в окно. Я прикрыл глаза, украдкой ее разглядывая. В Академии я получил степень с отличием по душеведчеству, но теперь затруднялся поставить ей диагноз. Сейчас она казалась абсолютно нормальной, словно ее безумие было искусственным и включалось по мановению руки хозяйки. Словно маска. Хотя нет, сразу несколько масок, которые она чередовала в причудливом порядке, снимая одну и тут же надевая другую, повергая окружающих в замешательство. И тут же я задался вопросом, а насколько она близка к черте? Возможно ли, что уже перешагнула ее и теперь передо мной сидит колдунья, отдавшая разум во власть демонов? Я вздрогнул. Девушка придвинулась ко мне, теперь ее лицо колебалось в такт экипажа прямо напротив моего, нас разделяли несколько сантиметров, а ее глаза уставились на меня с жадностью.

— Сядьте на место! — глупо, но я вдруг почувствовал себя юной девушкой, запертой

наедине с похотливым извращенцем. — Хватит на меня пялиться!

Девушка вздохнула:

— Лапать вас нельзя, пялиться — тоже. Что тогда можно?

Надо было срочно отвлечь ее внимание от грешных мыслей.

— Насколько серьезны вы... — я помедлил, — больны?

— Я не колдунья, — она словно читала мои мысли, и я содрогнулся. — Вы ведь это имели в виду, господин Тиффано?

— Но вы очень близко к черте? Какие у вас симптомы? Как часто проявляются? Вы пробовали лечиться?

Она задумчиво уставилась на меня.

— Диагноз пытаетесь поставить? Не утруждайте себя, безумие у меня наследственное. Излечению не поддается.

В благородных семьях такое бывает довольно часто. Что ж, тут я ей верил.

— Но лечение может замедлить течение болезни, облегчить симптомы...

— Довольно, — девушка нахмурилась, ее настрой опять изменился. — Я сама как-нибудь разберусь, что мне делать. У нас есть более насущные дела. Что вы собираетесь предпринять в рамках дознания?

Она настолько заморочила мне голову, что я даже не удосужился задуматься о деле и своих следующих шагах.

— У меня нет главной улики, заметьте, по вашей милости, которую я бы смог передать на исследование в местную Академию.

— Но можно ведь хорошенько подумать и добыть другие улики, правда? — девушка вела себя, как суровый профессор с нерадивым школяром.

— Кажется, вы уже подумали за меня, мы же куда-то направляемся?

— Ну не разочаровывайте меня, — обиженно протянула она, надув губки. — Покажите, чему вас учили в Академии. Ведь учили же чему-то?

Я вздохнул.

— Ладно, во-первых, я бы проверил информацию о возрасте подозреваемой, если она действительно намного старше возраста, на который выглядит, это будет дополнительным основанием для выдвижения обвинений. Но все равно это только косвенное доказательство.

— Неплохо, продолжайте, — она одобрительно кивнула. Интересно, она специально меня достает? — Как можно связать обвиняемую с пропавшими детьми? Вы ведь не думаете, что Катрин ее первая жертва? — девушка приторно-сладко мне улыбнулась.

Осознание этого простого факта обожгло сердце острой болью. Это ведь действительно может быть правдой!

— Что заставляет вас думать, что Катрин не первая жертва? И как вы можете быть такой спокойной, говоря об этом? Вас совсем не трогает чужое горе?

Девушка равнодушно пожала плечами.

— Зачем беспокоиться о том, что не можешь изменить? Катрин — не первая жертва, это совершенно очевидно. Давайте прикинем. Помчице Малко должно быть что-то около шестидесяти, но выглядит она по свидетельствам очевидцев максимум лет на тридцать. Почему? Очевиден ответ — она использует колдовство, чтобы сохранить молодость. Каким образом она это делает? Если учесть, что для этого ей нужен ребенок, то опять вывод очевиден — она забирает его жизненную силу, проводя какой-то ритуал. В результате получает то самое вещество, которая я нашла на кукле. Вопрос — в каких количествах?

Насколько, грубо говоря, ей хватает одного ребенка?

Меня затошнило. Ее рассуждения были отвратительно логичны.

— Также неясен вопрос с продолжительностью действия этого колдовского эликсира. Если положить, что в среднем он действует на колдунью, скажем, в течение года, то даже по самым скромным прикидкам получим, что за все это время должны были пропасть около двадцати или тридцати детей. Так куда мы должны направиться в первую очередь?

— В архив, — я был ошеломлен. — Но неужели возможно, что колдунья похищала детей в течение двадцати лет и никто этого не заметил?

Девушка удивленно уставилась на меня.

— Вы откуда такой взялись? Вы знаете, сколько детей пропадает в крупных городах ежегодно? Я уже молчу про бездомных бродяжек, малолетних рабов или просто бедняков, у которых детей больше, чем они в состоянии прокормить? Вот что меня действительно удивляет...

Экипаж затормозил настолько резко, что моя спутница, сидевшая как раз напротив, не удержалась и полетела прямо на меня. Ее более чем откровенно декольте уткнулось мне прямо в лицо, а сама она оказалась у меня на коленях.

— Вот демон! — она не торопилась отодвинуться, заорав прямо у меня над ухом на извозчика. — Кто так тормозит, болван неотесанный!

— Да слезьте же с меня! — я больно стукнулся головой и теперь растирал ушибленное место. — Вы специально это сделали?

— Вы слишком мнительны. Пойдемте, мы приехали.

Здание архива располагалось на Лазурной площади, между городской управой и больницей. Старое каменное здание, некогда бывшее складом местной шелковой мануфактуры, было переделано под архив. В нем хранились записи о рождении, браке и смерти жителей города и его окрестностей, а также дела громадского сыска, судебные решения, церковные процессы, хроники, копии торговых соглашений, сделок купли-продажи, договора рабовладения и прочая информация о деловой жизни горожан. Как найти записи о рождении помчицы Малко я приблизительно себе представлял, но вот как искать дела о пропавших детях?

Неожиданно на нашем пути возникло препятствие в виде сурового вида стражника, который решительно преградил нам путь. Здоровый детина с небритой, насквозь пропитанной вином физиономией наотрез отказался впустить нас внутрь. Мои увещевания и даже угрозы он проигнорировал начисто, твердя как заведенный фразу про то, что никого не велено пускать без личного разрешения бургомистра. Я понимал, что завтра это разрешение у меня будет, и я вернусь сюда, но будет потеряно драгоценное время. С досады пнув камень, попавшийся мне на глаза, я вернулся к девушке, которая отстраненно наблюдала за моей перепалкой со стражем порядка, и сказал с горечью:

— Ничего не поделаешь, придется вернуться сюда завтра...

Девушка насмешливо скривилась:

— И это все, что вы можете сделать? Ждите тут.

Она направилась к здоровяку. Я ожидал, чего угодно, но только не того, что стражник расплывется в глупой улыбке, заморожено взирая на девушку, согласно кивнет, отойдет от двери и удалится в неизвестном направлении! Девушка даже не удосужилась взглянуть на меня, моментально юркнув внутрь здания. Я поспешил следом.

— Как вам это удалось? Что вы ему сказали? — я покорно брел за девицей по темному коридору. В архиве не было окон, но она предусмотрительно захватила свечу с конторки привратника.

— Я же говорила, что у меня есть связи в этом городе, — я не видел ее лица, но знал, что она опять насмешливо кривится. И лжет. Она вдруг резко остановилась и развернулась ко мне так, что я чуть не налетел на нее.

— Осторожней!

Девушка протянула мне огрызок свечи, зажгла его от своей и кивнула в сторону уходящего влево ряда с конторскими записями.

— Записи рождения, смерти, брака. Ищите семейство Малко. Возьмите все, что найдете, слышите, все — по мужу и по ней самой, по их родственникам, родословную родителей. Встретимся в приемной зале, не задерживайтесь.

— А вы сами куда собрались? — меня злила собственная беспомощность и ее откровенно командный тон. Кем она себя возомнила?

— Я поищу записи о пропавших детях.

— Интересно, как вы собираетесь их искать? Здесь тысячи, нет, сотни тысяч дел!

— Вообще-то, здесь есть классификатор. — Она потрясла у меня перед лицом толстенным гротеском. Я даже не заметил, откуда она вообще его взяла.

— Господин инквизитор, советую вам поторопиться, мне надо быть к шести в церкви.

Я побрел между полками, уставленными огромными томами с записями, пытаюсь разобраться в классификации. И в себе. Пустячное, как мне казалось поначалу дело, приобретало все более пугающие очертания. И хотя я имел раньше дела с колдунами, но опыта самостоятельного ведения дознания не было. Раньше всегда был наставник, опытный инквизитор, принимавший решение. Да и дела-то были несложные: мелкое колдовство и еще одно, где вместо колдовства был мошенник, вымогавший деньги у доверчивых простаков, демонстрируя незатейливые фокусы и только выдававший их за колдовство. Я чувствовал, что не готов принять на себя ответственность за судьбу пропавшей девочки. Осознание, что от меня зависит безопасность и других детей, потенциальных жертв, сильно тяготило меня, но еще больше меня беспокоил тот факт, что приходилось терпеть участие в дознании этой малохальной. Хотя, с другой стороны, все же надо признать, что если бы не она, дела бы и вовсе не было, колдовства бы не обнаружили. Девочку бы поискали какое-то время, а со временем дело о пропавшем ребенке закрыли бы, как возможно до этого закрывали подобные дела. Да и то, что мы получили доступ в архив в воскресный день, тоже ее заслуга. Я наконец нашел букву "М" и вытащил пыльный том церковных записей. Запись о браке помчика Малко с девицей Этной Христович обнаружилась в середине тома, страницу я аккуратно заломил, сунул том под мышку и побрел искать букву "Х".

К приемной я добрался первым, огарок свечи уже практически догорел, я рисковал остаться в полной темноте. Шум за моей спиной обнаружил мою поделницу по незаконному проникновению в архив. Ее лица видно не было, она несла впереди себя стопку из несколько десятков толстых томов записей. Наверху неустойчивой конструкции была водружена почти оплывшая свеча, которая безжалостно закапала воском верхний том, раскачиваясь в такт движениям. Я бросился на помощь, помог сложить тома на стол, предварительно вычитал девушку за халатное отношение к драгоценным архивным

документам, запачканным воском, на что она только презрительно фыркнула. Она поделила свою стопку на две откровенно неровные части, подвинула мне меньшую и сказала:

— Ищите записи заявлений о пропавших девочках. Я думаю, возраст можно ограничить где-то от пяти лет до... Когда начинается половое созревание? Годам к двенадцати или позже? — девица встала и зажгла газовый светильник, который, как оказалось, висел над конторкой архивариуса. — Да, думаю, от пяти до двенадцати.

— Почему?..

— Потом объясню. Страницы с подходящими записями заломите и покажете потом мне.

— Может проще выписать? Тем более, что необходимо будет навестить заявителей и опросить на предмет...

— Да-да, — она рассеяно пролистывала тома, практически не читая их. — Где записи о семействе Малко? Вы нашли их?

— Вот, — я придвинул к ней два тома, решив, что проще не возмущаться и не провоцировать ее лишней раз. — Нужные страницы заломлены.

Девица отодвинула свои книги и прочла вслух строчки церковных записей:

— "Помчик Януш Малко заключил освященный брак с девицей Этной, урожденной Христович, в церкви святой заступницы Милагрос города Кльечи в 905 году от Великого Акта"

"В 908 году от Великого Акта в церкви святой заступницы Милагрос города Кльечи приняла освящение Анна Малкович, урожденная помчица, дочь Януша Малко и Этны Малко"

"В 915 году от Великого Акта в церкви святой заступницы Милагрос города Кльечи приняла освящение Янка Малкович, урожденная помчица, дочь Януша Малко и Этны Малко" Значит, у нее две собственные дочери. Интересно. Где записи о самой помчице? А, вижу.

"В 890 году от Великого Акта в церкви святого заступника Тимофея города Кльечи приняла освящение Этна Христович, дочь Карла Христович и Кармелии Христович" Значит, сейчас помчице 58 лет. И она совсем неблагородного происхождения.

— Пожалуй, я запишу все сведения, — я потянулся к бумаге, не обращая внимания на ее снисходительное хмыканье.

— Оставьте, вам все равно придется завтра вернуться с официальным разрешением, чтобы архивариус сделал заверенную копию этих документов. Или вы боитесь забыть пару дат?

Девица быстро перелистывала страницы, изредка что-то быстро черкая на листе бумаги. Я не выдержал.

— Зачем вы разыгрываете это спектакль? Вы же не читаете записи!

Она подняла на меня глаза и удивленно прищурилась.

— Я их просматриваю.

— Невозможно прочитать всю страницу, лишь мельком взглянув на нее.

Она вздохнула, протянула мне свой том и попросила:

— Спросите меня про любую запись на этой странице, или предыдущих.

Я сердито забрал у нее том и наугад выхватил строчку:

— "Заявитель Магнус Аверьяно подал прошение о расследовании..."

Девица меня прервала:

— О расследования исчезновения своей жены, Адель Аверьяно, 5 марта 945 года, 34 лет

от роду. Женщина отправилась на портовый рынок и не вернулась. Спустя 3 дня ее тело было обнаружено за городской чертой, ограблена и заколота ножом. Дознанием занималось отделение громадского сыска...

— Довольно, — прервал я ее, пораженный. Я открыл случайную страницу и выбрал случайную запись, а она процитировала ее дословно! — Как вам это удастся?

Девушка лишь досадливо махнула рукой, опять утыкаясь в записи.

— У меня абсолютная память.

— В каком смысле?

— Я не читаю записи, тут вы правы, но мне достаточно одного взгляда на страницу, чтобы ее запомнить. А читать, если так можно выразиться, и выбирать необходимые сведения я буду позже, у себя дома. А для вас я составлю список с адресами, не волнуйтесь, — девушка спокойно уткнулась дальше в книги.

— Невероятно! — я действительно был поражен. — Если все так, как выговорите, — я осекся под ее недовольным взглядом. — То вы должны заниматься чем-то... чем-то более полезным, чем сыск. Вы же можете поступить в Академию, заняться исследованиями, необязательно теологическими, можно медициной или историей, например. С вашей памятью вы легко добьетесь успеха...

— Вы не находите, что мои занятия гораздо более полезны, чем ваши бестолковые академические изыскания, господин инквизитор? И не мешайте мне более, пожалуйста.

Я послушно замолчал, спорить было бесполезно. Похоже, она действительно не понимает, каким уникальным даром ее наградила Единый.

ГЛАВА 6. Инквизитор Тиффано

Мы покинули архив, когда солнце уже склонилось к горизонту. На город напоздали длинные тени от шпилей церквей, и только островерхая башня естественных наук Академии была залита солнечным светом, поскольку вздымалась над городом намного выше всех существующих церквей. Формально это было нарушением священного предписания не строить здания выше, чем церкви. Но поскольку Академия принадлежала Церкви, на этот вопиющий факт смотрели сквозь пальцы. В воздухе заметно посвежело.

— Надеюсь, теперь вы отдадите мне куклу? Мне еще надо будет завести ее в Академию, — я поежился, от перепада температур было непривычно холодно.

В экипаже девица пристально уставилась на меня. Она опять не удостоила меня ответом. Ее поведение странным образом изменилось еще в архиве, от истеричности и капризности не осталось и следа, она выглядела задумчивой и рассеянной, а поэтому казалась обманчиво спокойной.

— Господин инквизитор, вы всерьез полагаете, что справитесь с этим делом самостоятельно?

— Только не устраивайте опять истерику, — я чувствовал, что безмерно устал от ее фокусов. — Чего вы добиваетесь? Что еще я должен сделать, чтобы вы отдали улику?

— Я отдам вам куклу, не переживайте. Но признайтесь, вы ведь не заметили существенную странность в этом деле? И наверняка не подумали о возможных осложнениях в дознании?

Девица с сомнением покачала головой, взирая на меня, как на безнадежно больного. Пожалуй, не стоило с ней спорить.

— Нет, не подумал. Но думаю, что вы просветите меня?..

— Возможно. При одном условии. Я и дальше участвую в дознании.

— Исключено, — я решил, что хватит ей потакать. Лучше сразу все прояснить. — Процедура дознания вас касаться не должна. Если хотите помочь, можете изложить свои соображения, но ставить условия не стоит.

— Как хотите, — девица подозрительно легко со мной согласилась и поскучилась. — Мне вообще-то все равно, с вами или без вас расправиться с колдуньей. По крайней мере, под ногами путаться не будете.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я задохнулся от возмущения.

— Даже не смейте! Слышите, не смейте приближаться к подозреваемой!

Девица нагло мне ухмыльнулась.

— А вы можете запретить мне делать мою работу? Если вы забыли, меня наняли найти Катрин. И хотя я уверена, что девочка мертва, мне необходимы доказательства. И будьте уверены, я их найду намного раньше вас.

— Теперь дознание по делу исчезновения Катрин ведет Инквизиция. И вам запрещено вмешиваться, я вас официально предупреждаю.

— Вы же прекрасно понимаете, что мне плевать на ваши запреты? — девица удивленно приподняла бровь, словно недоумевая тому факту, что я до сих пор это не понял. — А еще я, в отличие от вас, не связана многочисленными процедурами и церковными разрешениями. И

завтра же отправлюсь ее навестить!

— Послушайте, она может быть опасной. Если подозрения обоснованы, то вам грозит смертельная опасность. — Я пытался воззвать к голосу разума, но понимал, что тщетно. Эта малохольная ведь действительно поперется к колдунье! — Ладно, я разрешу вам участвовать в дознании, но на моих условиях...

Девушка согласно кивнула, не дослушав меня.

— Вы знаете, что послезавтра будет большой великосветский прием у бургомистра? Наверняка помчица Малко будет там. Она ведь местная законодательница мод и не сможет пропустить столь знаменательное событие. Необходимо туда попасть любой ценой. Там можно будет без лишних подозрений поставить ей неудобные вопросы, а после...

— Я приглашен на прием... — я прикусил язык, сообразив, что ляпнул лишнее, но было поздно. Глаза у девушки загорелись огнем настоль алчным, что я вздрогнул. Она сползла на пол, плюхнулась на колени и вцепилась в меня. Больно вцепилась.

— И вы молчали? Вам же нужна спутница на прием? Вы обязательно должны взять меня туда, — ее голос был хриплым от волнения. Я не понимал, что за блажь каждый раз приходила в ее воспаленный разум? Зачем ей нужен этот прием?

— И не подумаю. С ума сошли? — сообразив, насколько нелепо звучит мой вопрос, я запнулся, но продолжил. — Это абсолютно невозможно для инквизитора появиться в высшем обществе с такой, как вы! Вы только взгляните на себя, да вы же ведете себя хуже... портовой девки! Даже не надейтесь...

Девушка умоляюще сложила ладони и уткнулась лицом мне в колени в молитвенной позе:

— Я буду себя примерно вести, не беспокойтесь, честно! Мне очень надо туда попасть. И вы не пожалеете, уверяю вас. Сделаю все, что скажете...

Я приставил указательный палец к ее лбу, отодвигая ее от себя до тех пор, пока она послушно не села на место, и вгляделся в ее темно-серые глаза:

— Зачем вы так стремитесь туда? И не лгите, что только ради помчицы Малко.

Девушка недовольно поджала губы, сделала попытку ухватить меня за руку, но я проворно отдернул ее.

— Не скрою, у меня есть и другие цели. Там будет весь высший цвет общества, а значит, я смогу вывести свое дело на принципиально новый уровень, понимаете? Завести полезные знакомства, заполучить новых клиентов... Да вы хоть знаете, сколько заплатит какой-нибудь помчик за сведения о неверности своей жены?.. — она похоже аж захлебнулась слюнками от жадности.

— Довольно! Вы помнитесь совсем недавно хвастались связями, а теперь...

Девушка опять меня перебила:

— Среди моих клиентов купцы да ремесленники, рабочий люд. Но у меня уже есть своя сеть осведомителей, правда из низов, мелкая рыбешка. Вот вы наверняка еще не обзавелись собственными фамилиарами? Я могу...

— Святой Престол урезал расходы на фамилиаров... — я опять ляпнул лишнее. Все никак не мог привыкнуть к ее манере поведения! Инквизиторов боятся, глаз не поднимают в разговоре, поэтому мне было непривычно осторожничать, что следует говорить, а что нет.

— Ну так тем более, вы всегда можете обратиться ко мне! Ну пожалуйста...

Экипаж остановился напротив старой церкви. Я вышел, а девушка тащилась за мной, цепляясь за рукав, и продолжала уговаривать. Она святого может довести до греха! Я резко

остановился, освободил руку, схватил ее за плечо и начал говорить:

— Хорошо, но вы прекращаете ко мне цепляться, слышите! Это первое условие. Никогда, ни при каких условиях, слышите! — я угрожающе потряс пальцем перед ее лицом. — Не прикасаетесь ко мне!

— Даже если вы будете тонуть, я должна буду стоять на берегу и смотреть на вас, не смея подать вам руки? — девица изобразила на лице вселенскую грусть.

— Второе условие! Никогда, ни при каких условиях, вы не прерываете меня. Иначе я тут же разорву наше соглашение!

Девица молча кивнула, изображая теперь вселенскую покорность. Она даже потупила голову.

— Третье. — Я обошел ее вокруг, оглядывая с ног до головы. — Даже не вздумайте придти на прием в подобном виде! — Девица возмущенно вскинула голову, явно собираясь возразить, но я опередил. — Никаких декольте! — я кивнул на ее платье. — Немедленно застегнитесь на все пуговицы! — Она стиснула зубы, пробормотав что-то явно нелицеприятное в мой адрес, но стала застегиваться. — На приеме у вас будет самое скромное и закрытое платье, еще раз, никаких декольте, никакого эпатажа, яркого макияжа, немыслимых шляпок и прочего неприличия!

Девица вопросительно вскинула руку, подражая школяру на лекции. Я прикрыл глаза для успокоения, мысленно обратился к заступнику Тимофею, потом кивнул ей. — Говорите.

— Я никак не могу быть в скромном платье, понимаете! Я должна выглядеть богато и роскошно, ну поймите же, чтобы привлечь новых клиентов, но я обещаю, честно и торжественно, что платье будет самым закрытым! От шеи до пят все будет закрыто тканью!

Почему у меня подспудно возникло ощущение, что меня нагло обманывают?

— Учтите, если вы меня обманете, я без колебаний отправлю вас восвояси! И четвертое. И не надо так кривиться. Вы будете вести себя тише воды, ниже травы, никаких выходов, капризов и истерик. Я также надеюсь, что вы вспомните хорошие манеры и не опозорите меня за столом. И никакого общения с помчицей Малко. Я сам буду с ней разговаривать.

Теперь она вопросительно подняла палец.

— Ну что еще?

— Мне жизненно важно пообщаться с обвиняемой, но я обещаю сделать это в вашем присутствии...

— Нет, — я был категоричен. Девица надулась.

— Тогда я буду вам на ушко шептать вопросы, которые ей следует задать... Только боюсь, это будет выглядеть несколько странно и даже неприлично...

— Категорически нет. Если хотите, можете заранее сообщить мне вопросы, и я, возможно, сочту возможным их задать...

Девица недовольно надулась и буркнула, что согласна. Мы подошли к церкви, и я наконец задал вопрос, давно мучивший меня:

— Кстати, почему вы так уверены, что девочка мертва? Откуда такое знание?

Девица надулась еще больше и проворчала сварливо:

— Вам правду или соврать поприличней?

Я уже почти привык к ее отвратительным манерам, поэтому спокойно ответил:

— Правду, пожалуйста. Святой Инквизиции не рекомендуется лгать. Почему вы думаете, что Катрин мертва?

— Потому что она стоит у вас за спиной.

Я резко развернулся — сзади была полупустая узкая улочка, по которой спешили с вечерней службы редкие припозднившиеся горожане.

— Что за дурные шутки?

— Она ходит за вами, как приклеенная. Уже начала разлагаться и вонять. А еще она воет, на низкой ноте, словно скребет железом по стеклу.

Девушка огорченно потупилась, потом продолжила.

— Да, ее никто не видит, кроме меня, но это не значит, что это выдумка моего разума. Все мои виденья оказываются правдой, к сожалению. Я предпочла бы многое из этого не знать и тем более не видеть. Но если вы мне не верите, то просто подумайте логически: куда делась Катрин? Перелезла самостоятельно через высокую ограду и сбежала к колдунье? Вы сами в это верите? Какой остается вывод? Колдунья провела ритуал прямо на месте, в саду, а вот что случилось с телом девочки, не знаю. Закопать помчица сама вряд ли бы смогла, спрятать тоже, я обыскала весь сад. В доме я не смотрела, но при такой-то жаре и скорости разложения мертвого тела ее бы уже точно нашли. Скорей всего, колдунья растворяет тела, под куклой в саду был участок мокрой земли...

Меня опять замутило.

— Довольно! Колдунья могла отвести глаза прислуге и просто вывести девочку к экипажу, — я хватался за эту спасительную мысль, поэтому перебил девушку, пытавшуюся мне что-то возразить. — Давайте уже зайдем в церковь.

Как всегда бывает в святых местах, на меня снизошло умиротворение и спокойствие. На встречу нам вышел отец Георг. Заглянув в его светлые и добрые глаза, я вдруг почувствовал, как все неприятности и тревоги этого безумного дня отступают прочь.

— Мальчик мой, — отец Георг нисколько не изменился, он поспешил навстречу, освятил меня священным знаком и заключил в объятия. — Ты так возмужал! Рад тебя видеть в добром здравии...

Отец Георг был моим наставником в Академии. Его отеческая забота, мудрость и, самое главное, непоколебимая вера в Единого и людей стали моей опорой на пути сомнения и принятия веры.

— Отец Георг, я тоже очень рад вас видеть. Жаль, что приходится встречаться при таких обстоятельствах...

Девушка лишь невежливо кивнула отцу Георгу, поспешив к ждущей на скамье паре — белобрысому растерянному юнцу и измученной худой женщине лет сорока.

Отец Георг проводил девушку настороженным и неодобрительным взглядом, потом повернулся ко мне:

— Скажи мне, неужели ее подозрения подтвердились? Возможно, это всего лишь досадное недоразумение, она может преувеличивать...

Я отрицательно покачал головой.

— Увы, дело серьезное и требует безотлагательного вмешательства Святой Инквизиции. В опасности жизнь ребенка. А с кем разговаривает, — я замаялся, мне почему-то не хотелось называть девушку по имени. — С кем разговаривает госпожа Хризштайн?

— Это ее брат, Антон, воспитанный и почтительный молодой человек. А вот рядом с ним, — теперь уже замаялся отец Георг. — Бедная несчастная женщина, рабыня госпожи Хризштайн.

Я был неприятно поражен. Хотя чего я, в сущности, ожидал?

— В ужасном состоянии, больная, заморенная голодом и...

Девушка о чем-то ожесточенно спорила с братом, ее поведение опять неуловимо изменилось. На лице появилась неприятная решимость и жестокость.

— Неужели она так плохо с ней обращалась? Мне все же сложно в это поверить.

— Похоже, что нет. Женщина сказала лекарке, что госпожа купила ее только вчера. Милосердие Единого, да пребудет с несчастной...

Похоже, девушка поставила жирную точку в споре с братом, резко развернулась и направилась к выходу, безжалостно таща за собой хромающую невольницу. Брат плелся за ней с несчастным и обреченным видом. Я двинулся к ним навстречу, но девушка меня проигнорировала, быстро следуя к выходу, пришлось притормозить ее за рукав. Она вскинула на меня взгляд, словно видя впервые, потом освободила руку и очень резко сказала:

— Антон, вместе с Тенью немедленно иди домой. Господин Тиффано, наш договор расторгнут. Отправляйтесь восвояси, делом госпожи Малко вам придется заниматься самостоятельно.

Я оторопел. Что еще за фокусы?

— Что значит расторгнут?.. Мне нужна кукла, слышите, — я успел перехватить ее за локоть уже на пороге церкви. Она вдруг резко извернулась и заломила мне руку за спину быстрым неуловимым движением.

— Вам придется искать другие улики, господин инквизитор. Забудьте про куклу. Я вам солгала, у меня ее нет. Желаю удачи.

Она отпустила меня, оттолкнув от себя, и скрылась в темноте улицы. Отец Георг поспешил на помощь, обеспокоенно всматриваясь в мое лицо.

— Мальчик мой, Кысей, что случилось?

— Хотел бы я знать, — я растирал покрасневшее запястье, какая же невероятная сила для такой худой девушки. — Ничего не понимаю, почему она вдруг так переменялась? Вы знаете, о чем она могла спорить с братом?

Отец Георг помрачнел.

— Не знаю, возможно, они решали, что делать с умирающей. Я хотел предложить госпоже Хризшайн оставить невольницу в нашем приюте, пусть остаток дней проведет в мире, здесь смогут о ней позаботиться, но не успел...

— Почему умирающей? Она так плоха?

— Наша лекарка дает ей от силы месяц, это при должном уходе. Запущенная чахотка, легкие почти полностью изъедены хворью. Надеюсь, госпожа не заставит несчастную работать...

Я перестал слышать отца Георга, озаренный внезапной догадкой. Словно кусочки цветной витражной мозаики, передо мной сложилась страшная картина. Девушка собирается сама воспользоваться веществом на кукле, чтобы... Чтобы вылечить рабыню? Но почему? Отказаться от возможности попасть на прием, которой она так отчаянно добивалась? Поставить себя под угрозу, ведь не может же не понимать, что я так просто ее выходку не оставлю? Я не понимал причин, но допустить этого никак не мог. Я прервал отца Георга:

— Отец, она собирается сотворить ужасную вещь. Ее необходимо остановить. Умоляю вас, скажите, что знаете, где она живет?..

— Знаю, конечно. Дом помчика Галицкого... Ах да, ты ж недавно в городе, не знаешь. Здесь недалеко совсем, с улицы свернешь на площадь Кьянти, по левой стороне, трехэтажный старый дом, каменная кладка, окрашен в светлый оттенок. А что случилось?

— Она сама собирается совершить колдовство. Я должен ее остановить.

Глаза отца Георга потемнели.

— Я волнуюсь за тебя, Кысей, будь осторожен. На сердце беспокойно... Да хранит тебя Единый.

Я благодарно кивнул ему за заботу и поторопился по указанному адресу.

Нужный дом я нашел сразу. Это было единственное трехэтажное здание на улице. Парадная дверь была закрыта, но окна на первом и втором этажах светились. Я уже собрался стучать, как рядом возник долговязый прыщавый юноша, который открыл дверь и пропустил меня внутрь.

— В-в-вы к г-г-госпоже Хризштайн?

Я молча кивнул, гадая, кто он такой. Жилец, прислуга или родственник девицы? Впрочем, неважно.

— П-п-проходите, п-п-правда, не знаю, дома ли она. С-с-сейчас узнаю...

— Не надо, я сам поднимусь, ее кабинет же на втором этаже? — я сообразил, что парень принял меня за клиента.

Молодой человек кивнул и занялся уборкой. Первый этаж был переделан под просторную залу, в которой громоздились столы, стулья, прилавки, в углу были свалены баночки, кастрюли, противни и прочая кухонная утварь. Я лишь мельком задержал взгляд на грубо сделанной вывеске, где неумелой рукой было коряво выведено: "Пекарня дедушки Иволги".

На втором этаже я замедлил шаг, пытаюсь определить, где может быть эта безумная девица. Из комнаты в конце коридора доносилась неразборчивая речь, я поспешил туда, стараясь ступать неслышно. Заглянув в приоткрытую дверь, я застал всю компанию. Усталая невольница полусидела-полулежала на кровати, рядом с ней стояла моя малохольная девица. В руках у нее была плетка, рядом валялась, очевидно, та самая кукла. Антон спорил с сестрой.

— Хриз, может не стоит этого делать? Лекарка сказала, что ее дни сочтены... Подумай.

Девица проигнорировала брата, села рядом с невольницей на кровать и приказала той задрать подол юбки. На левой ноге у рабыни обнаружилась жуткого вида язва, по всей видимости, являющаяся причиной хромоты.

— Я, пожалуй, сначала проверю действие на ноге...

Мешкать более было нельзя.

— Остановитесь немедленно! — сказал я и зашел в комнату. — Вы собираетесь сознательно применить колдовство! Это преступление против веры.

В глазах невольницы отразился животный ужас, она немедленно села на кровати и поджала ноги, обхватив их руками. Девица обернулась ко мне, на ее лице было раздражение и недовольство:

— Господин инквизитор, вас сюда никто не приглашал. Убирайтесь вон из моего дома.

— Не могу. Отдайте мне куклу и то, что держите в руках. И я забуду про вашу попытку совершить колдовство.

Девица скомандовала брату:

— Антон, проводи господина к выходу.

Она повернулась обратно к невольнице.

— С ногой потом разберемся. Пей. — И протянула ей плетку. Женщина в ужасе

замотала головой.

Антон нерешительно двинулся ко мне. Он был высокий и худой, как сестра, и я не сомневался, что справлюсь с ним. Моя рука угрожающе легла на эфес клинка.

— Остановитесь, иначе я буду вынужден применить силу. — Парень замер и вопросительно взглянул на сестру.

Девушка раздраженно поставила плоскую на прикроватный столик и махнула Антону:

— Заставь эту дуру выпить, а я сама им займусь.

Я думал, что готов к схватке, но даже не успел заметить тот миг, когда девушка пересекла полкомнаты и возникла рядом со мной. Я оказался прижат к стенке, кожу на горле неприятно холодила сталь кинжала, а глаза девушки оказались вровень с моими.

— Вы немедленно уберетесь отсюда, господин инквизитор. Иначе... — я с ужасом почувствовал, как горячая струйка крови сбегает мне за шиворот, — я могу вас покалечить, — закончила девушка с кривой ухмылкой.

— Боюсь, вам придется меня убить, — прохрипел я, глядя в ее безумные глаза. Теперь острый локоть девушки упирался мне в горло, а кинжал был приставлен к сердцу. Девушка прижалась ко мне еще плотнее, я чувствовал жар ее тела. Она вдруг прислонилась щекой к моей щеке и шумно втянула воздух:

— Да нет, как же я могу убить такого красавчика... — ее губы были очень близко, я чувствовал горячее дыхание у себя на щеке. — Я вас просто...

Дверь комнаты с шумом распахнулась. На пороге стоял отец Георг и несколько вооруженных послушников.

— Что здесь происходит? Господин инквизитор, вам нужна помощь?

Девушка немного отстранилась от меня, в ее глазах возникло легкое беспокойство. Она не была испугана или растеряна. Она была похожа на человека, который запланировал встречу, но выйдя из дому, обнаружил, что на улице идет дождь, а зонтик дома. И теперь этот человек беспокоился и решал, стоит ли вернуться за зонтиком и опоздать на встречу, или все же стоит рискнуть и придти на встречу промокшим... Именно так она и выглядела, решая, стоит ли меня отпустить или все же?... Абсолютное хладнокровие. Я воспользовался ее секундным раздумьем и отвел кинжал. Она вскинула руку, но я был готов, сжимая ее руку в запястье до тех пор, пока она не выпустила кинжал, который с оглушающим звоном упал на пол. Увидев оружие, послушники встревожено вскинули посохи и приготовились обороняться.

— Все нормально, — успокоил я их, не выпуская руки девушки. Ногой откинул кинжал к двери и скомандовал:

— Антон, подайте мне куклу и плоскую с жидкостью.

Парень обреченно вздохнул, поднял сиротливо лежащую куклу и опасно протянул мне ее вместе с плоской. Когда улики наконец были у меня, я отпустил девушку. Она недовольно поджала губы, глядя на меня исподлобья сверкающими глазами, в которых слишком явно была написана решимость добиться своего любой ценой. Атмосфера в комнате была накалена до предела. К сожалению, я прекрасно понимал ситуацию и трезво оценивал свои силы, и расклад мне не нравился. Мне пришлось принимать тяжелое решение. Но, как говорил в Академии мой наставник по военному делу, если не можешь остановить бунт, то возглавь его.

— Отец Георг, возьмите куклу. Вы все, — кивнул я послушникам и старику, — будете свидетелями. В рамках дознания по заявлению о колдовстве и пропажи дочери помщика

Картуа эта кукла является важной уликой. Имеются обоснованные подозрения, что вещество на ней обладает колдовскими свойствами, а именно сильным регенерирующим эффектом.

Лицо Антона помрачнело, он выглядел безмерно уставшим. Девушка же, наоборот, вызывающе вскинула голову, презрительно скривившись. Я сделал паузу и продолжил.

— Поскольку в опасности может быть жизнь ребенка, необходимо как можно скорее подтвердить подозрения относительно вещества. При обычных обстоятельствах я бы отправил куклу и эту емкость с веществом в Академию на исследование, но я принял решение провести соответствующее испытание прямо здесь.

Отец Георг негромко охнул. Я подошел к кровати, поклонился и обратился к невольнице.

— Достопочтимая госпожа, я прошу вас принести себя в добровольную жертву, приняв это вещество. Вы поможете Святой Инквизиции доказать колдовскую природу вещества. Если вы выздоровеете вопреки прогнозам лекаря, это будет неоспоримым доказательством. А я смогу выдвинуть обвинения и спасти ребенка. Прошу вас.

Краем глаза я искренне наслаждался изумлением в глазах девушки, которая отступила к окну, прижав руки к груди. Невольница смотрела на меня с испугом и недоверием.

— Я бы все-таки проверила сначала действие на язве, — голос девушки был хриплым.

— Разумно, — кивнул я и обратился к невольнице. — Позвольте?..

Невольница замаялась, потом неуверенно кивнула, приподнимая подол юбки на больной ноге. Я слегка прикрыл глаза, стараясь не думать, какой ценой было получено это проклятое зелье, зачерпнул немного из плошки и решительным жестом нанес вещество на больное место. Язва мгновенно исчезла, старые рубцы пропали, кожа стала нежной и шелковой, словно у младенца. Окружающие охнули, а мне стало совсем худо. Я до последнего надеялся, что может быть это все какое-то чудовищное недоразумение. Но необходимо было довести дело до конца.

— Выпейте остальное, прошу вас, — я протянул женщине плошку. Та колебалась.

— Да пей же уже, дура, — не выдержала девушка.

Невольница взяла плошку, зажмурила глаза и залпом проглотила жидкость. Она тут же зашлась в диком приступе кашля, колотя себя по груди и царапая кожу. Женщина хватала воздух ртом, словно выброшенная на берег рыба, мне пришлось ее придержать, чтобы она себя не покалечила. Но спустя несколько минут все прошло. На ее сером лице появился робкий румянец, дыхание стало ровным и чистым, морщины на лице разгладились, она казалась помолодевший лет на десять. Она вопросительно смотрела на меня глазами, цвет которых теперь был насыщенно-синим, а не блекло-серым, как раньше.

— Как вы себя чувствуете? — впрочем, ответ был и так ясен.

Невольница неуверенно села на кровати, свесив ноги на пол.

— Словно заново родилась...

Я вздохнул и поднялся.

— Ну что ж, в присутствии свидетелей была подтверждена колдовская природа зелья. Отец Георг, вы сможете завтра попросить лекарку засвидетельствовать излечение больной?

— Да, конечно, сын мой. Но как?.. Это действительно колдовство? Возможно ли, что это божья милость, явившая нам сие чудо?

Я понимал бедного священника как никто, всегда тяжело видеть богопротивное колдовство и признавать факт его существования.

— К сожалению, отец Георг, это колдовство. Пойдемте, мне еще нужно будет отправить

письмо епископу.

— Постойте, господин инквизитор!

ГЛАВА 7. Хризокола

Сказать, что я была удивлена поведением красавчика, было бы слишком большим преуменьшением. Я была поражена. Он пошел на откровенный конфликт с церковными порядками, разрешив использовать грибное зелье на моей рабыне. Впрочем, это к лучшему.

— Пойдите, господин инквизитор! — я старалась говорить со всей любезностью, на какую была способна в своем состоянии. Проклятая мара Катрин сидела в углу и продолжала выть. Этот низкий царапающий разум звук уже привел к тому, что затылок ломил пульсирующей болью. Красавчик медленно развернулся ко мне и вопросительно поднял бровь.

— Я прошу прощения за свое поведение, была не в себе. Но вы ведь меня прощаете, великодушные Церкви не знают границ...

— Оставьте ваши лживые извинения при себе, — его тон был резок и холоден.

— Ну подождите же! Наш договор ведь все еще в силе? И кстати, вы еще сегодня...

Красавчик задохнулся от возмущения, поэтому не сразу смог ответить.

— Вы сами расторгли договор. Поэтому не попадайтесь мне больше на глаза!

— Но я же была не в себе! Господин инквизитор, позвольте угостить вас чаем и скромным ужином? Вы ведь сегодня ничего не ели? Я, помнится, оторвала вас от трапезы. Не отказывайте мне, пожалуйста.

Я вцепилась в его рукав, болтая без умолку и не давая ему вставить ни слова. Отец Георг смотрел на происходящее с недоумением.

— Кысей, она ведь угрожала тебе кинжалом! Разве ты не должен?.. И у тебя порез на шее!..

Красавчик отмахнулся от меня и отца Георга, потом растеряно провел рукой по шее.

— Я обработаю рану! — тут же влезла я и кивнула Антону. — Принеси необходимое и скажи Мартену, чтоб заварил нам чай и подал со своими изумительными булочками. Господин инквизитор, вы не пробовали сдобные булочки с изюмом? Очень рекомендую, просто потрясающее лакомство! О, я слышу, как у вас бурчит в животе...

Красавчик покраснел и, угрожающе мотая пальцем у меня перед лицом, словно провинившейся школярке, выдал со злостью:

— С меня довольно ваших выходок! Я не собираюсь им больше потакать, вы и так зашли слишком далеко. Я могу упечь вас за решетку, вас и вашего брата. За колдовство. Так что скажите спасибо, что оставляю на свободе. И еще, если вы подойдете хоть на полшага к обвиняемой или еще как-то влезете в это дело, я...

— Я безмерно благодарна вам за снисхождение и милосердие, но все-таки...

— Прощайте, — красавчик развернулся и направился к двери. Что ж, придется донимать его завтра, раз такой упертый. Но уже в дверном проеме он вдруг остановился и повернулся ко мне. В его вопросительном взгляде читалось сомнение.

— Я только одного не пойму — зачем? Зачем вы пошли на такой риск? Использовать колдовство, чтобы вылечить рабыню? Она вам так дорога?

Я задумчиво оглядела его.

— Вам правду или красивую ложь о человеколюбии? А если я отвечу, вы останетесь на чай, ну пожалуйста?

— Ответьте правдиво, сделайте одолжение.

Я медленно подошла к нему, взяла под руку, не обращая внимания на его попытку вырваться, и вкрадчиво начала рассказывать.

— Понимаете, правда слишком странная, и чтобы ее объяснить, мне потребуется время... И если вы действительно хотите ее услышать, не лучше ли сделать это в комфорте, за чашечкой чая с булочкой? Вы же проголодались, не отрицайте...

Я спустилась с ним под руку на первый этаж, почти насильно усадила за стол, который Мартен уже успел накрыть. Аромат выпечки заставил меня вспомнить, что я сама тоже с утра ничего не ела.

— Я жду ответа, — красавчик почти не притронулся к еде.

— Понимаете, — промычала я с набитым ртом. — У Тени, так я назвала свою невольницу, редкий дар. Она потрясающая художница.

— И вы только поэтому так рисковали? Чтобы разбогатеть на ее таланте?

— Уфф, — я отхлебнула душистого чая и с шумом поставила чашку на блюдец. — Вы не поняли, да? Она не просто талантливая художница, которая может рисовать и зарабатывать на этом. У нее Дар. Она может рисовать чужие фантазии, словно видит их собственными глазами.

— Не понимаю, — инквизитор недоуменно покачал головой. — Как это возможно? И что в этом такого ценного?

— Ну вот например вчера она нарисовала мои видения, нарисовала человека, которого, я уверена, она никогда в жизни не видела, но которого знала я. Она безумна, понимаете? Совсем чуточку, но этого хватает, чтобы... быть мне полезной. Особенно в моем деле. Так что мне без нее никуда.

— Я не могу вам поверить. Впрочем, неважно, — инквизитор встал, намереваясь уйти, но я удержала его за рукав.

— Да постоит же. Что вы дуетесь на меня, как маленький? Вам все равно нужна моя помощь в дознании. Помните, я говорила о странности в этом деле? Вы так и не поняли, что это?

Красавчик явно колебался, но все-таки сел обратно.

— Выкладывайте. И не ставьте мне условий.

— Хорошо, — я послушно кивнула. — Странность заключается в выборе жертвы. Колдунья, которая успешно действовала на протяжении тридцати лет, вдруг выбирает себе ребенка не просто из зажиточной, а из влиятельной, богатой и знатной семьи. Она забирала детей на протяжении двадцати с лишним лет, и не могла не понимать, что пропажа Катрин так просто не обойдется. Девочку будут искать. Подключат все связи, назначат награду. И, кроме того, какой риск! Колдунья совершает ритуал прямо в саду. А если бы их кто-то увидел? Тут определенно что-то не так.

Инквизитор выглядел озадаченным и, немного поколебавшись, сел обратно на стул.

— Возможно, она стала слишком самоуверенной? И, наконец, допустила ошибку... — он досадливо провел рукой по шее, порез продолжал кровоточить и донимать его.

— Давайте обработаю рану, — я пресекла его попытки отказаться, промокнула чистую тряпицу в спиртовой настойке подорожника и стала стирать кровь. — Да не крутитесь! Я думаю, что Катрин была чем-то особенным для колдуньи...

— В смысле? — инквизитор отобрал у меня тряпицу и теперь пытался оттереть уже запекшуюся кровь на воротнике.

— Ну как бы вам пояснить. Колдунья ведь наверняка до этого выбирала себе жертв из бродяжек, сирот или детей бедняков. Худые, замызганные, вшивые, несчастные, в конце концов. Колдунья забирала их жизненную силу, но много ли они могли ей дать? Я думаю, что Катрин была для нее своего рода соблазнительным и изысканным лакомством после городских отбросов, которыми та была вынуждена питаться. Чистенькая, хорошенькая, умненькая, балованная девочка...

— Как вы можете так цинично об этом рассуждать? — инквизитор выглядел бледнее обычного. Неужели он такой неженка?

— Я стараюсь рассуждать так, как если бы сама была на месте колдуньи. Это бывает полезно, если хотите понять действия преступника и предугадать его следующий шаг. Попробуйте как-нибудь. — В последней фразе был сарказм, но красавчик его явно не уловил.

— Увольте, даже не хочу думать, что творится в голове безумной колдуньи. Прощайте.

Он решительно встал и двинулся к выходу. Я спокойно бросила ему в спину:

— Завтра приходите к десяти. Вместе отправимся опрашивать родителей предположительных жертв колдуньи.

Красавчик сердито развернулся ко мне:

— Я повторяю еще раз, в последний раз — я не собираюсь вести дознание вместе с вами. Это не обсуждается...

— Правда что ли? То есть завтра вы пойдете опрашивать свидетелей сами, да? Ах, демон, как я могла забыть, вы же не знаете, куда идти и кого опрашивать... Да-да, думаю, вы отправитесь в архив... Ах, нет, сначала вам надо будет попасть к бургомистру или управителю, получить разрешение на доступ архив, и только потом... Думаю, к концу дня вы все-таки доберетесь в архив. Сколько времени у вас займет просмотреть все записи о пропажах детей? Часа три-четыре? Да, думаю так, — красавчик пытался что-то возразить, но я его проигнорировала. — Возможно, уже послезавтра вы наконец-то сможете их опросить... А вдруг за это время колдунья решит, что можно опять пренебречь своей пресной диетой и поживиться сладенькой девочкой из богатой семьи?

Я хищно впилась в последнюю булочку. Инквизитор молчал, но его желваки красноречиво свидетельствовали о том, что он думает обо мне и колдунье.

— Завтра в десять, господин инквизитор. Список свидетелей будет у меня. И не опаздывайте. Мне еще платье надо будет заказать у портного. Самое закрытое на всем приеме, как вы и пожелали.

— Платье должно быть черным и длинным, хотя нет, будет слишком мрачно. — Я задумчиво склонила голову, не обращая внимания на насупившуюся Тень. — Да, думаю, пусть будет темно-синим, как ночное море. Скромным, но элегантным, с претензией. Пусть плотно облегает фигуру, длинный рукав, расклешенный от локтя, никакого декольте, господин инквизитор очень настаивал на этом.

Тут я коварно усмехнулась и продолжила.

— Воротник высокий, стойкой. Нарисуй силуэт и покажи мне, — я прикрыла глаза и представила платье до мельчайших деталей, прекрасно зная, что Тень сможет увидеть и воплотить на листе мои фантазии.

У невольницы рисунок занял минут пять от силы. Пара заключительных штрихов карандашом, и она протянула мне рисунок. У меня перехватило дыхание — все-таки у нее

потрясающий талант. Казалось, платье сейчас оживет, и его можно будет подобрать и одеть. Художница даже ухитрилась передать текстуру и цвет, используя всего лишь один графитовый карандаш.

— Отлично, — похвалила я Тень. — А теперь это же платье со спины. На спине... — тут я помедлила, смакуя предвкушение от фурора, которое платье произведет на приеме у бургомистра. — На спине должна быть вставка из кружева, тончайшего белого кружева. Думаю, подойдут мирстеновские кружева. Вставка глубокая, открывающая спину вплоть до самой пикантной точки...

— Но, госпожа, — Тень потрясенно вскинула голову. — Это ведь неприлично!

— Помолчи. Вставка должна быть в форме... — я опять задумалась, на лопатках у меня были уродливые шрамы, но если пустить вставку от плеча, резко сужая ее до линии позвоночника, то они будут прикрыты. — В форме треугольника, сужающегося к низу. — Я очертила в воздухе примерную форму. — И да, я передумала, ткань платья должны быть не синяя, а темно-серая. Под цвет глаз, а еще отлично подойдет под серьги и кольцо с черными алмазами.

Я опять прикрыла глаза и представила во всех деталях платье и пикантный вырез, прикрытый кружевом для соблюдения формальностей — ибо обещала красавчику, что платье будет закрытым с головы до ног. Но я ведь не уточняла, чем именно будет закрыто.

— Я вас не понимаю, госпожа, — Тень протянула мне готовый рисунок. — Господин инквизитор ни за что не пойдет с вами в таком виде на прием.

— А он не увидит вырез. Я прикрою плечи меховой накидкой, из серебристой лисы. Ты молодец, хорошо поработала. Иди спать, завтра рано вставать. С утра навестим отца Георга, и если мои предположения верны, то возможно тебе придется рисовать портрет колдуньи с его слов. — Я улыбнулась ей и отправилась в кабинет.

Завтра у меня действительно будет много дел. Впрочем, у меня и сейчас еще полно дел, очевидно, что спать не придется. Я села за стол, положила перед собой бумагу, прикрыла глаза и стала мысленно пролистывать запомненные страницы из архива, выбирая подходящие случаи пропажи девочек. Найденные записи выписывала на бумагу, отмечая адрес родителей, их имена и краткие подробности дела. На это у меня ушло порядка двух с половиной часов. По окончанию в моем печальном списке оказалось семнадцать адресов. Мало, но я не выписывала заведомо тупиковые дела, где заявителями были бедные крестьяне, или заездные актеры, или подобные ненадежные или трудно находимые люди. Незачем тратить впустую время на их розыски.

Я отложила список и придвинула к себе новый лист бумаги. Опять прикрыла глаза, восстанавливая в памяти поместье бургомистра, и принялась чертить его план. Еще сразу по приезду в город, я обошла его окрестности, отмечая все богатые цели. Поместье бургомистра было одной из таких целей, но я и помыслить тогда не могла, что так скоро мне представится возможность его ограбить. Огромное трехэтажное здание в П-образной форме, обнесенное высокой оградой, с бдительными стражниками на воротах и со сворой гарлегских сторожевых, свободно разгуливающих по территории. На время приема их скорей всего посадят на цепь, но в случае тревоги немедленно спустят. К сожалению, я не знала расположения комнат внутри здания, придется импровизировать. Опасность привычно будоражила кровь.

Еще одним вопросом, требующим срочного решения уже завтра, был поиск портного, который не просто сможет пошить мне платье по рисунку Тени, но и сделать это за один

день. Это будет весьма непростой задачей. Я опять задумалась. Создать мару портного? Но мара Катрин все еще была со мной, а поддерживать более одной мары могло быть очень опасно. Разум становился неустойчивым и грозился обратить меня в новый приступ. Хотя в списке как раз был адрес портного, у которого три года назад пропала дочь. Пожалуй, надо будет направить инквизитора по этому адресу в первую очередь. Даже если сам он уже не шьет на заказ, наверняка может подсказать, к кому можно обратиться с подобным необычным заказом.

С утра я отправила Тень к отцу Георгу, дав четкие указания выяснить, не крутилась ли возле сиротского приюта при церкви некая помчица Малко. Шанс был невелик, но чутье просто вопило, что эта дамочка не могла бы пройти мимо такого великолепного источника детей, исчезновение которых вряд ли кого-то беспокоит. Если повезет, Тень сможет нарисовать портрет колдуньи по описанию отца Георга или тех, кто помогает в приюте. А тогда мне не придется тащить ее с собой и господином инквизитором.

— Антон, для тебя у меня тоже есть задание, — мы наконец остались одни, Тень ушла, а Мартен с отцом занимались обустройством печи в подвале. — Ты отправишься к поместью бургомистра, оно в центральном районе. Поболтайся рядом, разведай обстановку. Заведи знакомство с прислугой, только осторожно. А после зайди на рынок, торговец Астер, жулик и скупщик, купи у него необходимое, вот список. Прочитай, запомни, бумагу уничтожь. И не покупай все ингредиенты у одного торговца, ты же знаешь.

Антон прочитал листок и удивленно вскинул на меня глаза.

— Зачем? Ты же не собралась?..

— Именно, — я кивнула. — Уже завтра я буду на приеме у бургомистра. Под ручку с господином инквизитором. На виду у всех. И на виду у всех мы вынесем оттуда все ценное.

— Но, Хриз, это же большой риск! Зачем вообще затевать это ограбление? Мы неплохо справляемся, пекарня скоро начнет приносить доход, в конце концов, можно сдать комнаты на третьем этаже, они все равно пустуют...

— Ты прекрасно знаешь. Нам нужны большие средства, а не жалкие гроши.

Антон горько скривился и опустил голову:

— Иногда я думаю, что тебе просто нравится рисковать. Бездумно рисковать.

— Возможно. — Я задумчиво нарисовала ложкой на оставшейся в тарелке сметане знак вопроса, а рядом священный символ. — Возможно, пьянящее ощущение риска — единственное, что заставляет меня чувствовать себя живой. Прости.

Я накрыла его ладонь своей и сжала ее.

— Я знаю, что рядом со мной опасно. Так что если ты хочешь, я могу дать тебе оставшиеся драгоценности, ты можешь продать их, уплыть подальше отсюда, обосноваться в каком-нибудь тихом городке...

Антон возмущенно вскинул голову.

— Нет, Хриз! Ты единственный близкий мне человек, я не могу тебя бросить... Просто прошу тебя, хотя бы постарайся, не рискуй понапрасну, ладно? И не приставай к инквизитору, не наживай лишних неприятностей...

— Постараюсь не рисковать, ммм, слишком часто. А вот за инквизитора обещать не буду, он слишком красив, чтобы оставаться девственником...

Ничего не подозревающий инквизитор изволил пожаловать ровно к десяти. Я была уже

во всеоружии, выбрав светло-голубое платье, подчеркивающее синий отлив моих глаз, еще и специально подведенных для этой цели. Волосы были тщательно уложены, носик и круги под глазами припудрены, губки накрашены. Декольте на платье я прикрыла почти прозрачной шелковой шалью. Инквизитор придирчиво оглядел меня с ног до головы, сощутив глаза. Выражение его красивой физиономии было кислее некуда.

— Где список?

— И вам доброе утро, господин Тиффано, — я приветливо улыбнулась и постучала себя по лбу. — Все тут, мне не нужна презренная бумага. У нас сегодня по списку семнадцать имен. Начнем с некоего Артема Изхази, портного, живущего на улице Колченогов.

— Сообщите мне остальные адреса и займитесь своими делами.

— А я своим делом как раз и занимаюсь. Позволю себе напомнить, что дело об исчезновении Катрин — это мое дело. Довольно уже, смиритесь, наконец. И нам надо будет по дороге зайти в церковь.

— Что опять? Вы купили себе еще одну рабыню?

Красавчик недовольно поплелся за мной. В церкви мы как раз застали отца Георга, сидящего на скамье рядом с Тенью. У меня дрогнуло сердце. Она рисовала! Неужели у нас будет портрет колдуньи? Отец Георг встал, радостно поприветствовал инквизитора и сухо кивнул мне.

— Мальчик мой, я поверить не могу, что помчица Малко может оказаться колдуньей! Она столько помогала сиротскому приюту, и не только деньгами откупалась, как некоторые, — недовольный взгляд в мою сторону, — но и находила провести время с сиротами, поиграть...

Инквизитор казался шокированным.

— Вы ее знаете?

— Увы, — отец Георг выглядел опечаленным и разочарованным. — А ваша подопечная действительно потрясающая художница. Никогда не думал, что по одному словесному описанию можно нарисовать такой детальный портрет...

Я довольно усмехнулась наивности священника.

— Вы же не думаете, что это просто так? Просто Тень немного безу...

Красавчик больно сжал мою руку выше локтя, заставив замолчать.

— Позвольте взглянуть на портрет, если вы закончили.

На нас смотрело лицо красивой темноволосой женщины лет тридцати. Черные, слегка раскосые глаза, маленький аккуратный носик, полные чувственные губы, хищный подбородок. Она была очень привлекательной. Даже сквозь рисунок чувствовалось мощное обаяние женщины и ее несомненная властность. Инквизитор нахмурился.

— Отец Георг, вы уверены в достоверности портрета? Это помчица Малко?

— Конечно. Рисунок словно живой, я никогда раньше...

— Нам пора, — влезла я, невежливо прерывая священника. — Пойдемте, господин инквизитор, нам еще придется обойти много семей...

— Подождите, — инквизитор отмахнулся от меня. — Отец Георг, вы упомянули, что помчица Малко помогала приюту. Скажите, были ли в нем случаи исчезновения девочек лет семи-десяти?

— Может и старше, лет до 12, - вставила я. В ответе я не сомневалась.

Отец Георг задумался.

— Дети часто убегают из приюта. Это обычное дело, здесь никто их силой держать не

может. Я не могу припомнить конкретных случаев... Хотя... Два года назад была девочка, Валери, ее мать умерла еще при родах, а отца убили в какой-то стычке, он служил в западном вояжестве. Она попала к нам восьмилетней, очень домашний ребенок. Я очень удивился, когда мне сказали, что она сбежала. Это было так на нее не похоже...

Мы вышли на улицу Колченогов, улицу ремесленников, торговцев и подпольных лекарей. Красавчик выглядел очень подавленным, но молчал и не реагировал на мои попытки его разговорить. Поспрашивав, где живет портной Изхази, мы нашли старый дом со скромным двориком, увитым виноградом. Дворик выглядел совсем запущенным, а дверь долго не открывали. Когда я уже развернулась уходить, раздосадованная, что теперь неизвестно где придется искать портного, дверь неожиданно распахнулась, и на пороге возник растрепанный мужчина.

— Вы портной Артем Изхази?

— Да, но я не принимаю заказы, — бросил он равнодушно и хотел закрыть дверь, но я проворно сунула ногу в щель.

— Постойте, мы по поводу вашей дочери, Евы.

Безжизненные глаза мужчины вдруг ожили, в них загорелся отчаянный огонь надежды.

— Вы ее нашли? Проходите, прошу вас, — он буквально втащил нас внутрь.

В доме царило запустение, как и во дворике. Тонкий слой пыли на мебели, немытая посуда на столе, мусор на полу и устоявшийся запас дешевого вина наводили тоску. Инквизитор поспешил представиться, и в глазах портного я заметила неизъяснимую тревогу.

— Что случилось? Почему ко мне пожаловала инквизиция?

— Я провожу дознание по делу исчезновения другого ребенка, где возможно замешана колдунья. Есть предположение, что ваша дочь также могла быть похищена этой женщиной. Расскажите, пожалуйста, подробности, все, что вспомните.

Мужчина потрясенно сел на продавленное кресло и, запинаясь, начал рассказ.

— Ева пропала три года назад. В июле месяце. Она играла во дворике, я работал над большим заказом, а жена, — портной запнулся, — жена отправилась за покупками на портовый рынок. Мне нужна была редкая и дорогая ткань под заказ, вот я и отправил ее...

Изхази горестно вздохнул и опустил голову.

— Если б я только знал! Проклятый заказ... Когда жена вернулась, то обнаружила, что Евочки нет. Она подумала, что та в своей комнате, но там ее тоже не было. Мы обыскали весь дом, побежали к соседям, думали, что она отправилась к кому-нибудь из подружек в гости, но ничего. Ее никто не видел. Она словно растворилась в воздухе. Я написал заявление в громадский сыск, заплатил отдельно капитану, чтобы они начали хоть что-нибудь делать. Но мы так и не нашли Евочку...

Мужчина сидел, опустив голову и уронив руки на колени. Я поспешила перехватить инициативу.

— Вспомните, пожалуйста, кто приходил к вам в дом в этот день или накануне? Я понимаю, что прошло три года, но, быть может, вы сможете вспомнить...

Изхази поднял голову, высморкался в серый грязный платок, его глаза слезились.

— Я все помню, все, что было в этот день. С утра к нам зашла соседка, попросила одолжить ей 50 серебра, у нее мальчишка захворал, на лекарства не хватало. А к полудню пришла богатая клиентка на примерку, та самая, которая сделала большой заказ. Она хотела платье редкого покроя, и в тот день решила изменить отделку...

Мы переглянулись с инквизитором. Я достала рисунок Тени и показала мужчине.

— Взгляните, пожалуйста, это случайно не ваша клиентка...

Он полез в карман штанов, вытащил очки со сломанной дужкой, надел и взгляделся в портрет.

— Очень похоже, думаю, да...

Он перевел взгляд с меня на инквизитора и растерянно спросил:

— Это колдунья? Это она украла мою Евочку?

Красавчик опустил голову. Ему явно было тяжело смотреть в глаза отчаявшегося отца.

— Думаю, да, — мне не было дела до душевных переживаний портного, и сейчас меня больше занимал вопрос, сможет ли он пошить мне платье.

— Что она сделала с моей дочерью? Скажите, умоляю вас!..

Изхази рухнул перед нами на колени и схватил меня за подол платья.

— Встаньте, прошу вас, — я рывком подняла его и усадила на место, кидая гневные взгляды на красавчика. Тот сидел отстраненно, словно каменный истукан.

— Думаю, что ваша дочь мертва. — Меня сейчас терзали сильные опасения, что Изхази рухнет в обморок. — Возьмите себя в руки, прошу вас. Где у вас кухня, налью вам воды. Господин Тиффано, да присмотрите же за ним!

Я отправилась на поиски кухни и, проходя мимо выхода в дворик, заметила женский силуэт в кресле-качалке. Чутье опять тихонько поскреблось в желудке, я против воли заглянула во дворик. В кресле сидела и монотонно качалась усталая безразличная женщина, ее пустой взгляд блуждал явно где-то за пределами реальности, впрочем, как и ее разум. Было совершенно очевидно, что жена портного сошла с ума. Но все-таки... Я присела на корточки рядом с ней и попыталась заговорить с ней:

— Госпожа Адели Изхази? Вы меня слышите?

Ее взгляд смотрел словно сквозь меня, но потом ненадолго сфокусировался, и она мне ответила:

— Евочка скоро вернется с занятий. Я ее жду... Она у меня такая красивая девочка, настоящее сокровище...

Взгляд опять поплыл, поэтому я поспешила вернуть внимание женщины:

— Адели, госпожа Изхази! Евочка вернется с занятий голодной! Слышите? Вы приготовили ей обед? Что она любит?

Женщина опять сфокусировалась на мне:

— Евочка обожает жареные куриные крылышки. Я их готовлю по особому рецепту...

— Так вставайте же! Вы должны успеть их приготовить!

Женщина неуверенно поднялась с кресла и нетвердой походкой отправилась на кухню. Я пошла следом за ней. Жена портного была не совсем безнадозна, кроме того, ее безумие можно было использовать себе на пользу.

Я вернулась в гостиную со стаканом воды и уверенностью, что заставлю Изхази пошить мне платье. Он в лепешку расшибется, но пошьет его. Господин инквизитор вполголоса утешал несчастного отца, явно вещая ему какие-нибудь глупости по поводу смирения и веры в Единого. Я протянула Изхази стакан воды и спросила его:

— Господин Изхази, вы знаете, где сейчас находится ваша жена?

Портной испуганно взглянул на меня и крепко стиснул стакан.

— Она отдыхает во дворике, ей слегка нездоровится.

— Слегка? — я вздернула бровь. — Ваша жена сошла с ума, и вы называете это —

слегка нездоровится?

Портной задрожал всем телом.

— С ней все в порядке! Она просто...

Я покачала головой и обратилась к инквизитору:

— Господин инквизитор, надо будет сообщить в церковную больницу. Ей необходима помощь.

Инквизитор возмущенно взглянул на меня и открыл рот, намереваясь мне возразить, но я не дала ему такой возможности.

— Впрочем, господин Изхази... — я вопросительно взглянула на портного. — Мне говорили, что вы отличный портной?..

Мужчина опять рухнул на колени.

— Прощу вас, не забирайте жену, она единственное, что у меня осталось! Я сделаю все, что скажете!

Я довольно улыбнулась, чувствуя, как красавчик сверлит меня гневным взглядом.

— Господин Изхази, я думаю, можно будет закрыть глаза на нездоровье вашей жены, но мне нужна ответная услуга. Завтра большой прием у бургомистра, и мне срочно нужно платье...

Красавчик встал.

— Довольно, хватит. Ваше поведение отвратительно, оставьте господина Изхази в покое! — Он развернулся к нему и заверил. — Я вам обещаю, что про вашу жену никто не узнает. Простите мою спутницу, она перешла границы дозволенного. Нам пора, — инквизитор схватил меня за руку и потащил к выходу, но я вырвалась.

— Идите, я вас догоню, — я кивнула инквизитору. Тот немного поколебался, кинул на меня предупредительный взгляд и вышел. Я обернулась к портному и протянула ему эскиз платья с моими мерками.

— Мне нужно это платье. И вы прекрасно понимаете, что к чему. Господин инквизитор слишком великодушен, а я нет, — я помедлила и добавила. — В церковную больницу сообщить о вашей жене может кто угодно. Завтра с утра я приду на примерку. Надеюсь, платье останется только подогнать по фигуре. Ткань выберете из ксандрийского атласа, цвет темно-серый, с серебристым отливом, на вставку пустите тонкие мирстеновские кружева самого высокого качества. Вот задаток на материалы.

Мужчина смотрел на меня с испугом и отвращением.

— И запомните, если платье мне не понравится... — я угрожающее замолчала. — Вам придется навещать свою жену в больнице. Правда, недолго, говорят, что умалишенные долго там не задерживаются.

Тут в комнате появилась растерянная Адели.

— Котенька, я хочу приготовить любимое лакомство Евочки. Никак не могу найти куриные крылышки. Я думала, ты купил... Как же так? Ты же сходишь на рынок?

В глазах мужчины стояли слезы. Он обратился к жене:

— Конечно, дорогая, прямо сейчас и пойду. — Потом повернулся ко мне с обреченным видом. — Я все сделаю, как вы скажете. А сейчас уходите, пожалуйста.

Я усмехнулась.

— Ну вот и отлично.

Уже в дверном проеме я добавила:

— Кстати, если платье будет действительно великолепным, то я подумаю, как вернуть

разум вашей жене...

Портной проводил меня невидящим взглядом.

На улице инквизитор устроил мне сцену.

— Глупо было ожидать от вас иного, но я даже не думал, что вы можете так низко, гадко и подло обойтись с несчастным человеком! У вас есть хоть капля сострадания к чужому горю? Или вас заботят только собственные интересы? Мне противно находиться с вами рядом!

Я взяла его под руку, не обращая внимания на его попытки вырваться, и потащила дальше по улице.

— Господин инквизитор, у нас еще остались шестнадцать адресов, давайте поторопимся. А по поводу несчастного, как вы изволил выразиться, портного, то вам не следует беспокоиться. Небольшая встряска только пойдет ему на пользу.

Красавчик остановился, как вкопанный, посреди улицы и воззрился на меня так, словно я была грязной вонючей крысой, вцепившейся ему в руку.

— Небольшая встряска? Вы унизили человека, просто так, по вашей прихоти. Словно мало ему страданий из-за дочери, так теперь он еще будет переживать за жену! Но вам же все равно...

Мне надоела его истерика, затылок ломило пульсирующей болью еще со вчера. Душный жаркий день приводил меня в странный озноб, ибо леденящий холод, обычный после приступа, продолжал терзать тело изнутри.

— Успокойтесь уже, — проговорила я устало. — Вы удивительно слепы и наивны. Даже не знаю, что хуже, ваша наивность или неопытность. Подумайте сами, ваш несчастный портной после исчезновения дочери замкнулся в своем горе, перестал принимать заказы, начал пить. Вы же почувствовали запах дешевого вина? Заметили запустение в доме? Они с женой проедали и пропивали нажитое, а когда денег перестало хватать, стали продавать вещи. Что дальше? Когда у них закончатся все средства к существованию, что с ними будет? С сумасшедшей женщиной, живущей в собственном мире, где ее дочь все еще жива, и с мужчиной, потерявшем смысл существования? Что вы смогли ему предложить? Слова утешения и лживые обещания обрести покой в смирении и вашей клятой вере? Вы действительно верите, что это поможет?

Инквизитор стиснул челюсти так, что заходили желваки на скулах.

— Я не собираюсь выслушивать ваши оскорбления...

— Я не закончила. А теперь подумайте, что сделала я. Я встряхнула его существование, заставила вспомнить, что у него есть еще о ком заботиться. Я заставлю его пошить мне клятое платье, и пусть только попробует напортачить. Я оставила ему задаток на материалы, дала работу, и щедро заплачу, если платье мне понравится. Кроме того, в отличие от вас, я подарила ему надежду на возвращение разума его жене. Так что теперь все зависит только от него. И если он соберется и возьмет себя в руки, то сможет вернуться к нормальной жизни. Ну а если нет, то церковная больница для его жены будет не самым плохим вариантом, учитывая, что они скоро окажутся на улице, продав все до последнего гроша.

Инквизитор продолжал смотреть на меня с недоверием и отвращением.

— Как вы ловко все обернули! То есть теперь вы получаете благодетельницей?

— Я никогда не делаю ничего просто так, господин инквизитор. Он хороший портной, и будет непрактично отказываться от возможности получить пожизненную скидку и

обслуживание вне очереди, согласитесь.

— Но вы дали ему ложную надежду! Как вы собираетесь вернуть разум его жене?

— Вы упоминали, что имеете степень душеведа? У меня такой степени нет, но в безумии я разбираюсь получше вашего, смею вас уверить. И еще, в отличие от святош, я всегда держу свое слово. Пойдемте уже.

Мы обошли почти все адреса, кроме одного, который оказался фальшивым. В пяти случаях родители опознали колдунью, которая оказывалась под тем или иным предлогом рядом с их домами в день исчезновения девочек. Еще в трех случаях заявители не смогли припомнить лицо знатной дамы, что крутилась рядом, но в один голос утверждали, что дама была очень красива и богата. Во всех остальных случаях расспросы ничего не дали, родители не смогли вспомнить ничего существенного. А в еще одном случае у нас оказался счастливый конец. Родители, мелкий лавочник и его жена, представили нам свою дочь, которая пропала, но потом чудесным образом нашлась. Рыжеволосая хитроглазая бестия лет тринадцати заявила, что помнит даму на рисунке. Та предложила ей поехать к ней домой под выдуманным предлогом, но девчонка сбежала. Я взгляделась в ее карие с зелеными безумными искорками глаза и не удержалась от похвалы.

— Ты молодец! Всегда доверяй чутью, слышишь? Чтобы тебе не твердили окружающие, не слушай их, только свое чутье. Оно уже спасло тебя от верной смерти.

Мы управились с делами далеко за полдень, и я предложила инквизитору зайти к нам пообедать, соблазняя его вкуснейшей выпечкой от дедушки Иволги.

— Спасибо, — сухо отказался он. — У меня есть неотложные дела.

— Кстати, — я досадливо хлопнула себя по лбу. — Вы кажется намеревались отправить письмо епископу? Надеюсь, вы не успели это сделать?

Красавчик уставился на меня с подозрением.

— Успел. Вчера сразу и отправил. С чего бы мне медлить?

Я со злости сплюнула на пол. Сама виновата, забыла предупредить этого болвана!

— И что написали? Изложили все факты?

— Я не понимаю ваших претензий. Дела церковные вас никоим образом не должны касаться.

— Балда!

Я развернулась уходить, но инквизитор преградил мне дорогу.

— Объяснитесь.

— Пойдемте со мной, — устало сказала я. — У меня нет желания объяснять вам ошибку посреди дороги. У меня дико болит голова, и эта клятая девчонка своим воем меня уже извела.

— Какая девчонка? — инквизитор недоуменно воззрился на меня.

— Катрин, кто же еще. Пойдемте. Подумаем, что можно исправить.

Антон приготовил густой наваристый бульон с говяжьей косточкой, который господин инквизитор уплетал без лишних уговоров. А вот мне наоборот кусок в горло не лез, я пила один лишь травяной чай, мрачно созерцая на подносе горку пирожных и булочек, заботливо приготовленных Мартеном. Послезавтра будет открытие пекарни, появятся первые покупатели, и вложения, наконец, начнут приносить доход. И все равно это будут лишь жалкие гроши, которых не хватит на задуманное. Инквизитор управился с бульоном и

подвинул себе чашку с чаем и поднос с выпечкой.

— Рассказывайте уже, что вы там хотели поведать.

— А что рассказывать, все, что можно было, вы уже испортили. Впрочем, я должна была вас предупредить вчера, но так много всего произошло...

Инквизитор прищурился и положил надкусанную булочку обратно на блюдце.

— Что именно я испортил? Вы специально меня подначиваете все время?

— Вы даже не удосужились подумать как следует! — я раздраженно отодвинула чашку и встала из-за стола. — Я же упоминала про возможные осложнения в деле. Если сами не можете додуматься, то можно было хотя бы меня спросить или напомнить об этом?

— Я не вижу в деле никаких осложнений, кроме вашего присутствия...

— Не видите, правда? Наивный болван! Вы не поняли еще? Зачем помчице столько детей? Ведь мы взяли случаи только за последние три года. Семнадцать, нет, шестнадцать детей. Это те, о ком заявили. А сколько детей пропало только в приюте отца Георга? А сколько пропало бездомных и крестьянских детей, про которые никто не заявил? Не подумали? А я подумала. Колдунья обладает возможностью забирать жизненную силу девочек, создавая эликсир молодости, исцеляющий практически от любых болезней и ран. Что она с ним делает? Использует только для себя? Или же с его помощью заручится поддержкой знатных и влиятельных вельмож, даруя его в обмен на услуги или золото?

Я села обратно и мрачно воззрилась на красавчика.

— И поэтому ваше дознание затронет и их интересы тоже. Насколько сильно будет противодействие, трудно сказать, но оно точно будет. И я более чем уверена, что колдунья приобрела покровителей не только среди высшего света, но и в церковной среде. А значит, ваше дознание может даже не начаться.

Инквизитор недоверчиво покачал головой.

— Я допускаю, что в ваших словах есть смысл, но только в отношении светской власти. Никто в Святой Церкви не опустится до сотрудничества с колдуньей. Так что можете оставить ваши опасения при себе.

Головная боль взорвалась дикой вспышкой ярости. Я подхватила со стула и вцепилась в красавчика.

— Хватит нести чушь! Ваша мерзкая лицемерная Церковь способна и на большую подлость и зло! Как же я ненавижу... Даже не знаю, кого больше, колдунов или таких вот святош в лице вашей Церкви, с молчаливого согласия которых творится злобное колдовство! — меня трусило от злости, я понимала, что веду себя глупо, но совладать с чувствами не могла.

Красавчик выглядел ошеломленно. Он осторожно отцепил мои пальцы от своего одеяния и усадил меня обратно.

— И после всего сказанного, вы хотите, чтобы я допустил вас к дознанию? Чтобы сотрудничал с вами? Доверял? Вы только что прямо заявили о неприятии Святого Престола...

— Да идите вы к демону! Я и без вас уничтожу колдунью. А вы... Если вы, подобно остальным лицемерным церковникам, вздумаете отступить или помешать мне, я уничтожу и вас, слышите? Отправитесь вслед за колдуньей в бездну! Я в отличие от ваших товаров всегда держу данное слово!

Инквизитор внимательно смотрел на меня, словно что-то решая про себя.

— Я не намерен более выслушивать ваши оскорбления. До свиданья. Завтра я заеду за

вами к шести.

Он направился к выходу, но в дверях остановился и обернулся ко мне.

— И помните про мои условия. Никаких выходок я не потерплю. Если сочту ваш наряд недостаточно скромным, то вы никуда не поедете.

Инквизитор открыл дверь, и я со злости бросила ему вдогонку.

— Я надеюсь, что ваше одеяние также будет подобающим и не заставит меня краснеть за вас.

Он на секунду застыл в дверях, стиснул кулаки, вполоборота бросил на меня испепеляющий взгляд и ушел.

Я отправилась в город. У меня еще было много дел. У торговца мехами выбрала себе подходящую накидку из серебристой лисы, посетила несколько алхимических лавок, купив необходимые для воровского порошка ингредиенты по отдельности, чтобы не вызвать лишних подозрений. А вот со свистком для собак пришлось повозиться, я обошла всех гончаров, но не один не взялся за заказ. К счастью, мне пришла в голову мысль поискать умельца в стенах Академии. К вечеру отправилась загород, не мешало еще раз взглянуть на особняк бургомистра. План был хорош, но не идеален. Впрочем, идеальных планов и не бывает. Я обошла поместье, замеряя, сколько времени занимает прогулка, по тяжелым карманным часам с прочной механизмом гарлегской работы и прикидывая временную схему. Получалось не очень удачно. Впрочем, все равно придется импровизировать.

К портному я отправилась напрямик с утра, взяв с собой Тень. Изхази действительно сильно любил жену, ибо смог сотворить чудо. Платье, наспех сметанное, село по фигуре просто отлично, пришлось только чуть сместить вставку, чтобы не было видно нескольких шрамов. Я покрутилась возле зеркала, удовлетворенно разглядывая более чем пикантный вырез платья. Тень смотрела на меня осуждающе, а портной трусил, как осиновый лист.

— Госпоже понравилось? — он заискивающе протянул мне эскиз. — Я сделал все в точности, как на рисунке.

— Да, мне понравилось, — я довольно улыбнулась и потянулась, словно сытая кошка. — Вы отлично поработали. Обработаете швы и пришлете платье мне домой, вы должны успеть до трех часов. Тень, расплатись с мастером.

Я села на кресло и пригласила сесть напротив портного. Он практически рухнул в кресло, понимая, что разговор еще не окончен и не зная, чего еще от меня ожидать.

— Господин Изхази, вы очень хороший портной. Я, кажется, упоминала вчера, что ваша жена не совсем безнадежна...

Портной вскинулся, испуганно глядя на меня. Я подняла руку в успокаивающем жесте.

— Я могу попробовать вернуть ей разум, но... Во-первых, я хочу услышать от вас, что вы этого хотите и готовы на все ради жены. — Я вопросительно уставилась на собеседника.

Портной явно колебался.

— Милостивая госпожа, умоляю, поймите меня правильно, я не хочу вас обидеть, но когда с Адели стало сложно, я заплатил душеведу с Академии... Он сказал, только поймите меня правильно, я ни в коем случае не ставлю ваши слова под сомнение! Он сказал, что ее состояние будет становиться все хуже и хуже... Что можно только облегчить симптомы, но не излечить полностью...

Я презрительно усмехнулась.

— Что знают эти болваны! Впрочем, как хотите, мое дело — предложить, но если вы не хотите, неволить не стану.

Я резко встала. Портной вскочил вслед за мной.

— Подождите! Вы не договорили, что нужно от меня? Если есть надежда для моей Адели, я готов попробовать, только у меня почти не осталось денег...

Я подошла к Изхази, подняла его голову за подбородок и уставилась ему в глаза.

— Деньги мне не нужны. Вы бросаете пить, начинаете принимать заказы. После моего появления на приеме у бургомистра у вас появится много новых заказов, не сомневайтесь. Но если вы опустите руки, если я почую от вас запах вина, если...

Портной испуганно сглотнул. Он меня явно боялся, и это к лучшему.

— А взамен я попрошу немного. Постоянную скидку на мои заказы и обслуживание вне очереди. Слышите? Даже если у вас будет обшиваться сама вояжна, мой заказ вы исполните первым!

— Конечно, не сомневайтесь. — Портной рухнул на колени и схватился за подол моего платья. — Да если вы вылечите Адели, я молиться на вас стану! Прошу вас, все, что угодно.

— Встаньте! — я резко поставила его на ноги, усадила обратно в кресло и кивнула Тени. — Моя помощница сейчас нарисует портрет вашей дочери. Опишите ей Еву.

Портной недоверчиво покосился на Тень, но покорно стал рассказывать, как выглядела его девочка. Тень быстрыми штрихами сделал набросок и показала его отцу. Тот задрожал всем телом и опять рухнул на колени.

— Милостивая госпожа, прошу вас, оставьте мне рисунок, умоляю вас! У меня совсем ничего не осталось на память о ней! А на нем Евочка как живая! И такая счастливая, смеющаяся. Она... — теперь он уже рыдал и размазывал сопли. Я брезгливо кивнула Тени, та с некоторым сомнением отдала рисунок мне. Девчонка была действительно хорошенькой.

— Господин Изхази, возьмите себя в руки. Я отдам вам рисунок, но позже. А сейчас мне еще понадобятся вещи девочки, вы ведь ничего не выкинули?

— Зачем? — портной все еще не мог придти в себя.

— Я не собираюсь сейчас вам все объяснять. Просто принесите мне ее платье и туфли, можно еще ленточку для волос, как на портрете.

Тень смотрела на меня с откровенным ужасом. Она, должно быть, вообразила себе, что я буду колдовать над портретом и вызывать мертвых.

Уже на улице она осмелилась спросить.

— Зачем госпоже вещи девочки? Что вы собираетесь с ними делать?

— Как зачем? Чтобы вызвать ее дух, конечно.

Тень в ужасе отшатнулась от меня.

— О, боже Единый, да пошутила я! Успокойся уже, сейчас ты отправишься с этим портретом в сиротские приюты. Вот адреса. Поспрашивай, есть ли у них похожие девочки примерно того же возраста, что и она. Поняла? Сходство не обязательно должно быть точным. Просто взгляни на похожих девочек и набросай их портреты. Смотри, ты должна успеть к трем часам забрать мое платье. И можешь тогда вернуть рисунок Евы ее отцу.

ГЛАВА 8. Хризостола

Я отдала последние инструкции Антону и отправила его. Платье сидело как влитое, выгодно подчеркивая фигуру. Волосы были забраны в высокую замысловатую прическу с единственным длинным локоном, приспущенным сзади. Моя счастливая отмычка в форме серебряной шпильки была в волосах. Я надела серьги с черными алмазами в серебре и такой же перстень. Бедный хан Ли Мин, если б он только узнал, как я поступила с его редким алмазом Черное Око и во что его превратила. И последний штрих. Я промокнула губами облатку с ярко-красной помадой, вульгарный и насыщенный цвет, сразу обращающий на себя внимание. Если вы хотите скрыть что-нибудь, то выставьте то, что можно безболезненно потерять. Бросив последний взгляд на себя в зеркало, я спустилась вниз в гостиную, к ожидающему меня инквизитору. Эффектно появившись на лестнице, я остановилась, выдерживая театральную паузу. Инквизитор равнодушно окинул меня взглядом и поторопил. По случаю приема инквизитор облачился в официальную черную мантию, расшитую золотом, его обычные для священнослужителей длинные волосы были забраны наверх в церемониальной прическе. Так что красавчик тоже выглядел эффектно и властно. Как же хотелось потрепать его уверенность, но приходилось пока молчать...

— Спускайтесь уже.

Я нарочито медленно спустилась по лестнице. Инквизитор обошел меня кругом, придирчиво разглядывая. Лишь бы не заставил снять лисью накидку, иначе все пропало.

— Я же предупреждал, никакого яркого макияжа я не потерплю.

Я потупилась в притворном смущении.

— Немедленно сотрите помаду! Что за вульгарный цвет? Ничего лучше не могли придумать?

Я также медленно, нарочно затягивая время, достала из сумочки платок и зеркальце и стала покорно стирать помаду.

Инквизитор подозрительно нахмурился.

— Что вы молчите? Язык проглотили?

Я медленно отложила зеркало в сторону и подняла глаза. Мои манеры и тон были безупречны.

— Прошу прощения, мой господин, но вы запретили себя перебивать, — меня неумолимо затягивало в образ любимой наложницы хана, будь он неладен...

Красавчик прищурился и снова обошел меня кругом.

— То есть, теперь вы изображаете примерное поведение? С прекрасными манерами? Без грубостей, нахальства и похабщины? Ну что ж, посмотрим, надолго ли вас хватит. Надеюсь, вы продержитесь до конца приема. Пойдемте, мы уже опаздываем.

Я покорно последовала за красавчиком, пряча коварную улыбку в лисий мех.

В экипаже я лишь протянула ему записку с вопросами для помчицы Малко. Инквизитор хмуро прочитал их, сложил лист и сунул во внутренний карман мантии. Очевидно, что молчание его тяготило и выводило из равновесия.

— Вы будете молчать всю дорогу?

— Что желает услышать мой господин? — мой голос был тих и нежен, как себярский

шелк.

— Прекратите паясничать! Вам все равно не удастся меня обмануть.

Я потупила голову и промолчала.

— На приеме от меня никуда не отходить, ни на шаг! Никого не задирать, на меня не вешаться. Никому не грубить. С помчицей Малко не заговаривать.

Я послушно кивнула, продолжая хранить молчание.

Экипаж остановился, и инквизитор послушно подал мне руку, помогая выйти. Также под руку с ним мы поднялись по парадной лестнице, и нас объявил церемонмейстер. Наша пара привлекала невольное внимание, в основном благодаря официальной мантии инквизитора. Святая Инквизиция была могущественной властью, перед которой склоняли головы сильные мира сего, а ее представитель внушал почтение и трепет. Я держалась скромно, в его тени, и лишь когда мы достигли центральной залы, где собрались самые почетные гости во главе с бургомистром, только тогда позволила наконец поднять глаза и осмотреть окружающих. Блеск и роскошь убранства, вычурные и дорогие одеяния гостей сразу бросались в глаза. Редкая безвкусица нарядов большинства наводила на печальные размышления. Пара прекрасных фамильных драгоценностей на нескольких знатных дамах и больше ничего интересного. Мысленно отметив тех, с кем надо будет свести знакомство, я наконец отыскала взглядом в сумятице приема помчицу Малко. В багрово-красном открытом платье, с высокой прической из роскошных темных волос, она выделялась в толпе и сразу обращала на себя внимание, словно редкий экзотичный и очень ядовитый цветок. Хотя нет, скорее мухомор. Законодательница мод и завсегдатай роскошных приемов, она привыкла быть в центре внимания. И как же она отреагирует на то, что отныне внимание будет обращено не на нее?

Нас представили бургомистру. Сидя напротив высокого дородного мужчины, я внимательно разглядывала его.

— Господин инквизитор, я рад приветствовать вас в нашем городе. Как устроились?

Пока красавчик обменивался почтительными формальностями с бургомистром, я наконец позволила накидке небрежно соскользнуть с плеча. Легкий шепот любопытствующих, пока еще на грани приличия, отчетливо различался в тихом гомоне зала. Я обворожительно улыбнулась бургомистру, вспоминая незлым тихим словом Матушку Гён, которая возникла в углу диванчика и теперь, опустив глаза и покорно сложив руки на коленях, сидела напротив. Да помню я твои наставления, помню! Старшая жена хана, попавшая в немилость и отправленная в изгнание, готовить и наставлять неопытных наложниц в гарем бывшему мужу. Судьба была к тебе жестока, но ты не сломалась. Ты до сих пор даешь мне силу добиваться своего любой ценой. Я помню твою науку и твою бесценную мудрость. И безмерно благодарна тебе. И прости, что не смогла защитить тебя.

— Господин инквизитор, вы не представите мне свою скромную спутницу? В наше время так редко можно встретить столь почтительную и красивую девушку...

Инквизитор нехотя повернулся ко мне и сказал:

— Крета Лидия Хризшпайн, бургомистр Авет Эльдари.

— Рада познакомиться, — я почтительно склонила голову еще ниже, голос был на грани слышимости.

Бургомистр вынужден был наклониться ближе, чтобы услышать его.

— Вы так скромны. Давно ли вы в городе?

— Уже полгода, ваша милость. — Я осмелилась поднять глаза и застенчиво улыбнуться. — Я здесь совсем никого не знаю, поэтому простите, ваша милость, боюсь, что могу сказать глупость.

Бургомистр рассмеялся, его взгляд стал липким и похотливым. Он уже вообразил себе одинокую добродетельную деву, легкую добычу.

— Ну что вы, милая. Не надо меня бояться. Ваша юная красота затмит любую глупость, которую вы сможете сказать.

— Господин инквизитор, — я украдкой кивнула в сторону хмурого красавчика. — Был столь добр, что согласился представить меня высшему обществу. Я безмерно ему благодарна.

— Вы приехали в город одна или с родителями?

— С братом, — я опять опустила голову. — Мы открыли частный сыск, и теперь едва сводим концы с концами. Пришлось даже заложить фамильные драгоценности.

Я покрутила перстень на пальце, привлекая внимание собеседника к редкому черному алмазу необычной огранки. Теперь в глазах бургомистра зажглась еще и жадность. Он явно был охоч до золота и камней, а в его доме наверняка будет славная добыча и того, и другого.

— Прошу меня извинить, ваша милость. Кажется, увидела знакомую батюшки, это так странно, — я изобразила на лице замешательство и сомнение, поднялась и резко повернулась уходить. Накидка окончательно соскользнула с плеч, я услышала сдавленный хрип бургомистра, которому открылся умопомрачительный вырез на спине. Инквизитор не видел безобразия, он недоуменно смотрел на красную морду собеседника и ничего не понимал. Прежде чем разразился окончательный скандал, я напрямик направилась к колдунье, споткнулась по дороге и застыла столбом, удивленно уставившись на нее с глупым видом. Колдунья холодно взглянула на меня в ответ. Она уже успела оценить эффект, произведенный на присутствующих моим экстравагантным платьем, и теперь оценивающим взглядом прошлась по моим украшениям. Мое разглядывание явно выводило ее из равновесия, вкупе с тем, что теперь все внимание, как мужской, так и женской половины гостей было приковано ко мне. Наконец она не выдержала и сама подошла ко мне.

— Простите, чем я так привлекал ваше внимание, юная госпожа? — ее тон был холоден и ядовит. — Я помчица Этна Малко. А кто вы, простите, что так бесцеремонно позволяете себе разглядывать меня?

Я изобразила на лице растерянность и замешательство.

— Но как?.. — пролепетала я. — Я помню вас, я была еще совсем маленькой, когда батюшка привозил меня к вам в поместье... Я тогда была... — я стало с глупым видом загибать пальчики, силясь подсчитать возраст. — Но ведь вам уже столько лет!

Позади раздался шум, это красавчик резво пробирался сквозь толпу. Его вид не предвещал ничего хорошего.

— Я вас не помню, юная госпожа. Вы меня с кем-то перепутали. — На ее лице не дрогнула ни одна мышца, но глаза стали злые-презлые, и в них заплескалось безумие.

— Ну как же! Я крета Лидия Хризштайн, — я постаралась говорить тонким высоким срывающимся от волнения голосом, так чтобы меня было слышно всем в зале. — Разве вы не помните меня? Я гостила у вас в поместье, тогда еще пропала соседская девочка, дочка молочника? Вы не помните, как ее все искали?

Лицо колдуньи перекосило.

— Простите мою спутницу, — инквизитор больно сжал локоть и накинул мне на плечи накидку, к вящему неудовольствию мужчин. — Она не в себе, я...

— Ваша дама точно не в себе! Придти на прием с инквизитором в таком вызывающем платье! Или теперь Святой Престол позволяет подобные вольности своим служителям?

Лицо инквизитора окаменело, а в глазах зажегся недобрый огонь.

— Ничего не понимаю, — опять пролепетала я. — Почему вы считаете мое платье вызывающим? — я усиленно изображала наивную глупышку. — Этот крой платья был на вояжне Лейле на недавнем приеме в себярском посольстве. А платье придумал княжеский портной Густаво Луччи! Это последняя модная новинка сезона... Как же так? — я умоляюще взглянула на красавчика. — Господин инквизитор, как же так? Неужели платье действительно неприличное? Почему же вы ничего не сказали?

В моих глазах стояли слезы, но я все-таки ухитрилась ему незаметно подмигнуть. Если б не присутствующие, думаю, что он бы меня задушил. Он вцепился в мое плечо, больно сжал его и выговорил сквозь зубы:

— Увы, думаю, что оно не совсем подобающего кроя для этого тихого города...

Как же он хорош, когда злится. Я радостно улыбнулась и захлопала в ладоши.

— Ну конечно, это ж провинция! Как я могла забыть и быть такой недалёковидной. Модные столичные новинки еще просто не успели завоевать здесь признание. Но ничего!.. — Я с энтузиазмом повернулась к колдунье. — Госпожа Малко, если пожелаете, могу дать вам адрес портного, который сотворил для меня это чудо. Господин Артем Изхаз, улица Колченогов. Думаю, вам такой крой тоже пойдет... — но я изобразила на лице некоторое сомнение, очертив в воздухе контур ее фигуры. — Хотя возраст... Даже не знаю...

До нас уже добрался хозяин приема. Бургомистр подхватил меня под локоток, привлек к себе и стал утешать.

— Милая Лидия, не смущайтесь. Ваше платье просто очаровательно, хотя... гм... несколько пикантно, но вы так чисты и невинны, что это нисколько не бросает тень на вашу честь. Пойдемте, я провожу вас к столу.

Я бросила довольный взгляд через плечо. Инквизитор стоял со сжатыми кулаками и смотрел на меня ненавидящим взглядом, лицо колдуньи пошло красными пятнами.

— Милостивый господин...

— Можете просто называть меня по имени, Авет, — он откровенно меня лапал, впрочем, пусть. Моя рука легко залезла ему за пазуху и вытащила пару ключей. Он ничего не заметил.

— Как можно, хотя... если вы настаиваете, Авет, — я опять застенчиво улыбнулась. — Вы можете посадить нас с господином инквизитором рядом с помчицей Малко? Она старая знакомая моего батюшки, и мне будет приятно сидеть рядом с близким мне человеком.

— Помилуйте боже, ну конечно, все, что пожелаете!..

Стол в обеденной зале ломился от изысканных угощений: жареная дичь, заморские фрукты, дорогие вина. Возле стен стояли вышколенные слуги, готовые подать, принести и выполнить любую прихоть дорогих гостей. А гости неторопливо рассаживались по своим местам, бросая на меня любопытствующие взгляды. Жена бургомистра, дебелая матрона со следами прошлой красоты на лице, прошествовала за стол в сопровождении двух взрослых дочерей на выданье. Бургомистр при ее появлении сразу поскучнел и отодвинулся. Я приветственно кивнула инквизитору, показывая на место рядом с собой. Он замер в нерешительности, потом двинулся в мою сторону, решив, очевидно, что лучше держаться ко мне поближе, чтобы я еще чего-нибудь не учудила. Помчица Малко сидела напротив и чуть

поодаль. Ее лицо ничего не выражало, она успела придти в себя и даже не смотрела в сторону докучливой девчонки. Со мной завязал беседу сосед по столу, богатый купец Эвтанзи Адегей, владеющий тканевыми мануфактурами. Я продолжала вести себя скромно и застенчиво, однако успела упомянуть в разговоре открытый с братом частный сыск, который не очень процветает. На щеках инквизитора расцвел незаметный на его смуглой коже румянец, а костяшки пальцев, сжимающих столовые приборы, побелели. Он явно злился. Это хорошо, что он краснеет от злости, а не белеет. Когда кровь приливает к голове, человек начинает лучше соображать и быстрее действовать. В бою это всегда ценится. Красавчик поднял глаза и язвительно заметил:

— Мне кажется, госпожа Хризштайн лукавит. Ее дело частного сыска процветает. Кажется, давеча вы помогли купцу Этьену разобраться с пожаром на его складах?

Однако! Он успел навести обо мне справки, это впечатляет. Значит, не все еще потеряно для будущей звезды церковного сыска? Я скромно потупилась и ответила:

— Господин инквизитор, вы меня смущаете. Мне просто повезло. — Я подняла голову и кинула на него насмешливый взгляд. — То ли дело вы. Скажите, а вам доводилось видеть живого колдуна? Они правда такие мерзкие, страшные и злобные, как рассказывают?

Красавчик поперхнулся, и помчица Малко удостоила нас мимолетным взглядом. Я услужливо похлопала инквизитора по спине, он еще больше вцепился в вилку. Я всерьез опасалась, что он ее сломает. Но ему удалось взять себя в руки, он отложил прибор в сторону и спокойно сказал:

— Почему вас интересует этот вопрос?

— Ну как же! Это ведь много интересней, чем обсуждать погоду, разве нет? — я похлопала ресницами.

— Мне доводилось однажды допрашивать одну мерзкую колдунью... — он чуть помедлил, потом бросил многообещающий взгляд в мою сторону. — Она была примерно вашего возраста. Лживая, лицемерная, хитрая, как змея, и абсолютно безжалостная...

Я притворно ахнула, хватая его за руку.

— Какие ужасы вы говорите! Но вы же ее поймали? Она больше никому не сможет причинить вреда? Умоляю вас, скажите же быстрее, успокойте меня!

— Уверю вас, ни один колдун не избежит справедливой божьей кары. — Красавчик спокойно отцепил мои руки, взял нож и с силой воткнул его в жареного фазана, отрезал себе кусок, положил на тарелку и продолжил. — Святая Инквизиция вас защитит, не сомневайтесь.

Потом он чуть помедлил и обратился к помчице Малко:

— Госпожа Малко, ко мне обратился помчик Картуа. Он подозревает, что в исчезновении его дочери есть что-то странное, возможно, дело нечисто. Вы, кажется, знакомы с семейством Картуа?

Рука колдуньи замерла в воздухе, не донеся вилку до аппетитного кусочка дичи. Наконец-то красавчик начал задавать вопросы из моего списка.

— Да, они мне знакомы. И их дочь Катрин я хорошо знаю, прелестная девочка. А к чему ваши вопросы?

— Я подумал, что может вы заметили что-нибудь странное. Вы же были у них в гостях в тот день, когда Катрин пропала?

— Какой ужас, — вклинилась я, изображая на лице отчаяние. — Неужели и в этом тихом провинциальном городе не обошлось без колдовства! Девочку похитила злобная

колдунья? Но вы уже напали на след, господин Тиффано?

— Безусловно, — процедил красавчик сквозь зубы.

— Я так разволновалась, сердце бьется, как сумасшедшее, простите меня. — Я в отчаянии поднялась и схватилась за грудь. — С вашего позволения, пойду освежиться. — Я поклонилась и быстро удалилась.

Я чувствовала спиной беспомощный взгляд красавчика, увязнувшего в разговоре с помщицей. Он бы ни за что не отпустил меня одну, но не мог же при всех кинуться за мной. Это выглядело бы странно и неприлично.

Я попросила одного из слуг указать мне уборную и, не мешкая, отправилась на второй этаж. Я проскользнула мимо слуг и поднялась еще выше, на третий хозяйский этаж. Гостевая спальня, спальни дочерей, супружеская спальня, а вот, наконец, и кабинет хозяина. Дверь была закрыта, ключ, вытасченный у бургомистра, не подошел. Я вытащила шпильку и огляделась по сторонам — было тихо. Ловким движением я подцепила язычок замка и вывела его в открытое положение. Замок был несложным, призванным скорее защитить от любопытства домашних, чем от непрошенных гостей. В кабинете я оглядела убранство, ища сейф или тайник с драгоценностями. Мое внимание привлек книжный шкаф, который был явно для красоты, ибо поверить в начитанность бургомистра я никак не могла. Я подошла к нему, внимательно разглядывая. Бургомистр собрал богатую коллекцию книг. Тут были "Истории и жизнеописания заступников", "Трактат о вере", "Церковные изложения градоуправления" и многие другие редкие и дорогие, часть из которых я бы с удовольствием прочитала, но не время. Однако, похоже, что сам бургомистр не был книголюбом. На корешках всех книг, кроме одной, лежал приличный слой пыли. Я потянула за корешок, и шкаф ожидаемо отъехал на хитроумном механизме в сторону. Передо мной был сейф работы гарлегских механиков. Очень прочный, безумно дорогой и практически невозможный для взлома. Но у меня же были ключи. Я вставила по очереди два ключа, и запорный механизм сработал, дверца сейфа открылась. Внутри были золотые монеты, примерно пару тысяч, и фамильные драгоценности. Я открыла сумочку, вытащила тончайший платок из себярского шелка, диво прочный, связала его концы и стала сгребать добычу в импровизированную суму. Когда с этим было покончено, я подошла к окну и отворила его, впустив вечернюю свежесть в комнату.

И хотя я прекрасно видела в темноте, но для Антона нужно было подать условный знак. Я зажгла светильник и подошла к открытому окну. Прикрыв ладонью огонь свечи несколько раз, стала ждать. Наконец, после томительного ожидания внизу раздалось едва слышное шуршание в траве, и возник Антон. Я кивнула ему, кинула добычу и показала на пальцах знак получаса. Он подхватил мешок и скрылся в темноте. Я потушила огонь и начала мысленный отчет, слушая удары сердца. Один, два, три...

Не спеша нанесла воровской порошок на сейфовый замок, просыпала тонкую дорожку порошка от сейфа к окну и уже приготовилась зажечь фитиль из промасленной веревки, как услышала шаги за дверью. Проклятье! Кровь забурлила таким долгожданным пьянящим ощущением опасности. Я прикрыла тайник с сейфом и скользнула за тяжелую портьеру, замерев неподвижно. Двести пятнадцать, двести шестнадцать...

В комнату вошли двое. Раздался голос бургомистра:

— Странно, я, помнится, запираю кабинет... Господин Ветре, вы же не передумали? Где же документы?..

Раздалось шуршание бумаг за столом. Властный и надменный голос второго я не узнала.

— Я подпишу разрешение на открытие концессии по продаже эликсира, но...

Шаги раздались совсем близко, говорящий подошел к окну, я слышала его ровное дыхание. Двести восемьдесят восемь, двести восемьдесят девять...

— Вы пожелаете церковным властям земли при академии рядом с каналом. Помчица Малко настаивала на этом пункте.

Я насторожилась.

— Но милейший! — в голосе бургомистра было возмущение. — Земля там застроена сплошь и рядом, кусочка свободного нет. Помилуйте боже, на что она вам сдалась?

— Лачуги бедняков и их лавки можно легко снести. Или их может уничтожить непредвиденный пожар. Да мало ли что может произойти... — я отчетливо слышала, как говорящий довольно усмехается. Триста пятьдесят три, триста пятьдесят четыре.

Второй наконец отошел от окна.

— Я надеюсь, мы поняли друг друга? — его тон был ледяным и не терпящим возражений.

Бургомистр заблеял что-то невразумительное, потом очевидно покорно кивнул и протянул бумаги собеседнику.

— Тогда пойдемте, не следует надолго оставлять гостей, они заскучают. — В голосе второго звучала откровенная насмешка над хозяином приема.

Когда они удалились, я выскользнула из-за портьеры, открыла вновь тайник, протянула фитиль от окна до сейфа и задумалась. Пятьсот два, пятьсот три... Он догорит позднее, чем планировала, из-за непредвиденной задержки. Придется рискнуть, я отрезала кусок фитиля и подожгла оставшийся. Прикрепила записку на дверце сейфа, выскользнула из кабинета и заторопилась вниз. Инквизитор, должно быть, рвет и мечет из-за моего отсутствия.

На втором этаже я услышала шум. Красавчик допытывался у слуг, куда делась его спутница. Я вцепилась в перила. Десять минут миновало, отчет начинался заново, пятьдесят шесть, пятьдесят семь...

Я быстро вытащила шпильку из волос и засунула ее острием глубоко в нос, чувствуя как пошла кровь. Запрокинув голову, я изобразила глубоко несчастный и больной вид и прислонилась к стене.

— Где вы были? — голос красавчика звенел от злости. Он подошел ближе и схватил меня за руку, намереваясь потащить за собой.

— Немедленно спускайтесь к гостям! Как только прием закончится, я видеть вас больше не желаю. Вы меня подло обманули, погубили мою репутацию! Никакого сотрудничества, наш договор расторгнут. Мерзкая дрянь!

Я сползла по стенке и уселась на пол. Из носа сбегала теплая струйка крови. Двести двадцать три...

— Что еще за фокусы? Вы опять притворяетесь?

Я запрокинула голову и пробормотала с несчастным и обиженным видом:

— Я вас не обманывала. Или мне надо было остаться и дожидаться приступа при всех? Тогда я бы точно вас опозорила...

Инквизитор заметил кровь на моем лице.

— Где ваш платок?

— Дома... забыла...

Красавчик выругался под нос, достал свой платок и довольно бесцеремонно стер кровь с моего лица. Потом бесцеремонно наклонил мою голову подбородком к груди и держал так с

минуту. Триста сорок два...

— Вставайте, надо вернуться к гостям.

Он чуть ли не за шкуру поставил меня на ноги, но я зашаталась и вцепилась в него.

— Мне дурно... Кровь все еще не останавливается...

— Возьмите платок и будете вытирать. И не запрокидывайте голову! Пойдемте... — он насильно сунул мне в руку платок и потащил дальше.

— Какой вы жестокий...

Он резко остановился и обернулся ко мне. Триста девяносто...

— Ах, это я жестокий! — красавчик схватил меня за ухо и словно нашкодившую собачонку потащил за собой.

— Ай-ай-ай, больно же! Пустите! — я хныкала и упиралась.

— Я, значит, жестокий. Вы заявили в неприличном, постыдном виде на прием, опозорили меня перед всем городом!..

— Неправда! — ухо жгло от боли, я почти сбилась с ритма. Четыреста двадцать девять... — Мое платье закрыто с головы до пят, как и было договорено!

— Что?!? — он остановился и воззрился на меня с возмущением, его бархатно-чайные глаза потемнели. — Закрыто?

— Да! — я наконец-то вырвалась и теперь с не меньшим возмущением уставилась на него. — Закрыто, ни единого голого участка нет! Смотрите сами! — я топнула ногой и скинула накидку с плеч, потом покрутилась перед ним. Он онемел от негодования. — А то, какой именно тканью должно быть все закрыто, вы не уточняли! Так что сами виноваты!

Он медленно подобрал с пола накидку, вид у него был страшный. Я невольно отступила к стене.

— И не надо так расстраиваться! Ничего с вашей репутацией не станется. Вам наоборот завидуют все мужчины на приеме. И вообще, скоро вы мне спасибо скажете! Что вы собирае...

Руки красавчика сомкнулись на моей шее, дыхание перехватило. Даже через ткань высокого воротника я чувствовала, какие у него горячие руки.

— Замолчите! — он слегка ослабил хватку, но говорить я не могла, лишь хрипела. — Еще одно слово, и я вас удуш, боже Единый мне судья...

Я вцепилась ему в руку, но вырваться не смогла. Красавчик вдруг ослабил хватку, перехватил меня за плечо, накинул накидку и потащил вниз. Пятьсот восемь...

Мы спустились к гостям как раз вовремя. Бургомистр пригласил гостей в залу, где уже ждали музыканты. Инквизитор крепко держал меня за руку, и вырваться было ни какой возможности. Проклятье! Отсчет пошел на последние десять минут...

Воздух наполнила божественная мелодия свирели, нежная, томящая душу. Юный бард, неправдоподобно красивый, черноволосый и голубоглазый, поклонился гостям и вступил с песней. Его голос был поначалу нежен и пронзителен, словно девичий, но с каждым куплетом словно набирал силу и мужал. Он пел балладу о несчастной любви благородной девицы и ее верного воина, о постигшем их несчастье, проклятье Мертвых земель, которое погубило несчастную девушку, лишив ее рассудка. Баллада поначалу казалась незнакомой, но неожиданно всплыла в памяти. Голос барда проникал в самую душу, вызывая грусть и томление в сердце. И зрение начало размываться, в памяти вдруг возникли давно изгнанные образы: теплый весенний вечер, закатное солнце освещает его лицо, наши губы

соприкасаются в первом трепетном поцелуе, сладкий вкус майской вишни... Я встряхнула головой, отгоняя наваждение. Эти воспоминания были давно и надежно заперты, слишком болезненны и печальны они были... Я с удивлением обнаружила, что хватка инквизитора ослабла, его глаза были затуманены и грустны, да что там. Все в зале были словно околдованы. Я с ужасом поняла, что, во-первых, сбилась со счета, а во-вторых, что мальчишка-бард на грани. Он уже почти перешагнул черту безумия, за которой его ждет всепоглощающая тьма разрушения. Он вытягивал из окружающих их мечты и печали и питался ими, словно черпая в них силу своего таланта. Даже помчица Малко попала под его очарование.

Проклятье, я сбилась со счета! Теперь я не знала, когда именно воровской порошок взорвется и выбьет окно в кабинете, привлекая всеобщее внимание. Надеюсь, Антон готов. Надо сорвать с гостей это мрачное оцепенение.

У меня был неплохой голос. Как сказал когда-то Шушье, атаман Безумных Бардов, певчей легендой мне, конечно, не стать, но безумным бардом стать обязана... Я улыбнулась и настроилась. Эта баллада на самом деле исполнялась в два голоса. Импровизация — наше все! Я дождалась окончания куплета...

— Есть тоска, и есть забвенье,
есть боль и горечь от потерь,
и одиночество, как зверь,
надежды гонит воплощенье...
И лишь туманы голубые
мне шепнут, что ты ушла... *

* Забери свою свободу — группа Арктида

И опередила барда, вступив вместо него.

— И вьюгу ты полюбишь
И меня покинешь отныне,
Ты не вспомнишь, ты забудешь
Эти волосы льняные...
И лишь туманы голубые
тебе шепнут, что я ушла...

Мой голос разрушил мрачное очарование мелодии барда. Я пела, а на устах блуждала улыбка, и это отражалось на мелодии. Она перестала быть печальной, и гости словно очнулись от глубокого сна. Они недоуменно переглядывались между собой.

— Простите, — я оборвала песню и застенчиво поклонилась присутствующим. — Просто песня была такой грустной, что я не выдержала. — Я повернулась к юноше-барду и кивнула ему. — Ведь есть же другой вариант этой баллады, правда?

Бард смотрел на меня пустым взглядом, но согласно кивнул. Пелена безумия в его глазах понемногу рассеивалась. Он поклонился окружающим и уже собрался что-то сказать, как послышался оглушающий звон разбитого стекла и тут же громкий лай собак. Я довольно выдохнула. Слава Единому, успела.

Инквизитор очнулся и перехватил мою руку в запястье. Его глаза подозрительно блеснули. Интересно, что увиделось ему под колдовским очарованием баллады, какую боль он переживает до сих пор?

В залу быстрым шагом вошли несколько человек, очевидно, охранники бургомистра. Высокий, с военной выправкой мужчина, возможно, капитан охраны, шепнул что-то бургомистру, и тот сразу встревожено вскинулся.

— Немедля спустить собак!

Я повернулась к инквизитору.

— Как думаете, что случилось?

— Не знаю, — сквозь зубы процедил красавчик.

Бургомистр обратился к своему спутнику, худому высокому, в более чем скромном сером облачении, мужчине, который держался властно и надменно. Тот недовольно нахмурился, потом кивнул в нашу сторону.

Лицо инквизитора тут же приняло постное выражение, он направился в сторону мужчины, не выпуская моей руки.

— Инквизитор Тиффано, случилась неприятность. — Я тут же узнала голос, это он был в кабинете с бургомистром. — Я думаю, что участие церковного сыска в вашем лице будет как раз кстати.

— Что именно случилось? — красавчик был почтителен, словно перед ним был церковник более высокого ранга. Хотя, если судить по забранным в куцый хвост волосам, так оно и было.

— Какой-то воришка посмел проникнуть в хозяйские покои... Я думаю, что ваша спутница... — холодный взгляд в мою сторону. — Может остаться здесь...

— Но я могу помочь! — я несмело и робко кивнула бургомистру, рассчитывая на свое обаяние, но тот был слишком встревожен, чтобы поддаться. Он заторопился вверх по лестнице, в свой кабинет.

— Вы останетесь здесь, любезная госпожа, — это было сказано, как плевок в мою сторону.

— Простите, ваша святость, — красавчик нарочито покорно склонил голову. — Но разве делами воришек не должен заниматься громадский сыск?

— Господин Тиффано, вы не расслышали мое указание?

— Будет сделано, ваша святость, — красавчик медленно кивнул. Он в нерешительности оглянулся на меня. Ему совсем не хотелось выпускать меня из виду, но приказ от старшего по сану церковника нельзя было не выполнить. Интересно, кто же это?

Впрочем, я решила эту сложность за него. Я искрой метнулась вслед за бургомистром, уцепившись за его рукав.

— Господин бургомистр, умоляю, не оставляйте меня одну, мне страшно! А вдруг грабители еще в доме? Пожалуйста...

Бургомистр растерянно взглянул на меня, не заметив, как я сунула ему за пазуху его пропавшие ключи, потом кивнул.

— Ладно, идемте.

Я благодарно улыбнулась ему, кинув победный взгляд на церковников. Лицо старшего не выражало абсолютно ничего, а вот на лице инквизитора была целая гамма различных эмоций.

В кабинете уже толпился народ: капитан охраны, несколько стражников, жена бургомистра, причитающая и заламывающая в отчаянии руки.

— Дорогой, нас ограбили!

Бургомистра отстранил супругу и нетвердой походкой подошел к сейфу, который зиял устрашающей пустотой. Лишь одинокая записка лежала внутри. Инквизитор со своим спутником как раз подоспели к сцене. Бургомистр схватился за голову и стал голосить, дергая себя за волосы.

— Все похищено! Все! Золото, драгоценности! Мерзкие воры! Кто посмел?!? Кто?

Он кинулся к начальнику охраны, схватил его за воротник и стал трясти.

— Как он проник? Я вам плачу за что? Как вы могли его упустить?

Капитан опустил голову, не смея поднять глаз. Очевидно, у бургомистра был крутой нрав и тяжелая рука. Вперед выступил господин Ветре.

— Надеюсь, вы не хранили секретные бумаги в сейфе? — его спокойствие дало едва заметную трещинку, он был встревожен.

— Нет, что вы, не беспокойтесь... — бургомистр отпустил капитана охраны и медленно осел на пол. — Я разорен...

— Ну полноте вам, — к серому вернулось спокойствие. — Господин инквизитор возьмет на себя расследование. Конечно, вместе с громадским сыском. Уверяю, вор будет найден и наказан.

Красавчик выступил вперед, слегка поклонился.

— Позвольте?

Он подошел к сейфу и аккуратно вытащил записку, словно опасаясь, что она ядовита.

— Это ваше?

— Нет. Что там? — бургомистр заглянул ему через плечо и прочитал вслух. — "Неправедно нажитое отобрано серым ангелом". Каким еще ангелом?

Я подскочила к ним и тоже с любопытством взглянула на записку, ругаясь про себя на этого болвана. Даже прочитать правильно не может! Сирый ангел! Сирый и убогий! Придурок!

— А это что за символ? — я намеренно ткнула пальцем в стилизованное изображение крыла. — Это его подпись? Подпись Серого Ангела?

Инквизитор отстранил меня, и как раз в комнате появился капитан громадского сыска. Капитан Лунтико был довольно неприятным, продажным типом, хотя и отличался врожденной хитростью и изворотливостью. Может быть опасен, если недооценить.

— Капитан Лунтико, ваша милость, господин бургомистр. — Он подобострастно кивнул бургомистру и лишь потом обратил внимание на присутствие в комнате посторонних лиц. — Попрошу очистить помещение, здесь будет проводиться дознание.

Серый недобро прищурился. Следом начались препирательства и выяснения, у кого больше полномочий, и кто должен заниматься дознанием. Я попыталась выскользнуть из комнаты, но инквизитор благополучно перехватил меня за руку и сурово покачал головой.

— Господин бургомистр, — звонко обратилась я к несчастному, обращая на себя внимание всех присутствующих. — Вы были так добры ко мне, могу ли я также предложить вам свою помощь? В этом дознании?

— Что здесь делает эта девица? — капитан Лунтико взвился, словно укушенный. Он уже имел дело со мной, и я успела задеть его самолюбие, справившись с нехитрыми делами вместо его хваленного громадского сыска. — Немедленно покиньте помещение!

Инквизитор еще крепче перехватил мою руку в запястье, словно боясь, что я растворюсь как туман по утру.

— Господин Ветре, — красавчик был сама почтительность. — Можем ли мы покинуть дознание? Если будет необходимость, — еще один смиренный поклон в сторону капитана, — Святая Инквизиция окажет любую посильную помощь.

Лицо серого церковника скривилось, словно он раскусил лимон, но он все же согласно махнул рукой, отпуская инквизитора.

В коридоре я вырвалась и без сил опустилась на диванчик. То самое чувство, когда все опасности и тревоги позади, опустошает до дна. Красавчик в нетерпении потребовал:

— Вставайте немедленно! Я лично усажу вас в экипаж и отправлю домой.

— Мне нехорошо, слабость. Принесите мне воды, пожалуйста. — Я, предупреждая его возражения, добавила. — Иначе я с места не сдвинусь!

Инквизитор нашел выход из положения. Он поймал пробегающего мимо в суе слугу и приказал тому принести выпить госпоже. От меня он так и не рискнул отойти.

— Кто этот господин Ветре? Он выше вас по сану? Почему имеет право вам приказывать?

— Вас это не касается.

— Ну как знаете. Кстати... Если вдруг что, смело валите все на меня, — улыбнулась я.

— О чем вы толкуете? — инквизитор недоуменно взглянул на меня.

— Ну что возьмешь с полоумной девицы, верно? Если ваш начальник будет слишком вам вычитывать, смело сваливайте все на меня...

— Пейте уже и поехали, — инквизитор сунул мне бокал, я без раздумий сделала глоток. Горло обожгло крепким вином, я закашлялась.

— Что вы наделали? Мне нельзя пить, у меня непереносимость...

— Не выдумывайте! — красавчик склонился надо мной, его сердитое, но все равно прекрасное лицо было последним воспоминанием. Дальше все поглотил хмельной туман...

ГЛАВА 9. Инквизитор Тиффано

Демон дернул меня поддаться ее капризу и дать ей этот злосчастный бокал. Девицу мгновенно развезло. Сначала я думал, что она прикидывается, но нет. Я приподнял веко и взглянул: зрачки были расширены и плохо реагировали на свет. Я стал ее трясти, силясь привести в чувство, даже в отчаянии дал пару пощечин. Что мне делать с ее бесчувственным телом? Тот самый слуга, который принес бокал, возник рядом и, глумливо усмехаясь, спросил:

— Госпоже нехорошо?

— Да, переволновалась. — Я немного помедлил и спросил, — вы не поможете отвести ее в место потише? Подальше от ненужных взглядов.

— Понимаю, — ухмылка пронырливого слуги стала еще гадостней. — Бургомистр оставил пару комнат на втором этаже для гостей, гм... которые хотят уединиться. — Он понимающе мне подмигнул. — Мигом все устроим.

Меня передернуло от его тона и от того, что он себе подумал.

— Вы не видите? Она слишком много выпила, мне надо привести ее в чувство. — Мои оправдания звучали жалко.

Я подхватил девицу с одной стороны, а слуга с другой, и мы дотащили ее безжизненное тело до одной из гостевых комнат на втором этаже. Кто бы мог подумать, что эта тощая девица может быть такой тяжелой?

Свалив ее на кровать, я с ужасом обнаружил, что меховая накидка, прикрывающая срамоту девицы, куда-то запропастилась. Должно быть, потеряли по дороге. Слуга услужливо вызвался найти и вернуть. Девица в пьяном полусне перевернулась на бок, что-то пробормотала неразборчиво и захрапела. Демон! Я схватился за голову, что же мне с ней теперь делать? Оставить здесь? Невозможно! Она ведь рано или поздно придет в себя, начнет шататься по дому, натворит дел, а поскольку на прием ее привел я, то и отвечать за нее тоже мне придется. Как же быть?

Я схватил графин с водой, набрал в рот воды, развернул девицу и прыснул ей в лицо. Девица опять что-то пробормотала, попробовала отмахнуться от меня, потом свернулась клубком и захрапела дальше. Моему взору представился предательский вырез ее платья во всей красе. Вот дрянь! Я попытался повернуть ее, но ткань ее платья была настолько тонкой, а крой обтягивающим, словно вторая кожа, что подчеркивали ее упругую девичью грудь. Поэтому я просто натянул на нее покрывало с головой, чтобы не видеть. Но перед глазами все равно стоял откровенный вырез, демонстрирующий сквозь тонкую ткань кружева изящную спину и ямочку над... Демон! Я вцепился себе в волосы, отвернулся от девицы и сел на пол, прислонясь к спинке кровати. Спокойно! Я прикрыл глаза, успокаивая дыхание, погружаясь в спасительную пустоту медитации и молитвы. Мне просто надо дождаться, когда закончится прием. А судя по происшедшему, он закончится раньше положенного. А когда все гости разъедутся, я просто погружу ее в экипаж и доставлю домой. Пусть у ее брата болит голова за свою непутевую сестру. В дверь постучали, это вернулся слуга, который нашел накидку. Он казался несколько разочарованным, что не застал пикантной сцены соблазнения добродетельной девы.

Я горько усмехнулся. Можно только представить, что завтра мне выскажет его

святейшество, кардинал Ветре. И хотя формально Святая Инквизиция была автономной структурой, тем не менее, высокий церковный сановник имел право отдавать приказы инквизитору вроде меня. По слухам, кардинал Ветре был очень суров и праведен, имел большое влияние, а еще он не выносил женщин на дух. Мое назначение в этот город вообще могло бы не состояться, а произошло только потому, что на это место прочили инквизитора-женщину. Но кардинал Ветре был категорически против. После выходки этой мерзавки на приеме и ее открытого неуважения к его сану он, должно быть, уже жалеет, что согласился на мою кандидатуру.

Мне на плечо с кровати свесилась рука девицы. Вот же гадость! Я брезгливо убрал ее руку обратно под одеяло.

Дотащить девицу до экипажа оказалось чрезвычайно сложной задачей. Слуги не могли мне помочь, капитан Лунтико проводил дознание и опросы среди челяди, так что мне пришлось тащить девицу самому. Я перекинул ее руки себе через плечо и взвалил девицу на спину, словно куль с мукой. Хотя весила она все же значительно больше. Медленно покачиваясь под тяжестью ее тела, я шагал по двору к экипажу, проклиная все на свете. Ее голова покачивалась в такт моим шагам, и моя щека горела от прикосновения к ее щеке. Сквозь ткань моей мантии и ее платья, я отчетливо слышал мерное биение ее сердца. Извозчик услужливо помог мне открыть дверцу, и я запихнул девицу в экипаж. Я опрометчиво решил, что самое неприятное уже позади, но когда девица завалилась на меня на очередной выбоине на дороге, не сдержался. Просто отпихнул ее от себя, и она сползла на пол экипажа. Несколько минут я со злорадством наблюдал, как она ударяется головой на каждом повороте или кочке, но потом мне стало совестно. Я поднял ее, усадил обратно, стряхнул пыль и грязь с платья. Она опять завалилась мне на плечо. Я подумал немного и уложил ее голову себе на колени, придерживая на ухабах. Смотря на ее безмятежное лицо, я гадал, что же именно творится в ее безумной голове? Неужели она действительно видела мертвую девочку? Если да, то каково это жить с такими видениями? Повинуясь мимолетному желанию, я провел пальцем по ее полным чувственным губам. Как же ловко она меня провела! Ведь специально нарядилась самым ярким и вульгарным цветом, чтобы я обратил на это внимание и не удосужился повнимательней осмотреть ее наряд! Хитрая лиса! Лиса! Меня прошиб холодный пот, где ее клятая накидка? К счастью, накидка обнаружилась на полу. Я поднял ее и набросил девице на лицо — чай, не задохнется, а мне спокойней.

По приезду мне опять пришлось взваливать девицу на спину и тащить к дверям. На пороге меня встретил Антон, который возмущенно уставился на меня.

— Что вы сделали с моей сестрой? Что с ней?

— Ничего, она просто пьяна, — прокряхтел я со злостью.

— Как вы могли ее напоить? Ей же нельзя!

Мое терпение лопнуло. Я отпустил девицу, и она рухнула прямо на мостовую перед крыльцом собственного дома.

— Я ее напоил?!? Довольно с меня этой ненормальной! Вы знали, что она учудила на приеме? Как вы, ее брат, могли позволить ей пойти в таком виде на прием? Она же опозорила себя и меня заодно!

Антон бросился к сестре, попытался ее поднять, а я со злобным удовлетворением наблюдал за его потугами.

— Что, тяжело? — я в притворной заботе склонился к нему. — А каково было мне

тащить вашу сестричку с приема, а? Пфф... И передайте ей, когда очнется, что я более не желаю ее видеть, никогда. Наш договор расторгнут.

Я выпрямился, развернулся и уселся в экипаж, приказав трогать и не обращая внимания на его возмущенные вопли.

На следующее утро меня почтил визитом сам кардинал Ветре. Он был холоден и предельно вежлив в своих высказываниях по поводу морального облика инквизитора. Мне оставалось только стоять с поникшей головой и виноватым видом. Попытки оправдаться были тщетны, поэтому я даже не пытался. Заниматься поиском наглого вора, посмеявшегося ограбить поместье бургомистра, все также поручалось мне. Безусловно, совместно с громадским сыском во главе с капитаном Лунтико. В душе и разуме царил полный беспорядок, поэтому после выволочки я отправился к отцу Георгу. Мне были необходимы его поддержка и утешение. В самые сложные минуты моей жизни он был рядом, давая силу жить дальше, искать и находить веру.

В церкви отца Георга не было, поэтому я решил его подождать и опустился на скамью помолиться.

— Мальчик мой, Кысей! — я очнулся от невеселых размышлений и встал поприветствовать отца Георга.

— Как хорошо, что ты зашел! У нас такое случилось, я собирался за тобой послать! — отец Георг был крайне встревожен.

— Что произошло? — я почувствовал, как желудок сворачивается в тугую жгут.

— Пропала одна из наших воспитанниц, девочка-сирота. Вернее...

— Как пропала? Когда это произошло? — в горле мгновенно пересохло, голос стал хриплым и чужим.

— Она не совсем пропала. Ее увела женщина.

— Помчица Малко?

— Да нет же, — отец Георг недоуменно покачал головой. — В том-то и дело, что не она. Ее узнала лекарка, это была невольница госпожи Хризштайн!

— Как?.. — я не мог оправиться от удивления. — Она что-нибудь сказала или объяснила?

— Мне сказали послушники, что она приходила днем ранее. Искала девочку, похожую на ту, что была изображена на рисунке. Увидела Веру, так зовут нашу воспитанницу, обрадовалась, рассказывают, что она даже нарисовала ее портрет. А сегодня утром вот вернулась, поговорила с девочкой и увела ее.

— Но как вы могли ее отпустить? Зная о происходящем! Зачем? — я ничего не понимал. Зачем Лидии нужна эта девочка? Что она задумала? Ловить помчицу Малко на живую приманку? Или же...

— Я ничего об этом не знал, это случилось в мое отсутствие, — отец Георг виновато покачал головой и вздохнул. — Кысей, скажи мне, ты же не думаешь, что госпожа Хризштайн может быть заодно с колдуньей? Ведь девочке ничего не грозит, верно?

— Я не знаю, отец Георг, — я медленно покачал головой. — Но я все узнаю, уверяю вас. Я немедленно отправлюсь в дом госпожи Хризштайн и верну девочку, не беспокойтесь.

Я практически бегом выскочил из церкви и помчался к дому Лидии. Мысли смешались в голове.

Возле крыльца ее дома царила сумятица, натягивали вывеску, но не ту, что я видел ранее, а другую, мастерски сделанную, на который была изображена аппетитная выпечка и каллиграфическая надпись "Пекарня дедушки Иволги". Я оттолкнул с дороги прыщавого юношу, но дорогу мне преградил Антон.

— С чем пожаловали, господин инквизитор? — у него даже интонация была такая же язвительная, как у сестры.

— Прочь с дороги! — я смел его с дороги.

— Вчера вы заявили, что не желаете видеть мою сестру! Так она тоже не желает вас видеть! — крикнул мне вслед Антон.

Я взлетел по лестнице на второй этаж. Помня расположение комнат, я рывком распахивал одну дверь за другой, особенно не церемонясь. Наконец за очередной дверью моему взгляду представилась идиллическая картина. Лидия расчесывала и заплетала волосы темноволосой девочке лет двенадцати, сидя перед зеркалом и мило с ней воркуя. Я ворвался в комнату, девочка испуганно ойкнула и уронила ленточку для волос. Лидия холодно взглянула на меня:

— Что вам нужно, господин инквизитор? Воспитанные люди обычно просят о себе доложить, а не врываются без стука...

Я не удостоил ее ответом, подошел к девочке и спросил:

— Тебя ведь зовут Вера? Отец Георг очень волнуется из-за твоего отсутствия. Пошли со мной, я отведу тебя обратно...

Я попытался взять девчонку за руку, но та отскочила от меня, словно ужаленная, спряталась за спину Лидии и выкрикнула уже оттуда:

— Я не вернусь в приют!

— Но послушай...

Лидия встала, и я только сейчас заметил, что одета она в тонкое домашнее платье, через которое отчетливо просвечивает все, что обычно скрыто от посторонних взоров. Наверное, раньше я бы смутился, но события предыдущих дней и особенно прошлого вечера сделали меня устойчивей.

— Покиньте мой дом, господин инквизитор! Вы пугаете ребенка...

— Немедленно отпустите девочку, — процедил я сквозь зубы и двинулся к ребенку.

Лидия расхохоталась:

— А я никого здесь не держу, милостивый господин. Я представляю, как вы потащите упирающуюся и визжащую девчонку через весь город, на глазах изумленных горожан. Хотя впрочем вашей репутации это уже вряд ли может существенно навредить...

Она откровенно издевалась надо мной, и это стало последней каплей моего терпения. Я спокойно сказал девочке, чтобы оставалась здесь, потом схватил Лидию за ее льняную гриву и вытащил в коридор, прежде чем она успела моргнуть.

В коридоре я прижал ее к стенке и, глядя прямо в глаза, пригрозил:

— Даже не хочу знать, что за мерзость вы задумали устроить девочке, но не позволю этому свершиться. И прекратите паясничать! Вы отпустите девочку со мной.

— И не подумаю. Девчонка останется здесь... — Лидия скривилась, потому что копна ее роскошных светлых волос была все еще зажата в моей руке, и я с силой отвел ее голову назад.

— В таком случае я обвиню вас в препятствии дознанию и отправлю в застенки.

Она каким-то невообразимым образом извернулась, точно кошка, поднырнув мне под

руку, я получил очень болезненный тычок под ребра, дыхание перехватило, запястье ожгло страшной болью, и я разжал руку. Задыхаясь и тщетно хватая ртом воздух, я отступил к стене.

— Господин инквизитор, вам нехорошо? — притворно-участливо спросила Лидия, из комнаты выглянула девочка, с интересом смотря на происходящее.

Я наконец смог сделать вдох. На запястье красовался длинный кровоточащий порез. Я недоуменно поднял руку, не понимая, откуда кровь, ведь не было у нее ни кинжала, ни ножа. Ее откровенный наряд просто не скрыл бы подобную деталь. Но зато на ее рукаве предательски алели несколько пятнышек. Перстень! На перстне также была заметна кровь. Дрянь!

— Госпожа Хризшгайн, вы арестованы за нападение на сановника Святой Инквизиции. — Я угрожающе положил руку на эфес клинка. — Вы пойдете сами или мне придется применить силу?

Она все также насмешливо смотрела на меня. Ни капли раскаяния в ее взгляде. Довольно! Я и так был слишком милосерден и долго терпел ее выходки. Я подошел, взял ее за локоть, нисколько не церемонясь, и потащил вниз. Впрочем, она особенно и не сопротивлялась.

Мне наперерез кинулся испуганный Антон.

— Хриз, что случилось?

Я продемонстрировал свое кровоточащее запястье и объявил:

— Ваша сестра арестована за нападение на инквизитора. Это серьезное преступление, и наказание за него соответствующее.

На верхней ступеньке лестницы сидела и редела девочка, размазывая слезы по всему лицу. У меня на секунду дрогнуло сердце, когда ребенок плачет так горько, это не может не тронуть даже самого бессердечного человека.

Лидия успокаивающе взглянула на Антона, они обменялись взглядами, и как мне показалось, она ему что-то беззвучно шепнула. Я крепче сжал ее за плечо, остановился возле двери и громко объявил:

— Впрочем, я готов отказаться от обвинений. Если мне принесут извинения, а девочка вернется в приют целой и невредимой.

Лидия надменно вскинула голову и заявила:

— Ребенок останется здесь. И не волнуйтесь, со мной все будет в порядке.

Я покачал головой — ее упрямство просто поражало.

Я не стал тащить ее через весь город, поэтому остановил экипаж. Она презрительно молчала всю дорогу, что меня более чем устраивало.

Городская тюрьма располагалась в здании муниципалитета, рядом с отделением громадского сыска. Я сделал заявление дежурному про нападение, и упрямицу тут же заключили под стражу. Клетки для заключенных находились в сыром подвале, в котором даже в летнее время было промозгло и холодно. Когда Лидию посадили в одну из таких клеток, немногочисленные арестанты, дожидаящиеся решения громадского судьи, громко заулюлюкали и засвистели при ее появлении. Ее внешний вид был более чем откровенным, но она даже не подумала покраснеть или смутиться, прошествовав в клетку с гордо поднятой головой. Я подошел к прутьям клетки и в последний раз дал ей возможность избежать

позора:

— Вы знаете, какое наказание грозит за нападение на представителя Святой Инквизиции?

— Догадываюсь, — она спокойно уселась на солому, поджав ноги и обвив колени руками.

— Сто ударов плетью публично, — на всякий случай сообщил я. — Вы продолжаете упорствовать?

Она насмешливо взглянула на меня, потом прикрыла глаза, показывая, что разговор окончен. Проклятье! Пусть! Задумала ли она использовать девочку, как приманку для колдуньи, или договориться с колдуньей, отдав ей ребенка, ничего у нее не получится, пока она здесь.

Я развернулся и направился к выходу. Уже в дверях она меня окликнула:

— Господин инквизитор! — я полуобернулся. — Вы ведь еще не получили ответа от епископа?

— Вас это не должно волновать.

— А меня и не волнует. Просто... Помните, пожалуйста. Когда вы откажетесь от обвинений и принесете мне свои извинения, то я... Я, возможно, буду готова вам помочь...

Что она вообще несет? Я горестно покачал головой, бросил прощальный взгляд на ее хрупкую фигурку в клетке и ушел.

Вернувшись в церковь, я как мог успокоил отца Георга.

— С девочкой ничего не случится. Я арестовал госпожу Хризштайн, так что она не сможет причинить ей вред.

Отец Георг участливо дотронулся до моей руки.

— Давай обработаем твою рану.

Я обосновался в кабинете отца Георга, который он мне временно уступил, решив поработать с материалами дознания и заодно взглянуть на записи по делу вора из поместья бургомистра. Улик по делу колдуньи более чем хватало для предъявления обвинений и обыска поместья. Когда же придет ответ епископа? В деле вора записи опросов челяди и стражников свидетельствовали про то, что едва ли на территорию поместья мог проникнуть посторонний. Гарлегские сторожевые тот час бы подняли тревогу. А они залаяли только тогда, когда разбилось стекло. И судя по всему, был использован воровской порошок. Но зачем окно? Я понимаю, сейфовый замок, но окно можно было просто выбить. Кроме того, воровской порошок — опасная вещь, особенно в неумелых руках. Значит, вор опытный, вхож в поместье, знаком с планировкой дома. Он сам изготовил воровской порошок или купил готовый? Надо будет подсказать капитану Лунтико опросить мелкую шушера на предмет, кто и когда покупал порошок или его ингредиенты. На секунду я вспомнил слова Лидии про ее сеть осведомителей из местных барыг и жуликов. Нет! Я тут же отмел эту мысль. Потом я задумался над запиской, оставленной вором. Серый Ангел? Забавный выбор клички. Нет, недосуг мне заниматься воришкой, пусть даже совершившим такое дерзкое ограбление.

Отец Георг осторожно постучал в дверь, он принес мне горячее молоко с медом и ломтем черного хлеба. Я и не заметил, как снаружи потемнело, и насколько я успел проголодаться. Но насладиться нехитрым угощением мне помешала невольница Лидии, которая ворвалась к нам, бросилась на колени и стала умолять помиловать ее госпожу.

— Встаньте, пожалуйста, — мне было неудобно перед несчастной женщиной за ее

сумасшедшую госпожу. — Я уже говорил, что откажусь от обвинений, пусть только вернет девочку в приют. Даже ее извинения мне не нужны.

— Милостивый господин, — она упорно валялась у меня в ногах. — Моя госпожа очень упряма. Как решит что-то, ее не остановить. Но ведь она не злая! Как можно ее так сурово наказывать, ведь публичная порка... Она же из благородных! Какой позор...

— Отведите девочку в приют сами. Вы же рисовали портрет колдуньи, знаете, что она губит детей. И вы пошли на поводу у своей хозяйки? Она ведь задумала недоброе, а вы ей помогаете...

Невольница удивленно вскинула на меня глаза.

— Да нет же! Как вы могли такое подумать! С колдуньей это совсем не связано.

Я устало покачал головой.

— Вы плохо знаете свою госпожу...

— Может быть. Зато я знаю, зачем ей девочка. С ее помощью она хочет вернуть разум жене портного, Изхази.

— Что-о? — я не поверил своим ушам. Что за глупая ложь?

— Да, я сама сначала понять не могла. Когда рисовала портрет его дочери, Евы, а потом, когда госпожа попросила ее вещи, я даже грешным делом подумала, что... Что она колдовать собралась, духов вызывать или что похуже. Но она приказала мне обойти приюты и найти девочку, похожую на Еву. А Верочка, девочка, что сейчас живет у нас, она очень на нее похожа. Госпожа приведет ее в дом портного, а его жена подумает, что их Евочка вернулась... Понимаете?

— Что за бред? Вы в своем уме? Это жестоко, жестоко по отношению к умалишенной матери, потерявшей дочь, а каково будет девочке? Что она будет чувствовать, притворяясь чужой дочерью?

— Девочка обретет семью! Вы знаете, как тяжело быть сиротой? А тут такой шанс. И пусть, пусть сначала ее будут любить за то, что она похожа на их умершую дочь, но потом, кто знает... Госпожа дает шанс этой девочке обрести любящую семью. А даже если ничего не выйдет... Это ведь все равно лучше, чем ничего, верно?

Я ошеломленно покачал головой.

— Уходите! Довольно вашего бреда. Вы словно заразились безумием от своей госпожи...

Отец Георг ласково обнял за плечи невольницу и стал настойчиво выпроваживать ее.

— Господин инквизитор! Позвольте хотя бы навестить госпожу. Стража никого к ней не пускает, а она там в одном исподнем, и голодна небось...

— Хорошо, скажете стражникам, что я разрешил. Уходите!

Я устало сел за стол, аппетит пропал начисто. Подавленно жуя хлеб и запивая его остывшим молоком, я пытался разобраться в том, что было сказано. Только в безумную голову Лидии могла придти такая дикая мысль выдать другую девочку за дочь портного, чтобы... Чтобы что? Она всерьез думает, что таким образом сможет вернуть разум его жене?

— Мальчик мой, Кысей, я совсем забыл. Когда ты ушел за девочкой, приходил посыльный, принес ответ от епископа...

Я вскинулся.

— Отец Георг, ну что ж вы молчали! Давайте сюда!

Я сломал епископскую печать, распечатал письмо, пробежал глазами неровные строчки... Слова расплылись в бессмысленный рисунок, я не мог поверить своим глазам.

Невозможно! Я ошеломлено сел, уронив письмо на стол. Как же так?

— Что случилось? Ты побледнел...

Я поднял невидящий взгляд.

— Отказ! Мне отказано в проведении дознания...

Отец Георг казался удивленным не менее моего.

— Ты должно быть ошибся. Дай сюда. — Он прочитал письмо, беззвучно шевеля губами про себя. — Может быть, ты недостаточно представил важность дела? Ведь дети...

— Возможно, все как раз наоборот.

— Не понимаю тебя...

Я сжал руки в кулаки. Мысль о том, что Лидия может оказаться права, и колдунья заручилась поддержкой церковника высокого сана, была невыносима. Но как иначе объяснить отказ епископа? Причем не просто отказ, а категорический запрет на любые действия в отношении помчицы Малко. Я вскинулся в последней надежде.

— Отец Георг, письмо ведь доставил приходской гонец? Ведь оно не может быть подделкой?

— Ну что ты, конечно нет. Епископскую печать невозможно подделать. Да и посыльного я знаю лично.

Рухнула последняя надежда. Я сидел, уставившись невидящим взглядом в стол. Что же делать?

— Надо написать кардиналу Яжинскому. Он точно не оставит нас без помощи.

— И сколько времени это займет? Неделю, не меньше. А если за это время погибнет еще один ребенок? Как мне будет возможным дальше с этим жить?

Вспомнились последние слова Лидии, брошенные ею, когда я оставил ее в тюрьме. Мыслимо ли, что она может как-то помочь? Я осознал, что сказал это вслух. Отец Георг недоуменно уставился на меня.

— Ты о чем?

— Отец Георг, у меня нет другого выхода. Я должен... должен испробовать все способы. Я отпущу Лидию... госпожу Хризштайн и попрошу ее о помощи.

— Да помилуй Единый, мальчик мой, — вскричал отец Георг. — Как же она может тебе помочь?

— Не знаю, — я горько улыбнулся. — Но должен попытаться.

— Она нехороший человек, и она тобой просто манипулирует. Не доверяй ей слепо.

Уже возле двери я кивнул:

— Да, отец Георг. Ее можно обвинить во многих грехах, но только не в том, что она глупа. И знаете... — я помедлил, потом продолжил. — Она хитра, изворотлива, может все перевернуть с ног на голову, и тут же черное сделать белым, и наоборот. Но возможно, в такой ситуации она — именно тот союзник, который мне нужен.

Стражник не хотел отдавать мне заявление, и лишь прибегнув к угрозам, я забрал его. Отперев дверь клетки, я увидел, что Лидия сидит в той же позе, с закрытыми глазами. Я вошел в клетку и сказал просто:

— Я снял обвинения. Вы можете быть свободны.

Она лениво приоткрыла глаза и взглянула на меня снизу вверх:

— А мне здесь нравится.

Возле нее стояла нетронутая миска с едой, и лежало заботливо сложенное теплое

платье. Она ни к чему не притронулась. Удивительное упрямство.

— И я все еще жду ваших извинений.

Вместо того, чтобы в очередной раз вспылить, я просто уселся рядом с ней на солому, плечом к плечу, чем явно удивил ее. Мелочь, но все же приятно сбить с нее спесь. Даже сквозь ткань я чувствовал ледяной холод ее плеча и каменной стены. Она даже не подумала отодвинуться. Я запрокинул голову и прикрыл глаза. Усталость, накопившаяся за день, давала о себе знать. Мы молчали, и я гадал, сколько так придется сидеть. Холод начал пробирать и меня, поэтому я не выдержал первым и сказал обыденно, словно о погоде:

— Мне отказали в дознании.

Я ожидал язвительного комментария, что-нибудь вроде: "Я же вам говорила! Болван!", но Лидия лишь вздохнула и равнодушно произнесла:

— Я бы сказала, что сочувствую вам, но это будет неправдой, так что промолчу.

Она неожиданно взяла мою руку, ее пальцы были обжигающе ледяными. Первое желание было отдернуть руку и вычитать ее, но я сдержался, стиснув зубы.

— Какие у вас удивительно теплые руки! Даже просидев здесь...

— Для вас ведь отказ в дознании не стал новостью.

Она удивленно взглянула на меня:

— А с чего бы? Это было вполне ожидаемо.

— Если вы этого ожидали, то наверняка... — я запнулся и убрал свою руку из ее руки. — Наверняка придумали какую-нибудь хитрость. Вы же сказали, что можете помочь. Так вот, я прошу вас о помощи. — Последняя фраза далась мне тяжело.

— Вы еще не извинились...

Что ж, поздно уже отступать.

— Я прошу прощения... Кстати, а напомните мне, за что? За оцарапанное вами запястье? — я все же не удержался и съязвил.

— Например, за ваше недостойное поведение, за то, что ворвались ко мне домой, были грубы, испугали ребенка.

— Хорошо, я приношу извинения за свое недостойное поведение. Этого достаточно?

Она искоса взглянула на меня, покачала головой:

— Совсем не вижу искреннего раскаяния. Вот если бы вы встали на колени, было бы более убедительно...

Я стиснул зубы, но потом послушно сменил позу, встав перед ней на колени, склонив голову, спокойно повторил:

— Я прошу прощения за свое недостойное поведение...

В ее голосе отчетливо слышалось удивление:

— Какой вы покладистый сегодня. Довольно, вставайте.

Я медленно поднялся с колен, цепящий холод сковывал движения.

— Так вы можете мне помочь?

— Возможно, — она чуть помедлила, потом сказала, — подайте мне руку, помогите встать.

В очередной раз я содрогнулся холоду ее ладони, когда рывком поставил ее на ноги. Она оперлась об меня, я наклонился, поднял с пола приготовленное для нее платье, накинул ей на плечи. С ней под руку, мы прошествовали мимо стражников и вышли на улицу, в теплую летнюю ночь.

— Покажите письмо, — потребовала она, когда мы оказались за пределами

муниципалитета.

— Я... у меня его с собой нет.

— Болван! — в ее тоне не было привычной язвительности, скорее горечь, поэтому я даже не обиделся. Я действительно сглупил. — Куда вы его дели?

— Оставил в кабинете. В церкви.

Она задумалась.

— Надо все равно взглянуть, как сформулирован отказ. Пойдемте в церковь.

— Я остановлю экипаж.

— Нет, я хочу пройтись, размять ноги, после многочасового сидения это, знаете, просто необходимо... — укор в ее голосе был слишком очевиден. — И, кстати, кто может отменить решение епископа?

— Я думал об этом. Бездна вариант. Кардинал Яжинский может, но на все потребуется не меньше недели, а за это время может произойти непоправимое.

Лидия досадливо потерла переносицу, сморщила нос и чихнула.

— Будьте здоровы.

— Обязательно буду. Вашими-то стараниями... Ладно, скажите мне, вы лично получили письмо от гонца?

— Об этом я тоже думал. Письмо настоящее, подделать печать епископа...

— Да я не об этом, — она невежливо прервала мои объяснения. — Вы лично приняли письмо?

— Нет, его в мое отсутствие получил отец Георг. И отдал мне его только вечером. Забыл со всей этой суетой...

— Вот как, — она надолго задумалась. — Вы вскрыли и прочитали письмо при нем?

— Да, — я совершенно не понимал, к чему она ведет.

— Насколько вы уверены в отце Георге?

— Что еще за гнусность вы собираетесь сказать? Отец Георг — честнейший и добрейший человек, который был мне не просто наставником, он практически заменил мне родителей... — я оборвал себя, понимая, что сейчас опять скажу лишнее.

— Тогда я спрошу иначе, — Лидия злорадно усмехнулась. — На что ваш добрейший отец Георг готов пойти ради своего ученика и во имя спасения невинных детей от рук злобной колдуньи?

— Что вы имеете в виду?

Лидия не ответила мне и молчала всю оставшуюся дорогу.

Церковь была почти пуста, послушники разошлись, последний как раз убирал церковную утварь и гасил свечи. Но я знал, что отец Георг меня обязательно дождет. В кабинете Лидия хмуро кивнула старику и сразу взяла письмо. Внимательно прочитав его, она вскинула голову и объявила:

— Ну что ж, думаю, ваш вопрос, господин инквизитор, решаем. Временно конечно, но вы успеете довести дознание до конца.

Она отвернулась от нас, мы переглянулись с отцом Георгом. И тут я увидел, к своему ужасу, что она поднесла письмо к свече.

— Что вы делаете? — кинулся я к ней, но был остановлен властным жестом.

— Успокойтесь. — Она спокойно дождалась, пока письмо превратилось в пепел и вытряхнула его в камин. — Господин инквизитор, вы никогда не получали этого письма.

Лидия резким движением стянула с вешалки старую мантию отца Георга, связала ее концы и стала сметать в нее все со стола.

— Да что же вы творите? — тут уже не выдержал отец Георг. Я придержал его за рукав, полагая, что она все-таки даст внятное объяснение странному поведению

— Не волнуйтесь вы так, — она была удивительно спокойной. — Письмо от епископа принес гонец. Вы, отец Георг, его приняли, но забыли отдать господину инквизитору. А сегодня вечером, вы, господин инквизитор, вернулись со мной сюда, чтобы обсудить некоторые вопросы, и застали...

Она встала на стул, сдернула портьеры, разорвала их на лоскуты, связала из них веревку.

— Застали здесь вора, который грабил церковь. Бедный отец Георг...

Она заломила руку старику и связала его, несмотря на его слабое сопротивление. Я стоял, прикованный к месту, чувствуя себя, словно в кошмарном сне.

— Бедный отец Георг пытался помешать грабителю, но был обездвижен и связан. Вы, естественно, бросились ему на помощь и тоже пытались остановить вора, но...

Безумица остановилась напротив меня, словно примериваясь, потом вдруг неожиданно, без капли колебаний, заехала мне кулаком в нос, а потом еще ногой ударила со всей силы по коленке. Я согнулся в три погибели, из носа закапала темная кровь. Она за волосы отвела мою голову, рассматривая разбитое лицо:

— Нос, кажется, не сломала, а то жаль было бы портить такую смазливую мордашку... Так вот, вы пытались остановить вора, но, к сожалению, были избиты, а вору удалось сбежать. И надо же, какая жалость, вместе с нехитрым скарбом он прихватил и все бумаги со стола отца Георга, вместе с письмом епископа. Понимаете?

Я наконец смог унять кровь, лицо и колено жгло от боли.

— Вы хотите заставить нас лжесвидетельствовать?

Она не обратила на меня никакого внимания. Отец Георг грустно смотрел на меня и качал головой, он меня предупреждал, что ничего хорошего из этой затеи не выйдет. Лидия тем временем продолжала сгребать в импровизированный мешок все, что попадалось под руку и представляло хоть какую-нибудь ценность.

— Отцу Георгу даже не понадобится ничего объяснять, — она обчистила весь кабинет и удостоила нас ответом. — У него прихватит сердце, и вы не пустите к нему никого с расспросами. Сейчас вы отправитесь к капитану Лунтико, сделаете заявление. И завтра с утра напишите епископу новое письмо, в котором будете сожалеть, что не получили его ответа, и повторно попросите разрешения.

— У вас все равно ничего не выйдет. Без разрешения я не могу предъявить обвинения и провести обыск у колдуньи, а значит...

Лидия остановилась в задумчивости.

— Да будет у вас разрешение. Куда мне деть награбленное? Отец Георг, в церкви наверняка есть схрон? Куда можно будет временно это все поместить. А потом наш доблестный инквизитор найдет и вернет это, возможно, даже поймает вора... — она загадочно улыбнулась.

— Вы меня не слышите? — кровотечение из носа почти унялось, и я вырвал у нее из рук мешок. — Откуда вы возьмете разрешение?

— Не я, а вы, — поправила она меня строго. — Если в точности сделаете, как я вам скажу, у вас будет разрешение. От кардинала Ветре.

— У него нет таких полномочий...

Она меня резко оборвала.

— Дать разрешение на обыск есть. А обвинения можно предъявить, если застанете колдунью в действии, даже без разрешения высшего сановника. Церковные изложения, параграф 37. Ну почему вы такой бестолковый!

На следующее утро я нервно топтался в приемной кардинала. События прошлой ночи развивались настолько стремительно под чутким руководством этой безумной пройдохи, что мне оставалось только уповать на то, что она знает, что делает. Лидия еще вдобавок решила, что вором будет ни кто иной, как Серый Ангел. Даже по памяти скопировала записку и рисунок-подпись на ней. Мне пришлось выслушивать гадости от капитана Лунтико, который фальшиво сокрушался тому факту, что Святая Инквизиция не смогла задержать одного единственного воришку на месте преступления, получив по морде в моем лице. К счастью, отца Георга не стали допрашивать, он заперся у себя, сославшись больным. Показания давали я и Лидия, но в основном она. В деталях обрисовала страшную картину разгрома, которую мы застали, бедного связанного отца Георга, мое мужество, когда я дрался с вором, и все это, с охами, ахами, причитаниями и полуобмороками. Капитан очень быстро утомился от нее, и нас отпустили восвояси. Она решила переночевать в церкви, под предлогом ухода за бедным стариком, пережившим тяжелое потрясение, а на самом деле полночи инструктировала и натаскивала меня на предстоящий разговор. И теперь я нервничал более обычного, ведь если я напортачу, как она изволила выразиться, второго шанса не будет, и даже она! нет, ну подумайте, что за наглость! не сможет помочь.

Кардинал Ветре сидел за столом так ровно, словно проглотил палку.

— Господин кардинал, — я почтительно склонил перед ним голову.

— С чем пожаловали? — он был холоден более обычного.

— Вы поручили мне расследование по делу вора из поместья бургомистра. Вчера произошло новое ограбление, церковь...

— Я уже слышан о ваших подвигах! — это было сказано резко и осуждающе. — Почему вы не смогли задержать вора?

Я сглотнул. Ее инструкции были довольно четкими, но все же я колебался.

— Со мной была... эта бесстыжая девица Хризптайн. Я опасался за ее жизнь, у вора был кинжал, поэтому... — я склонил голову еще ниже, не поднимая глаз, боясь себя выдать. Из меня все-таки был никудышный лжец.

— Опять эта девка! — кардиналу изменило его привычное ледяное спокойствие.

— И, тем не менее, вчерашнее ограбление дало мне некоторые зацепки. — Я глубоко вздохнул, а потом вдруг неожиданно представил на своем месте Лидию, и как бы она вела себя. — Я прошу у вас разрешение на дознание, поскольку есть обоснованные подозрения, что в деле присутствует колдовство.

— Неужели? — кардинал задумался. — Почему вы так решили?

— Я полагаю, что для проникновения в поместье было использовано колдовство, стражникам отвели глаза. Кроме того...

Кардинал вскинулся.

— Вполне может быть! Но ведь выдать разрешение по делу о колдовстве может только епископат Святой Инквизиции?

— Дело в том, что письмо с полномочиями от епископа было вчера украдено.

Возможно даже, что именно оно было целью вора. Я так и не смог его распечатать... А новый ответ от епископа придет нескоро... Вы можете дать разрешение на обычный обыск. А большего мне не надо.

Я протянул ему приготовленные бумаги, которые требовали его подписи. По затылку стекла тонкая струйка пота, неприятно охладив шею.

— Кроме того, это хорошая возможность перехватить инициативу у громадского сыска.

Кардинал с сомнением взял протянутые документы. Если он начнет вчитываться, то непременно увидит имя помчицы, и тогда все пропало. Кардинал стал перелистывать бумаги. Я затаил дыхание, потом бросился в омут головой:

— Кардинал Ветре, эта навязчивая девица интересовалась помчицей Малко.

Кардинал едва заметно вздрогнул и оторвался от бумаг.

— Что она хотела?

— Она почему-то интересовалась земельным делами. Я так и не понял, что-то связанное с землей города, возле Академии.

— Зараза, — кардинал стиснул руки в кулаках.

— Прошу вас, подпишите скорей, чтобы я смог наконец избавиться от нее и от капитана Лунтико. Мне кажется, он симпатизирует ей и возможно... — я чувствовал себя премерзко, ложь громоздилась на ложь и ею погоняла.

— Я вас понял. — Кардинал решительно взял последнюю страницу и поставил размашистую подпись. — Действуйте. Надеюсь, когда я способствовал вашему назначению в этот город, я не ошибся. Не подведите меня. Чтобы даже духу этой девицы не было в наших делах.

Я склонил голову в прощальном благодарном поклоне, сдерживая вздох облегчения и чувствуя, как рубашка липнет к телу.

Не мешкая, я отправил гонца с документами в монастырь святого Тимофея, который располагался недалеко от города. Задействовать при обыске городских стражников у меня не было полномочий, поэтому придется обойтись силами братьев. Боевой орден братьев монастыря должен был выделить мне пятерку послушников, которые тут же отправятся в поместье помчицы Малко. У меня в распоряжении еще было время, зная неторопливость братьев и их магистра, поэтому я решил заехать домой, переодеться в официальную мантию, а потом еще заглянуть к отцу Георгу. Мне было совестно перед стариком из-за того, что втянул его в это дело.

Отец Георг был бледен и подавлен. Я склонился перед ним на колени:

— Простите меня, отец Георг. Из-за меня вам пришлось лгать и еще терпеть эту нахалку у себя в обители...

Он погладил меня по голове таким знакомым отеческим жестом, что у меня защипало в носу:

— Мальчик мой, я верю, что у тебя не было выхода. Молю тебя только об одном, защити детей.

— Я все для этого сделаю. Обещаю!

Нас прервали.

— Слава Единому, я вас нашел! — это был встревоженный и запыхавшийся Антон. — Прошу вас, поторопитесь!

— Что случилось? — я не понимал его тревоги, но мне вдруг тоже стало беспокойно.

— Лидия! Она помчалась в поместье колдуньи! Я боюсь, может произойти несчастье.

— Почему вдруг? Что произошло?

Антон без сил опустился на скамью.

— Помчица Малко приходила к нам в дом. Она не застала Лидию, оставила ей записку и ушла. А когда сестра вернулась, то... Мы обнаружили, что пропала Вера, девочка из приюта. И Хриз бросилась вдогонку. Остановите ее!

У меня перехватило дыхание. Я не мог допустить, чтобы с ними что-нибудь произошло.

— Я немедленно отправлюсь следом. Надеюсь, успею. Не волнуйтесь, Антон, с вашей сестрой все будет в порядке. — Я пытался скорее успокоить себя, чем его. Но Антон удивленно вскинул на меня глаза и сказал:

— С чего бы мне волноваться за сестру? Она может за себя постоять, я волнуюсь за то, что она может сцепиться с колдуньей и натворить бед!

ГЛАВА 10. Хризокола

Зрение медленно прояснялось. Тупая ноющая боль в виске и боль в связанных запястьях привели меня в чувство. Передо мной стояла помчица Малко, а в углу вместе с марой Катрин сидела, съезжившись, испуганная Вера. Последние события промелькнули в памяти, и я закусила губу от досады. Как можно было так сглупить? Прочитав записку, я сорвалась с места, даже не поразмыслив как следует. Разозлилась? Или испугалась за девчонку? Это все тлетворное влияния красавчика с его добродетельными проповедями! Убью, когда выберусь! Когда я скрутила дворецкого помчицы Малко и ворвалась в ее кабинет, застав ее с Верой, то кто-то, скрывавшийся за дверью, очевидно, ударил меня по голове и оглушил. Идиотка!

Помчица подошла ко мне с победным видом и взяла за подбородок, задрал мне голову.

— Я смотрю, ты уже очнулась.

Сознание разбилось на несколько неравных частей. В одной, самой значительной, нарастали гнев и злоба попеременно с наступающим безумием. Эта часть меня хотела крови, хотела навсегда стереть наглую ухмылку с лица колдуньи, разорвать ее мерзкую плоть на части... Посмела поднять на меня руку, нарушила мои планы, ненависть затопила рассудок... Я вспомнила стихи, посвященные мне атаманом:

Уже безумие крылом
Души накрыло половину,
И поит огненным вином
И манит в черную долину.
[* Ахматова]

Однако крошечная часть меня хладнокровно размышляла над сложившейся ситуацией. Помещение, где я очнулась, было без окон, освещенное лишь слабыми призрачными огоньками свечей — скорее всего, подвал. Я была крепко связана в запястьях, сведенные за спиной руки успели онеметь, однако ноги были свободны. Положение не самое плачевное, но все осложнялось присутствием девочки. Я резко запрокинула голову отработанным движением, шпилька-отмычка в волосах соскользнула назад, пойманная деревянными пальцами. Я презрительно расхохоталась.

Колдунья в замешательстве отступила.

— Смеешься?

— Отчего же нет? — я обнаружила во рту привкус крови. — Отчего же не посмеяться над таким жалким зрелищем?..

Я продолжала обдумывать свое положение и прикидывать варианты. Получил ли инквизитор разрешение на обыск или провалился? Если предположить благоприятный исход, а я не люблю предполагать наилучший вариант, то даже в таком случае, когда он будет здесь? Сколько времени я провела в бессознательном состоянии? Скорее всего, немного. Даже если предположить час-два, все равно не успеет. Шпилька в немеющих пальцах слушалась плохо, крепкая толстая веревка поддавалась слабо. Я неотвратимо понимала, что мне придется сделать. Чтобы совладать с колдуньей, мне надо было подчинить ее внутреннего демона и обратить против хозяйки. Это был риск, но ведь иного

выхода нет? Я приняла решение.

— Отчего же не посмеяться над таким жалким зрелищем как ты, мерзкая уродливая старуха! — я бросила слова словно пощечину в лицо колдуньи.

Та подскочила, вlepила мне затрещину, отчего пол-лица сразу онемело, а потом склонилась ко мне, заглянув в глаза.

— О нет, я не старуха, и никогда ею не стану. А ты такая юная и красивая, что дух захватывает... — в ее голодных глазах засверкало предвкушение. Она подошла к столику и взяла оттуда склянку с мутной жидкостью. — И скоро твоя красота станет моей...

Я взглянула на мару Катрин. Девочка словно пыталась мне что-то сказать, но разум туманился, я тщетно пыталась зацепить чужое ускользающее безумие. Ощущение гнили усилилось, я чувствовала нездоровые эмоции колдуньи.

— Оглянись, она сзади! — прохрипела я, из последних сил цепляясь за островок собственной рассудительности.

— Кто? — колдунья удивленно воззрилась на меня, на секунду остановившись.

— Ты! Твой истинный образ... Скоро его увидят все, верно? Потому что твое колдовство иссякает... — я уже сорвалась и летела в бездну. — Она стоит за тобой. Мерзкая злобная старуха, с обвисшей грудью, с лицом, словно печеное яблоко, беззубая, вонючая, грязные сальные космы... Боже единый, как же от тебя воняет! Немытым старческим телом, отвратительная вонь!

Колдунья отшатнулась. Ее страхи, то, чего она боялась и из-за чего переступила в свое время черту, были страхами старости и немощи. И теперь я их вытягивала, вытаскивала на свет божий ее внутреннего демона. Я переступала черту сознательно, ведь чтобы вытащить демона, мне надо было сойти с ума вместе с колдуньей...

Ненависть затопила мой рассудок. Ненависть к самой себе, какая же я злобная бессердечная тварь! Я не могу любить, моя душа пуста и бесполезна, я не могу дать жизнь, я могу ее только отнять... И пусть! Ненавижу эту женщину напротив, она слишком богата, красива, у нее все есть! Пусть корчится в мучительной агонии, сдохни, тварь! А эта вредная девчонка, что забилась в угол и глотает слюны! У нее вся жизнь впереди, в то время, как меня впереди ничего хорошего не ждет! Изуродовать ее смазливое личико, пусть живет дальше, презираемая всеми, пусть в нее тычат пальцами, почему только мне должно быть больно!

Демон колдуньи в облике отвратительной старухи выступил из небытия, привлеченный моей болью и ненавистью. Сквозь кровавую пелену злобы я видела старуху, и теперь ее заметила и сама колдунья. Она отшатнулась, прижимая к груди склянку, страшно закричала.

Я уже летела в бездну. Там, за чертой, появляется странное чувство, словно сорвался в пропасть, ощущение полной абсолютной свободы с таким же полным отсутствием всех остальных чувств. Пропадают желания и устремления, все кажется таким мелким и незначительным, и только власть, абсолютная власть над демоном. Я натравила его на колдунью коротким мысленным приказом. Малая часть меня, что сжалась в комочек, из последних сил удерживаясь на краю бездны, начала монотонно бормотать все известные мне молитвы. На самом деле можно читать что угодно, просто молитв я знала невероятное количество, благодаря проведенным годам в монастырских подвалах. Колдунья теперь уже визжала от ужаса, а старуха наступала на нее, тянула к ней морщинистые изможденные руки. Едва дотронувшись до рук колдуньи, она тут же превратила их в собственное подобие. Этого я не учла. Демон будет нападать на хозяина, атакуя только той силой, что владеет. И у демона-старухи эта сила была в мгновенном старении. Оно не убьет колдунью, а только

состарит и еще больше разозлит.

Я изо всех сил пыталась выбраться, но бездна затягивала. Водоворот черного равнодушия вытягивал из меня последние силы, и тогда я уцепилась за последнее, что могла. В моей жизни было не так много светлых добрых моментов, да собственно говоря, их вовсе не было. Короткое, бережно спрятанное воспоминание первого поцелуя.

Я давно заглядывалась на этого послушника. Ион был божественно красив, светловолосый и голубоглазый, с добрым лицом. Я прокралась за ним в сад и стала подглядывать, как он карабкается на вишню, чтобы сорвать пару ягод на ужин. Взобравшись и усевшись на развилке дерева, он стал срывать вишни, собирая их в подол рясы. Я неловко сдвинулась с места, и под моей ногой хрустнула ветка. Закусив губу с досады, приготовилась на низком старте дать деру. Он разглядел мою фигурку в кустах и приветливо махнул мне рукой, показывая на место рядом с собой. Немного поколебавшись, я подошла и приняла его руку, протянутую помочь залезть. Ладонь была теплой, измазанной вишневым соком, а оттого слегка липкой. Сердце билось так гулко, что в ушах стоял звон, а желудок казался вообще где-то внизу.

— Угощайся, — он с ослепительно доброй улыбкой протянул мне пригоршню ягод.

Я несмело взяла одну ягодку, раскусила ее. Терпкий кисло-сладкий вкус свел скулы. Я закашлялась. Он похлопал меня легонько по спине, участливо заглянул в глаза.

— Все нормально?

Его лицо оказалось так близко, что я оцепенела на мгновение, а в следующий удар сердца, удивляясь собственной отчаянной смелости, поцеловала его в губы. Я до сих пор помню вкус ягод на его теплых губах и до сих пор не могу есть вишню. Потому что мучительно больно. Моя первая любовь...

Демон отчаянно взвыл, понимая, что его новая хозяйка бросает его одного в бездне, отступил от колдуньи и двинулся ко мне. Помчица дрожащими старческими руками сорвала пробку со склянки и занесла ее над головой для броска. Если она полетит в меня или в девчонку, мы растворимся, превратимся в грибную сукровицу, прорастем сотнями спор, чтобы дать силу колдунье? Или же меня раньше состарит демон?.. Мои губы продолжали монотонно шептать молитву, страха не было, только холодная отстраненность. Я словно видела занесенную над собой смерть и разглядывала ее как равнодушный зритель, не в силах скинуть оцепенение...

ГЛАВА 11. Инквизитор Тиффано

Время замедлилось, словно муха, увязнувшая в липком меду. Я слышал детский визг из-за тяжелой дубовой двери с кованым замком. Резким ударом наотмашь я срубил засов и влетел в комнату. Призрачное марево ужасной старухи, тянущей руки к связанной Лидии, совершенно безумного вида помчица, заносящая руку с колбой над ее головой и ничтожная доля мгновения на то, чтобы принять правильное решение. Взмах клинка выбил склянку из рук колдуньи, и та полетела в каменную стену, разбившись об нее с негромким звоном. Буро-красное пятно расплылось по камню отвратительными разводами. Следующий удар тыльной стороной эфеса пришелся по затылку колдуньи, после чего та грузно осела на пол. Держа клинок наизготове, я был готов принять удар демона, но мерзкая старуха внезапно рассеялась, словно дым. Время дрогнуло и потекло с прежней скоростью.

Зареванная девчонка на коленках подползла к Лидии и стала тормозить ее. Я склонился и заглянул в глаза девицы. Они были пусты, совершенно пусты и безжизненны, но ее губы двигались. Она что-то монотонно бормотала. Я склонился к ней еще ниже, прислушался и с удивлением понял, что она бормочет молитву. Самое странное, что это была молитва изгнания демона, из старых канонических, давно неиспользуемых ни в проповедях, ни в службах. Знали ее только церковные историки да некоторые инквизиторы. Я дотронулся до плеча Лидии, стал ее тормозить. Злость на нее разом испарилась, осталась только тревога. У нее была разбита губа, щека алела, на виске запеклась кровь. Я коснулся уголка ее губ, чтобы вытереть кровь. Что-то дрогнуло в ее тусклых глазах, взгляд вдруг сфокусировался, и она совершенно отчетливо произнесла:

— Уберите от меня руки.

Я выдохнул с облегчением и кивнул. Обойдя ее и нащупав толстый веревочный узел, поднес к нему лезвие кинжала, но потом передумал. Подмога в лице послушников-братьев должна уже подоспеть, с минуты на минуту, но пока я здесь один. Пусть посидит здесь, надежно связанная, так спокойней. Я подошел к столу, на котором громоздились склянки и колбы, резким рывком сдернул с него скатерть, не потревожив ничего, и принялся разрывать ее на части, связывая веревки.

— Освободите меня. Немедленно! — Лидия повысила голос. — Что вы делаете?

Крепко связав колдунью, я взял за руку зареванную девчушку и потащил к выходу.

— Вы об этом пожалеете, господин инквизитор! — ее голос был подобен скрежету металла.

Я остановился, девчонка вырывалась и плакала, просила освободить госпожу. Поэтому я присел на корточки, чтобы быть вровень с ней ростом, и сказал, глядя в ей в глаза:

— Давай сначала выберемся наружу, подальше от злобной колдуньи? А потом я вернусь за твоей госпожой, обещаю. Пошли.

Даже не удостоив Лидию прощальным взглядом, я покинул подвал. Оглушенный дворецкий, что не пускал меня в дом, лежал там же, где я его оставил. Во дворе уже слышались голоса, так что я поторопился. Вместе с послушниками топтался растерянный отец Георг и бледный Антон.

— Что случилось, Кысей? Все нормально? — старик бросился ко мне.

— Я же просил вас не покидать обитель, — я устало покачал головой. — Позаботьтесь о

девочке.

Вера бросилась к отцу Георгу и забила ему за спину. Антон подступил ко мне:

— Где моя сестра? Она ничего не натворила?

Я уже устал удивляться этому семейству.

— С вашей сестрой все порядке. Она...

— Тогда где она? И где колдунья?

Старший в пятерке из братьев-послушников почтительно склонился передо мной.

— Ждем ваших распоряжений, господин инквизитор.

— Обыщите поместье. Разрешение на обыск подписано кардиналом Ветре. В подвале находится хозяйка поместья, помчица Малко, которая подозревается в колдовстве. Она силой привезла и удерживала здесь ребенка, девочку из сиротского приюта. А также она обманом заманила сюда девицу Хризштайн и пленила ее. К счастью, я вовремя успел и предотвратил... колдовской ритуал.

Я проследовал в дом. Отец Георг не внял моим просьбам остаться в стороне и пошел вместе со мной. Пусть будет лишний свидетель. Я не сомневался, что найду в доме доказательства колдовства помчицы.

— Господин инквизитор! — меня окликнул один из братьев, когда я попытался открыть дверь в кабинет колдуньи. — В подвале пусто!

— Что? — я сорвался с места и кубарем скатился по узкой лестнице. Моему взору открылась совершенно пустая подвальная комната, стул, к которому была привязана Лидия, теперь валялся на полу, разломанный пополам. Ни Лидии, ни колдуньи в подвале не было. На стене пятно из багрового превратилось в зеленое, тускло святающееся в темноте.

— Обыщите весь дом! Будьте предельно осторожны, колдунья была связана. Возможно, у нее есть сообщник, который ее освободил. Они могут быть опасны.

Я корил себя последними словами. Это я оставил Лидию в опасности, и если теперь с ней что-нибудь случится, никогда себе этого не прощу! На верхних этажах раздался шум. На краю лестницы стояла помчица Малко, приставив кинжал к горлу Лидии, рядом с ней с обнаженным клинком стоял крепкий раб-охранник. Его пустые глаза ничего не выражали, он был готов убить ради хозяйки. К моему удивлению, Лидия не выглядела испуганной. Она лишь насмешливо кривилась, словно играла в какой-то дешевой пьесе.

— Госпожа Малко, отпустите Лидию.

— По какому праву вы ворвались ко мне домой? Немедленно покиньте мое поместье!

— У нас есть разрешение на обыск. Сложите оружие.

— Посмотрите на ее руки, господин инквизитор! — Лидия уже откровенно веселилась. — Это же руки старухи...

Колдунья крепче прижала лезвие кинжала к горлу своей жертвы, но ее руки действительно выглядели странно и дрожали.

— Мне надоело... — просипела Лидия.

Я с ужасом понял, что она сейчас натворит глупостей.

— Убей ее, — четко и громко скомандовала Лидия. Раб-охранник словно очнулся ото сна и быстрым взмахом клинка чиркнул по спине помчицы. Запоздалые удивление и ужас погасли в глазах помчицы.

Лидия перехватила истекающую кровью колдунью за копну волос, небрежным жестом отмахнулась от раба, который словно окаменел после страшного действия, и спустилась по

лестнице, волоча за собой колдунью.

Подойдя ко мне, она с вызовом швырнула мне под ноги окровавленную колдунью.

— Господин инквизитор, вы кажется что-то забыли. Или кого-то.

Она развернулась и направилась к выходу, но дорогу ей преградил один из братьев. Остальные тут же скрутили охранника, впрочем, тот даже не сопротивлялся. Брат обнажил клинок и вопросительно взглянул на меня:

— Господин инквизитор?..

— Зачем? — я беспомощно склонился над колдуньей, она умирала, рана на спине была смертельной. — Зачем вы убили ее?

Лидия взвилась от бешенства.

— А я должна была позволить убить себя? Или может ждать, пока вы уговорите колдунью сдаться?

— Вы понимаете, что наделали? Она избежит обвинения и суда! Но не это главное. Что будет с родителями, чьих детей она погубила? Они так и не дождутся справедливого возмездия, а некоторые даже не узнают, что их детей уже нет в живых.

Я прикрыл глаза и стал читать отходную молитву. Даже нечисть заслуживает последнего отпущения. Лидия грубо отшвырнула меня от колдуньи.

— Как же вы мне противны, господин инквизитор! Хотите суда и забот на свою голову, я вам их устрою, не волнуйтесь. Пойдемте в кабинет помчицы, там наверняка есть зелья!

Она взбежала по лестнице и через минуту вернулась из кабинета с пузырьком, наполненным мутной жидкостью. Перевернула колдунью на спину и взмахом кинжала разорвала ткань платья на ней. Один из братьев бросился остановить ее, но я жестом остановил его и покачал головой.

— Что вы делаете?

Лидия ничего не ответила, сорвала пробку с пузырька и вылила все содержимое на спину колдуньи. Знакомый сладковатый запах грибной плесени разлился в воздухе. Братья выдохнули, как один, с шумным изумлением. Кожа колдуньи задымилась, и рана мгновенно затянулась. Еще через пару секунд на спине не осталось даже шрама. Ресницы колдуньи затрепетали, и она открыла глаза. Лидия бесцеремонно перехватила колдунью за шиворот и резким движением поставила на ноги, толкнув на меня.

— Держите свою драгоценность, господин инквизитор!

— Там много?..

Лидия помрачнела.

— Да, там много таких вот склянок. И каждая подписана. Дата и имя. Чья-то дочь. Или сын, — и бросила мне пустую склянку, на которой аккуратным почерком было выведено: "15 июля 948 года, Максим".

— Господин инквизитор, так что же это получается? Это колдовство? Помчица колдунья?

Я передал колдунью и склянку братьям.

— Обыщите кабинет. Все, что найдете, опишите самым тщательным образом...

— Вы же еще не нашли источник ее колдовства, а? — Лидия смотрела на меня с некоторым раздумьем и презрительной жалостью, словно на тяжело больного.

— Источник?.. — мой вопрос повис в воздухе. Лидия устало махнула рукой.

— Пойдемте, мне самой интересно взглянуть на это.

Связанную колдунью тащил один из братьев, так что мы с ним и с отцом Георгом

послушно последовали за Лидией. Она уверенно спустилась в подвал и проследовала в комнату, где еще недавно была пленницей.

Тусклый свет скрывал очертания комнаты, но она была явно пустой. Я недоумевал. Лидия остановилась посреди комнаты, задрал над головой светильник, принялась внимательно осматриваться.

— Так где же источник, а? — пробормотала она себе под нос, но я заметил, что Лидия смотрит в угол, словно там кто-то есть, и обращается к невидимому собеседнику. Неужели у нее опять виденья?

Она отставила светильник в сторону, схватилась руками за голову, закрывая уши.

— Вы ведь не слышите, да? — жалобно протянула она. — Как же мне надоел этот скрежет и вой!

Внезапно она распрямилась и уверенно подошла к настенному подсвечнику. Фитиль в нем уже почти догорал, воск оплыл и заляпал металл. Лидия потянула за крепление, и вдруг стена, казавшаяся сплошной каменной, отъехала в сторону, открывая нашему взору еще одну, более просторную комнату.

Жуткая вонь, запахи мочи и разложения, ударила в нос так, что тут же перехватило дыхание. Я шагнул в комнату вслед за Лидией и онемел от ужаса и гнева. Большая половина комнаты была перегорожена железной решеткой, за которой при нашем появлении раздался нестройный скулеж и плач. Порядка тридцати с лишним детей самых разных возрастов забились в самый дальний угол этого жуткого загона, глядя на нас с откровенным ужасом. Замызганные, несчастные, тощие как скелеты, они лезли друг другу на головы, лишь бы очутиться подальше от входящих. Самые маленькие тихонько плакали, словно слепые кутята, которых несут топить, они еще не понимают, какая страшная участь им уготована, но чувствуют беду.

Гнев затуманил голову. Я выхватил клинок и одним яростным ударом снес хлипкий замок на клетке. Широко распахнув дверь клетки, я выкрикнул:

— Вы свободны.

Никто из них не пошевелился, они словно окаменели. Резкий смех Лидии заставил всех вздрогнуть. Она откровенно веселилась, меня передернуло от отвращения.

— Вы всерьез думаете, что они бросятся вам на шею, спаситель вы наш?

Она прищурила глаза, ее взгляд стал еще более неприятным. Потом подошла к открытой настежь клетке и провела тыльной стороной кинжала по прутьям клетки, раздавая неприятный скрежет металла. Некоторые из ребятишек завyli от ужаса.

— Прекратите немедленно! Прекратите издеваться, в вас есть хоть капля милосердия? Отец Георг, позаботьтесь о детях.

Отец Георг с силой вцепился мне в рукав, не в силах пошевелиться. Лидия задумчиво склонила голову набок, она словно бы прислушивалась к чему-то, скрытому от нашего слуха. Потом покачала головой и спросила зло:

— Где монстр?

Дети продолжали скулить, затравленно глядя на нее. Она отвернулась от них, подошла к колдунье, вздернула ей подбородок:

— Говори, где оно?

— Вы все заплатите за этот произвол, — просипела колдунья. — Особенно ты, дрянь.

Лидия устремила взгляд куда-то в сторону. Потом вдруг резко развернулась и подошла к стене. Опять нездорово расхохоталась, стала шарить по каменной кладке руками. Ну почему

же она ведет себя хуже колдуньи, вызывая косые осуждающие взгляды братьев?

— Хватит. — Я подошел к ней и коснулся плеча. — Вам лучше покинуть поместье, вы не в себе от пережитого.

Лидия раздраженно скинула руку с плеча, нащупала выступ на стене и с торжествующим возгласом потянула его на себя. Стена опять ушла в сторону, открывая проход в следующую комнату. Желудок от дурного предчувствия скрутило в тугой узел. Лидия подняла над головой светильник, тусклое мерцание которого осветило комнату. На стене зашевелилась неясная тень, я шагнул ближе, чтобы рассмотреть... Даже Лидия в этот раз не смогла сдержать приглушенного ругательства. На стене висело странное существо. Оно открыло большие, полные тьмы глаза на маленьком детском личике и проскрежетало сухим металлическим шепотом:

— Дай есть... Я хочу есть...

И завывло. На низкой ноте, на пределе слышимости. Негнущимися ногами я сделал еще один шаг вперед. Это определенно было детское лицо, черты которого неуловимо напоминали мне кого-то. Но шеи не было, не было и всего остального. От головы тянулись белесые нити, которые крепились на стене. Словно паутина, эти нити охватывали все пространство и шевелились в странном причудливом и завораживающем узоры. Я опустил глаза, потому что меня замутило. На полу перед существом лежали обглоданные детские тела, покрытые липкой слизью. Предательская слабость в ногах заставила меня опереться об острейший клинок, дыхание участилось. Скромная утренняя трапеза вдруг возмущенно заворочалась в животе.

— Какой чудный грибочек... Мило... — протянула Лидия с сарказмом, хотя даже в ее голосе улавливалось отвращение.

— Дайте есть! — от вопля этого существа желудок переворачивался.

В углу комнаты валялась небрежно сложенная куча детских вещей, из которой сиротливо торчала деревянная игрушка в форме лебедя. Лидия подошла к ней и присела, с интересом разглядывая покрытые все той же слизью вещи. Одна из нитей вдруг резко метнулась к Лидии.

— Осторожно!

Но девица даже ухом не повела. Щупальце в бессильной ярости билось в паре сантиметров от Лидии. Дети в клетке теперь уже рыдали и вопили во весь голос. Я словно очнулся ото сна:

— Отец Георг, да выведите же отсюда детей!

Один из братьев стал насильно вытаскивать ребятишек, выталкивая из комнаты. Сообразив, наконец, что их освобождают, дети кинулись из клетки, словно перепуганные зайчата. Остались только самые маленькие и слабые, у которых не было сил самостоятельно передвигаться. Их выносили братья. Я же был не в силах пошевелиться и отвести взгляд от существа.

Девица больно ткнула мне локтем под ребра:

— Очнитесь, болван!

Она подошла к существу, не переступая невидимой границы, и крикнула:

— Как тебя зовут?

Детские глаза сверкнули яростно и жадно:

— Дай есть!

— Дам, но сначала скажи, как тебя зовут?

Существо, кажется, растерялось.

— Не помню... Я хочу есть, мне больно!

Лидия склонила голову на бок, потом оглянулась на связанную колдунью, не проронившую ни слова и лишь яростно сверлящую ее глазами.

— Тогда, может, я тебе напомню... Как звала тебя мама, Янкой или Анной?

Существо задумалось, потом кивнуло:

— Янка. Меня звали Янкой.

Я внезапно осознал, почему детское лицо мне кажется таким знакомым. Те же раскосые большие глаза, маленький носик. Янкой звали дочь помчицы Малко, и она была удивительно похожа на мать.

— Это твоя мать превратила тебя в такое? — Лидия подошла к колдунье и властно положила той руку на плечо. — Ты узнаешь свою мамочку?

Существо вдруг яростно заскрежетало зубами, в такт зашевелились щупальца.

— Да, это она меня здесь заперла! Мучила! А я просто хотела есть...

Детское личико вдруг сморщилось, и существо заплакало. Тоненьким жалобным голосом.

— Мне так больно... Пожалуйста, дайте покушать... Бооольно!

У меня сжалось сердце. Я вдруг понял, что это ребенок. Маленькая испуганная девочка, превращенная в монстра своей матерью. Которая никогда не повзрослеет. Никогда не сможет выйти отсюда и увидеть солнечный свет. У которой ничего не осталось. Никто не пришел и не спас ее от родной матери, которая сотворила с ней такое зло. Я сделал шаг вперед. Лидия резко обернулась и вовремя успела оттолкнуть меня. Щупальце извивалось в бессильной ярости прямо у меня перед лицом.

— Вы что творите? С ума сошли? — Лидия, кажется, сильно разозлилась. Ухмылка на лице колдуньи вывела меня из ступора. Я отступил. — Оно вас завлекает, чтобы сожрать!

— Это ребенок... Бедный и несчастный, брошенный всеми...

Лидия подскочила ко мне и вlepила болезненную пощечину.

— Хватит!

Отец Георг подошел ко мне и попытался увести из подвала:

— Кысей, пойдем отсюда, надо сообщить в Академию, пусть сюда пришлют душеведов. Они заберут... это существо...

Я вырвался.

— Я не могу... Вот так ее оставить...

Лидия недобро прищурилась и прошипела сквозь зубы:

— Ладно, господин инквизитор, я окажу вам последнюю услугу. Хотя вы... Впрочем, неважно... — она пожала плечами и выхватила мой кинжал. Я успел перехватить ее руку, занесенную в броске.

— Что вы собрались делать?

И получил сильнейший удар локтем в подреберье. Дух перехватило, я судорожно глотал воздух, а в следующее мгновение Лидия метнула кинжал в существо. Острие вошло точно в лоб с негромким треском. Щупальца яростно взвились и задрожали в последней мучительной агонии. Тьма в детских глазах померкла, изо рта потекла темная струйка крови. Желудок окончательно взбунтовался, я упал на колени, и меня вырвало на пол. Подвал огласил дикий вопль колдуньи, это не было отчаяньем матери, потерявшей дочь, а было рыком бешеного зверя, потерявшего добычу. Впрочем, Лидия вlepила очередную пощечину

колдунье:

— Заткнись, а то зубы повыбиваю! Новые уже не вырастут! — и помчица мгновенно умолкла.

Лидия подошла, бесцеремонно потыкала меня в бок носком и сказала:

— Какой же вы слюнтяй, господин инквизитор! Запомните, существо пыталось схватить меня, и вы были вынуждены метнуть в него кинжал, чтобы спасти несчастную девицу, поняли? Кинжал ваш. Так что вы герой. И кстати. Это последняя услуга, оказанная вам бесплатно. Счастливого оставаться.

Она развернулась уходить, но я ослабевшей рукой успел ухватить ее за подол платья.

— Вы убийца! Хладнокровно убили ребенка!

Она оглянулась, брезгливо выдернула платье из моей руки и очень ласково спросила:

— Ребенка? Где же тут ребенок, господин инквизитор? Да полноте вам, это уже даже не человек, а монстр, пожиравший других детей. Вон их трупы еще не успели убрать. Или вы всерьез думали, что можете ему помочь? Может, накормить хотели? Ну так шагнули бы вперед, чтобы бедная девочка насытилась вашей сладкой плотью...

Меня вырвало во второй раз, острой и пустой желчью, потому что в желудке уже ничего не осталось. Пусто было и на душе. Лидия ушла.

Отец Георг помог мне подняться. К моему удивлению, когда вернулись братья, он не дал мне что-либо пояснить. Его голос слегка дрожал:

— Господин инквизитор был вынужден убить это существо. Оно схватило девицу Хризшайн и пыталось удушить ее.

Я протестующее замотал головой, но он крепко сжал мое плечо.

— Необходимо послать гонца в Академию, пусть пришлют сюда душеведов. А еще сообщите в громадский сыск и кардиналу Ветре.

Я смутно помнил события той ночи и следующего утра. В кабинете колдуньи были обнаружены запасы зелья в количестве двухсот тридцати семи склянок. Я отупело заполнял документы, давал распоряжения о заключении под стражу помчицы, предъявлении ей обвинений в колдовстве и убийстве детей. Отец Георг занимался устройством в приют тех маленьких пленников, у которых не было сил убежать.

Под утро пожаловал кардинал Ветре, бледный от злости. Он пытался обвинить меня в злоупотреблении его доверием, но замолчал, наткнувшись на мой мрачный взгляд и каменные лица братьев. Я отправил колдунью не в громадскую тюрьму, а определил в монастырские застенки, в каменный мешок, под опеку братьев и магистра, приказав никого, абсолютно никого к ней не пускать. Мне было спокойней знать, что за ней будут присматривать те, кто видел ее чудовищные преступления. Останки существа, которые, за исключением головы, успели за ночь съежиться и почти превратиться в труху, были аккуратно собраны профессорами Академии. Я затребовал специалиста по грибам. Им оказался моложавого вида и благородного происхождения профессор Куцик. Он так восторженно разглядывал останки, что напомнил мне Лидию, и меня опять затошнило.

— Скажите, это существо... оно было больно? Это ведь человек, или нет?

— Определенно, это когда-то было человеком. Ребенком, но теперь это уже симбиозный организм. Структура нитей очень похожа на грибницу. Это такие своеобразные корни гриба. Ведь то, что мы видим над землей и собираем в пищу... Вам нехорошо? Да, так

вот, в пищу мы собираем плод гриба, а его корни раскинуты глубоко под землей, вытягивая из почвы или деревьев питательный вещества. Грибница уникальна, знаете ли. Она удивительно живуча, что позволяет грибу переживать самые неблагоприятные условия. И кстати... Я бы рекомендовал вам предать поместье огню. И пройти обеззараживание всем, кто был в контакте этим существом.

— Почему?

— Грибы очень плодовиты. Они выбрасывают споры в огромном количестве, и эти споры могут прорасти спустя несколько лет. А поскольку здесь еще определенно наблюдается колдовская природа этого странного симбиоза человека и гриба, то следует проявить осторожность. Хотя, пожалуй, я поторопился назвать это симбиозом. Скорей, случаем паразитарного заражения... Уникальный случай, совершенно восхитительно!

ГЛАВА 12. Хризостола

Мне не давали покоя некоторые странности в деле. Кроме того, было стойкое ощущение, что дело с грибной колдуньей так просто не закончится, сложности еще возникнут. Так что лучше было подстраховаться. Я отсыпалась почти целый день, выйдя к домашним лишь к ужину. Все были в сборе.

Мартен радостно похвастался, что от клиентов отбоя нет, и дела идут на лад.

— Всего за пару часов распродали всю утреннюю выпечку. И еще получили заказ на булочки и пирожные на вечер.

Я села за стол, уныло поковыряла омлет и отставила тарелку.

— Если предложить клиентам доставлять вечерние заказы на дом, мальчишкой-посыльным, то покупателей прибавится. К ужину многие захотят сладкого, но поленятся сходить за пару кварталов именно к нам, а не в ближайшую пекарню, — посоветовала я рассеянно.

— Думаете? — Мартен оживился. — Но ведь расходы на посыльного?..

— Доставка бесплатная. А посыльному хватит пары монет и возможности забирать оставшуюся еду. Кажется, соседский мальчишка, старший сын сапожника, вечно ходит голодный...

Мартен с воодушевлением принял идею. Вечно молчаливая Тень подхватила обсуждение, предложив доставлять выпечку в бумажных пакетах с эмблемой пекарни. Тут же на салфетке набросала эскиз. Ее отношение ко мне разительно поменялось после происшествия. Она признала во мне хозяйку и приняла на себя заботу о Верочке, которая была несколько бледна, что, впрочем, не мешало ей уплетать за обе щеки фирменные булочки с изюмом.

— Антон, достань мне вишни.

Мальчик недоуменно воззрился на меня.

— Ты же терпеть их не можешь?.. И где я тебе найду вишни в июле месяце?

— Достань. Закажи из-за моря. Или варенье вишневое. Нет, хочу свежую вишню.

Я крепко стиснула руки, пытаюсь понять, что чувствую, силясь вспомнить свою первую любовь. Помнила все, но ничего не ощущала. Только ледяное равнодушие. Меня начало знобить. Антон встревожено подошел ко мне и положил руки на плечи.

— Что с тобой? Приступ?..

Невольница тоже вскинулась.

— Что случилось, госпожа? Если я могу вам чем-нибудь помочь....

Я покачала головой.

— Нехорошие предчувствия.

— Но почему? Колдунья ведь поймана. И не может никому навредить. — Тень невольно придвинулась ближе к девочке, словно пытаюсь оградить ту от неизвестной угрозы.

— У колдуньи остались влиятельные покровители. И боюсь, они не будут сидеть сложа руки.

Я встала из-за стола.

— Не берите дурного в голову. Отправляйтесь отдыхать. Антон, пошли со мной в кабинет, надо обсудить дела.

— Во-первых, подкупи одного из громадских стражников, пусть сообщает нам о ходе дела колдуньи. У меня есть как минимум двое на примете. Один, маленький и лысоватый такой, у него карточный долг, так что деньги ему точно нужны. А второй, молоденький безусый и белобрысый, лицо простоватое, у него болеет кто-то из родных, то ли сестра, то ли мать. Тоже не откажется, только преподнести надо будет не так цинично.

Антон кивнул, запоминая.

— Потом скажешь мне их имена, чтоб я знала. Лучше заплати обоим сразу, пусть будет два источника. Мне нужно знать все, что предпримет инквизитор, но особенно...

Я прикрыла глаза, голодная тошнота подкатывала к горлу, но есть не стоило. Если приступ скоро, то пусть случится как можно быстрее. Докучливый вой мары Катрин исчез вместе с ней еще там, в поместье, но затылок все равно ныл.

— Особенно меня интересует судьба улик. Куда они поместят зелья и документы из кабинета колдуньи, и кто их будет охранять. Подозреваю, что на них найдется много желающих. Надо быть наготове и не упустить свой шанс. Второе. Надо будет найти старшую дочь помчицы, Анну Малко. И узнать у нее, как так получилось, что никто не озаботился судьбой младшей. Подозреваю, что здесь не все чисто. Иди. И не забудь про вишни!

Антон ушел, а я еще долго сидела в полутьме кабинета, не зажигая свеч.

Колдунье были официально предъявлены обвинения, и суд назначили на воскресенье. В город должен был прибыть епископ Талерион. Судьей назначили одного из ордена Пяти, священного закрытого ордена Инквизиции. Город гудел от шокирующих новостей. Господин инквизитор мгновенно стал героем, о нем судачили и перешептывались местные кумушки. К счастью, мое скромное участие в деле не слишком афишировалось, чему я была в принципе рада. Подкупленный стражник раздобыл для меня пузырек с надписью "13 июля 948 года, Катрин", который я вручила помчику Картуа. Это было все, что осталось от его дочери. Как и обещала, я нашла его дочь и получила свой гонорар. Утешать его лживыми обещаниями, что все пройдет, я не собиралась. Ничего не пройдет и не забудется. Семейству Картуа придется научиться жить с этим.

Также мне достали интересующие меня документы из опечатанного кабинета помчицы. В последующие дни я встретила с профессором Куциком из Академии, под предлогом того, что помогаю господину инквизитору с подготовкой обвинения. Полученные от него сведения заставили меня задуматься и дать Антону дополнительное задание. А встреча со старшей дочерью помчицы, которую вызвали на допрос из-за города, где она жила с мужем и тремя детьми, окончательно убедила меня в моих подозрениях. Мне понадобятся все козыри в этой игре, и я их непременно получу.

ГЛАВА 13. Инквизитор Тиффано

За два дня до суда в город прибыл епископ Талерион вместе с кардиналом Святой Инквизиции, монсеньором Яжинским. Епископ сразу же вызвал меня к себе в резиденцию. Он был плотным и высоким стариком, на лице которого присутствовал нездоровый подагрический румянец.

— Садитесь, Кысей. — Он обошел формальности и сразу же приступил к делу. — Почему вы нарушили мое распоряжение и не прекратили дознание?

Я изумленно уставился на него кристально честным взглядом, Лидия могла бы мной гордиться:

— Я не получал вашего распоряжения. К сожалению, ваше письмо было украдено, но я и подумать не мог, что там отказ...

— Как удачно все сложилось! — епископ грохнул кулаком по столу так, что чернильница опасно подскочила. — За каким демоном вы получили подпись у кардинала Ветре? Еще и обманув его при этом! Вы знаете, чем вам может грозить такое поведение? Минимум отстранением от обязанностей, а то и извержением из сана...

Я вскинул голову.

— Я не понимаю вас, ваша святость. Разрешение на обыск я получил целиком и полностью законно, никого не обманывая. Когда было украдено письмо вместе с остальным, заметьте, не очень ценным имуществом церкви, у меня возникли обоснованные сомнения. Поскольку я искренне верил, что в письме содержится приказ немедленно арестовать и предъявить обвинения колдунье, то это могло быть выгодно только ей. Именно поэтому я затребовал разрешение на обыск ее поместья. И мои подозрения полностью оправдались! Помчица Малко — колдунья, которая убила сотни детей. Еще в ее доме обнаружили документы, свидетельствующие о том, что она обеспечивала колдовским зельем некоторых вельмож, а с кардиналом Ветре у нее были деловые соглашения...

— Довольно! Вы представляете, что вы натворили? — епископ брызгал слюной от бешенства. — Молодой дурак!

— Если у вас есть сомнения, вы можете отстранить меня. — Я стиснул кулаки так, что ногти до крови впились в ладонь. — Но будьте уверены, я обжалую ваше распоряжение. Сегодня же напишу Папе. Не думаю, что ваше распоряжение о прекращении дознания в свете обнаружившихся фактов будет принято им благосклонно!

— Ты еще смеешь мне угрожать, паршивец?!?

Тихое деликатное покашливание из угла заставило епископа мгновенно умолкнуть. Из кресла поднялся кардинал-монсеньор Язвинский. Он был очень стар и сух, но властное лицо и очень умные проницательные глаза заставляли всех забыть о его годах. Он неторопливой, слегка шаркающей походкой подошел ко мне и положил руку на плечо таким знакомым, отеческим жестом, что я тут же растерялся. Его голос был обманчиво мягок и вкрадчив.

— Успокойся, Кысей. Распоряжение епископа о прекращении дознания вовсе не подразумевало то, что колдунья останется безнаказанной. Совсем напротив. По получению твоего письма епископ Талерион тут же сообщил все мне, и я направил его в город для проведения тайного дознания. Твоя ошибка, молодой человек, состояла в том, что ты позволил этому делу получить огласку. Вовлек в него Святую Церковь, громадские службы и

даже постороннюю девицу. И теперь, — кардинал устало прикрыл глаза, — по твоей милости, судебный процесс будет открытым, а не тайным. Все ужасающие подробности дела вылезут наружу, и это позволит нашим многочисленным недругам лишний раз упрекнуть Святую Инквизицию в пренебрежении своими обязанностями и пошатнуть наш авторитет. Сейчас крайне сложная политическая обстановка, и любая ошибка может стать роковой...

Я покачал головой с сомнением.

— Позвольте задавать вам всего лишь один вопрос, монсеньор.

Старик благосклонно кивнул.

— Нами было установлено, что существо в подвале было больно и требовало очень много... еды. В среднем, в день ему скармливали, — я судорожно сглотнул, — троих детей. Из бродяжек, которых отлавливали на улицах и в порту. Пока вы бы прибыли в город, провели дознание и арестовали колдунью, прошло бы дня два-три, как минимум. То есть за тайное дознание своими жизнями расплатились бы девять детей. Девять человеческих жизней! И я спрашиваю, вы смогли бы спокойно жить дальше, зная это? Потому что я — нет.

Кардинал грустно покачал головой.

— За все в этой жизни, Кысей, приходится чем-то расплачиваться. И поверь, если ты когда-нибудь доживешь до моих лет и станешь во главе Инквизиции, то сможешь принимать и более сложные решения...

Я ожидал любого ответа, но только не такого.

— Надеюсь, что это никогда не произойдет. — Меня опять затошнило, видение жуткого подвала стояло перед глазами. — С вашего разрешения.

Я развернулся, но был окликнут.

— Постой. Я тебя прошу, пока прошу, отозвать свое обвинение и позволить нам самим заняться колдуньей, без лишней огласки.

— Что?!? — я не поверил своим ушам. В памяти услужливо всплыли сердитые слова Лидии: "хотите суда и забот на свою голову, я вам их устрою!" — Если я откажусь от обвинений, колдунья окажется на свободе!

— Да, — кивнул головой кардинал. — Но недолго. Мы тут же предъявим ей обвинения по целому ряду пунктов и упрячем в самый закрытый монастырь, где она и проведет остаток лет. Справедливое возмездие не минует ее, уверяю вас. Зато репутация Святой Инквизиции будет спасена...

Я был взбешен.

— Справедливое возмездие? А как же возмездие для тех, кто потакал колдунье? Для ее сообщников? А родители, они, по-вашему, не заслужили справедливого возмездия для убийцы их детей? Я не собираюсь отказываться от обвинения!

— Тогда мне придется приказать тебе это, — грустно покачал головой кардинал.

— Тогда мне придется не подчиниться приказу!

— Неподчинение прямому распоряжению вышестоящего сановника...

— Я знаю, чем это грозит. Прошу вас оформить ваш приказ письменно. Чтобы у меня была возможность апелляции к Папе. До получения официального распоряжения я считаю, что ничего не слышал. Прощайте.

Я вылетел из епископской резиденции и прямиком отправился к отцу Георгу. Мне необходима была чья-то поддержка и мудрый совет.

— Мальчик мой, заходи! Ты совсем пропал последние дни... Тяжело приходится?

Пойдем, я тебя угощу чаем с вареньем. Еще есть вчерашние печенья, невольница Тень теперь приносит в детский приют и нам остатки, что не распродались...

Я без сил опустился на диванчик в кабинете отца Георга и прикрыл глаза.

— Ты совсем бледен. Устаешь сильно?

— Отец Георг, я запутался. Мне кажется, что все против меня. Я не понимаю, как такое возможно! Сам кардинал Яжинский приказал мне отказаться от обвинений колдуньи.

Громко звякнула чашка, поставленная неловко на стол. Священник смотрел на меня с горечью и недоумением.

— Вот оно как... — протянул он, доставая банку варенья с полки. Руки его плохо слушались. Я встал помочь. — И что же теперь, колдунья окажется на свободе?

— Нет. — Я аккуратно разложил варенье по креманкам и налил из чайника густой ароматный чай. — Я отказался подчиниться приказу.

— Но тогда тебя могут извергнуть из сана!..

— Пусть. Я сегодня же напишу письмо Папе, изложу все обстоятельства. Уверен, он обязательно вмешается.

— Но суд уже в воскресенье, — отец Георг задумчиво покрутил чашку с чаем. — Знаешь, ты бы посоветовался с девицей Хризштайн.

— Как вы можете, святой отец? Она хладнокровная убийца, расчетливая и бездушная. Не хочу иметь никаких дел с ней, даже слышать о ней не хочу.

— Ты послушай, что я тебе скажу, только не прерывай и не обижайся на старика, ладно? Она сделала то, что на самом деле должен был сделать ты, Кысей.

Я возмущенно вскинулся, но был остановлен успокаивающим жестом священника.

— Да, убить эту тварь должен был ты. И это не жестокость, а проявление милосердия. То существо умерло бы так или иначе, от голода, ведь никто бы не стал его кормить. Или бы случилось непоправимое, оно бы заманило и сожрало неосторожного стражника. Так что вместо мучительной голодной смерти ему был дарован быстрый и безболезненный конец. Лидия поступила правильно.

— Отец Георг, вы видели ее глаза? Ее как будто бы забавляло все происходящее, ни разу даже не вздрогнула. Сумасшедшая... убийца...

Отец Георг положил свою руку на мою, ободряющее сжал ее и мягко ответил:

— Мне кажется, она просто играет такую роль. Прячется за ней, понимаешь? Не будь к ней столь строг.

В субботу утром ко мне пожаловал назначенный Церковью защитник, отец Бульвайс, огненно-рыжий здоровяк, покрытый веснушками, с веселым и обманчиво добрым лицом.

— Рад с вами познакомиться, господин Тиффано! — он крепко пожал мне руку, улыбаясь во весь рот. — Хотел обсудить с вами некоторые моменты предстоящего суда.

Я предложил ему присесть.

— У меня для вас неприятные новости. Вы знаете, что сегодня ночью все материалы по делу помчицы Малко сгорели?

— Как?.. — я был поражен. — Это невозможно! Они ведь хранились в церковном схроне!

— Увы, — толстяк пожал плечами, притворно вздохнул. — Говорят, это поджог. На месте преступления даже найдено послание от этого... — он щелкнул пальцами в воздухе. — Как же его? Серого Ангела!

Я судорожно соображал. В схроне хранились все собранные улики, опечатанные колдовские зелья, деловые документы помчицы, в которых были опасные для некоторых вельмож свидетельства. Кажется, теперь им не придется опасаться, что их имена всплывут на суде.

— Меня интересует, как вы собираетесь поддерживать обвинение? — спросил отец Бульвайс с ехидной улыбкой.

— Даже без собранных материалов, доказательств против колдуньи более чем достаточно, не находите?

— Нет, не нахожу. В деле есть ваши слова и только.

— Вы ошибаетесь. Как минимум пять братьев-послушников могут подтвердить то, что колдунья захватила и силой удерживала детей у себя в подвале. Я не говорю уже про отца Георга, который также стал свидетелем, и собственно пострадавшую от рук колдуньи девушку Хризштайн.

Улыбка здоровяка стала еще шире.

— Помчица заявляет, что дети вовсе не были пленниками, она просто дала им приют в своем доме.

— Просто приют? В подвале, в загоне, словно скот? — я сорвался на крик.

— Тише, тише. Послушники заявили, что ничего колдовского они не видели, кроме странного поведения девушки Хризштайн, которую вы изволили упомянуть.

— А как же быть с младшей дочерью помчицы? Ее изуродованное колдовством тело тоже ничего не значит?

— Помчица заявила, что ее дочь была больна. И госпожа Малко самоотверженно ухаживала за ней...

— Профессор Куцик засвидетельствовал, что это колдовство!..

— Профессор Куцик буквально вчера отказался от своих слов. Он утверждает, что ошибся. Что ж, с каждым может произойти.

— Ах так. А как быть с зельями, обнаруженными в кабинете помчицы? В их колдовской природе профессор Куцик тоже ошибся?

— А не было никакого зелья, никаких склянок... А если и было что-то, то, увы, сгорело... — рыжий мерзавец развел руками и поднялся. — У вас не осталось ни улики, ни свидетелей. Да, кстати, если притащите в суд эту ненормальную девушку Хризштайн, то позволю себе напомнить, что ее выходка на приеме у бургомистра до сих пор на слуху. Поэтому ее слова будут непременно поставлены под сомнения в виду ее психического нездоровья... До встречи в суде.

Я сидел с бессильно сжатыми кулаками минут пять. Потом сорвался и поехал к помчику Картуа. Он отказался со мной говорить и заявил, чтобы я на его показания не рассчитывал.

— Где была ваша проклятая Инквизиция, когда мою дочь погубила колдунья? — он с ненавистью смотрел на меня. — А теперь ваши церковники еще смеют мне угрожать. Ничего! Я жизнь положу, но доберусь до колдуньи. Мне не нужен ваш суд. Убирайтесь!

Я осознавал, что бесполезно встречаться с профессором Куциком. Ему должно быть тоже пригрозили. Пожар явно был устроен намеренно, и вовсе не Серым Ангелом. Я понимал, что в суде у меня будут только косвенные доказательства и мои слова. Против слов всех остальных. Ну может еще отец Георг будет свидетельствовать. Я оказался загнанным в угол, прекрасно понимая, что завтра колдунья выйдет на свободу. И сам не заметил, как ноги

принесли меня к дому Лидии. На улице стоял одуряющий запах сдобной выпечки. Демон, что же делать? Есть ли хоть малейший шанс, что она может что-нибудь придумать? В любом случае, я должен попытаться и сделать все возможное.

Мартен радостно поприветствовал меня и предложил перекусить. Я вежливо отказался и поднялся к Лидии, застав ее в кабинете. Она сидела за столом и разбиралась со счетами.

— О, надо же! Ко мне пожаловал сам господин инквизитор, — протянула она насмешливо, заметив меня, но от своего занятия не оторвалась. — Да вы теперь местный герой, знаете?

Я смотрел на ее склоненную белокурую голову и размышлял. Бесполезно тратить время на хождения вокруг да около, поэтому я сразу сказал:

— Я пришел, чтобы просить вашей помощи.

— О как! — Лидия оторвалась от счетов. — Присаживайтесь. Что же на сей раз у вас приключилось?

Я было открыл рот пояснить, но она меня опередила.

— Но я, кажется, и так знаю. Так удобно случившийся пожар, который уничтожил все доказательства, свидетели, которые вдруг отказались от своих слов. Как банально и знакомо... Ваша драгоценная Церковь верна своим методам.

Я стиснул зубы. Откуда она знает?

— Вы можете мне помочь или нет?

— Возможно. — Лидия встала и обошла меня. Я попытался встать со стула, но она положила руки мне на плечи и склонилась, касаясь своей щекой моего лица. Ее голос стал вкрадчивым. — Но вы ведь помните, господин инквизитор, что я больше не занимаюсь благотворительностью. А мои услуги дорого стоят.

— Сколько? — хрипло спросил я, стараясь отстраниться от нее.

— Пятьсот золотых, — шепнула она мне на ухо. От ее волос, щекотавших мне шею, пахло легким цветочным ароматом.

— Вы с ума сошли? — я дернул плечами и скинул ее руки. — Прекрасно же знаете, что у меня нет таких денег!

— Ну что ж поделать... — Лидия поскущнела и села на место. — У вас еще что-то? А то у меня дел невпроворот.

— Как вы можете?.. — я бессильно покачал головой, что толку пытаться достучаться до ее совести. — Мне казалось, что вы были искренни, когда говорили, что ненавидите колдунов и готовы на все, чтобы их уничтожить. А теперь... — я поднялся.

— Господин инквизитор, позвольте вам кое-что объяснить. Я действительно ненавижу колдунов и сделаю все, чтобы их уничтожить. Только вот незадача: для того, чтобы уничтожить колдунью, мне совсем не нужен ваш суд, мне будет достаточно ее физического устранения. Понимаете? Вроде как цель у нас с вами одна, но вот средства ее достижения — разные.

Я обернулся и ответил зло:

— И что же вы сделаете? Убьете ее, как убили бедную Янку?

— Зачем же? Помчик Картуа уже просил меня посодействовать ему и нанять надежного человека из Гильдии убийц. — Ее спокойствие и невозмутимость выводили меня из себя.

— Что ж, верю, что вы способны и на такое. Прощайте.

Уже возле двери она меня окликнула.

— Пойдите. Возможно, я смогу вам помочь взамен на ответную услугу.

— Какую? Что вы хотите?

Лидия подошла ко мне и загородила собой дверь.

— Не что, а кого, — поправила она меня. — Я хочу вас, господин инквизитор. И не надо кривиться, словно муху проглотили!

— Да прекратите уже! — я отстранил ее руку от своего лица. — Ладно, у вас нет совести, но хоть гордость должна же быть? Вы мне отвратительны.

Она обиженно надулась и протянула:

— Гордость — это роскошь по нынешним временам. Не заработала я еще на гордость. Всего одну ночь, а, господин инквизитор?

Я попытался отодвинуть ее в сторону, но она вцепилась в меня, словно кошка. Я беспомощно барахтался в ее объятиях, дико хотелось влить ей пощечину.

— Отстаньте от меня!

Она вдруг отпустила меня и язвительно спросила:

— То есть я вам настолько противна, что вы не можете себя перебороть, пожертвовать своей честью ради дела? По-моему, это называется грехом гордыни. Ну как знаете... Ладно, так и быть, сделаю вам скидку. До поцелуя. Всего лишь один ваш поцелуй в обмен на мою бесценную помощь. Очень выгодное предложение, не находите?

— Идите к демону! — я дернул дверь и бросил напоследок. — Представьте, что в том подвале оказался бы тот, кто вам дорог, ваш брат, например. Чтобы вы тогда почувствовали, зная, что колдунья выйдет на свободу? Подумайте о тех, кто потерял из-за нее своих детей!

Лицо Лидии застыло на секунду, а потом она бросила мне уже вдогонку:

— А мне не надо представлять! Антон и я были... — она запнулась. — Мы были...

Я слетел по лестнице, но последние слова Лидии не давали мне покоя и все крутились в голове. На первом этаже, в пекарне я столкнулся с Антоном, который спорил о чем-то с невольницей. Я на секунду замешкался, потом окликнул его.

— Антон, скажите... Вы были... пленником колдуна?.. — Мой вопрос повис в воздухе, лицо парня окаменело, глаза помертвели. Ответ был очевиден. Тень недоуменно переводила взгляд с меня на Антона.

— С чего вы взяли? — через силу выдавил парень, его плечи напряглись.

— Ваша сестра упомянула, что вы с ней были в плену у колдуна. Простите, что заставил вас вспомнить. — Мне действительно было совестно, лицо Антона было бледнее муки.

Тень всплеснула руками и усадила меня выпить чаю. Парень опустил на стул, его взгляд был пустым.

— Я не понимаю, если вы и Лидия пережили подобный ужас, то как ваша сестра может оставаться в стороне? Отказаться помочь... Простите.

Антон крепко сжал руки в кулаках:

— Моя сестра... Вы ничего о ней не знаете, а смеее ее судить. И нам... нам тогда никто не пришел на помощь... Почему же она должна?..

Тень принесла чай и печенье, заговорила о погоде в попытке разрядить обстановку.

— Так расскажите об этом. Чтобы я знал и понимал, почему Лидия отказывается помочь осудить колдунью.

— А вы рискните и спросите ее саму! — запальчиво ответил Антон. — Если смелости хватит.

— А разве я отказалась вам помочь, господин инквизитор? — насмешливый, чуть хриплый голос Лидии заставил всех вздрогнуть. — Расскажите лучше, почему вы не

согласны принять мою помощь?

Издевка в ее словах была слишком явной. Она неспешно спускалась по лестнице. Я вцепился в горячую чашку, не замечая, что обжигаю пальцы. Станным образом, мое отвращение к ней сменилось на жалость. Теперь ее ужасное поведение в поместье и хладнокровное убийство смотрелись в другом свете. Это была ненависть жертвы к своему мучителю, вырвавшаяся наконец наружу. Вспомнились слова отца Георга про маску, которую она носит. Что же ей пришлось пережить, что она стала такой?

— Расскажите присутствующим, господин инквизитор, что мешает вам принять мою помощь. — Лидия спокойно уселась рядом, забрала у меня чашку, сделала глоток.

— А я, пожалуй, соглашусь на ваши условия. — Неожиданно для себя сказал я. — Меня только терзают сомнения в вашей способности помочь...

Лидия радостно вскинулась, придвинулась ко мне еще ближе, сложила губки и захлопала ресницами:

— Тогда авансик? А?

— Идите к демону! — я встал, чтобы избавиться от ее домогательств. — Суд завтра. А кроме моих слов и показаний отца Георга у обвинения ничего нет. Ни одной улики. Как вы собираетесь действовать?

Лидия развалилась на стуле, уплетая булочку и беззастенчиво слизывая с пальцев повидло. Я не выдержал и подал ей салфетку.

— Спасибо, — прошепелявила она с набитым ртом. — Сейчас вы, господин инквизитор, пойдете домой, но по дороге зайдете на рынок и купите себе кусок мяса. Самый худший, протухший на жаре. И приготовите его себе на обед. И смотрите, вы должны съесть как можно больше, чтобы наверняка травануться.

— Зачем?

— Потом позовете лекаря, который непременно должен предписать вам строгий постельный режим. Отец Георг от вашего имени подаст судье прошение о переносе судебного заседания в связи с вашей болезнью. Мне нужно время, знаете ли. Я ведь не колдунья, в конце концов, чтобы вот так взмахом руки решить все ваши затруднения.

— Что вам даст пара дней? Кроме того, кардинал Яжинский запросто может отстранить меня от дела под предлогом моей болезни. Ему это только выгодно.

— Уже нет. После того, как они уничтожили улики и запугали свидетелей, я думаю, что ему выгодно будет видеть вас в качестве обвинителя. Чтобы вы потерпели поражение, и вас можно было бы убрать.

— Я хочу услышать, что вы собираетесь предпринять за это время.

— Боюсь, вы не в праве что-то требовать. Вот если бы вы оплатили полную стоимость моих услуг, тогда, безусловно, я бы рассказала вам все. А так увольте. Хотя... Вы еще можете передумать и согласиться на ночь любви...

Как же ей не стыдно! Тень смотрела на хозяйку с осуждением, а Антон равнодушно покачал головой.

— Вы же знаете, что нет!

— Тогда довольствуйтесь тем, что дают. И кстати, когда я надумаю вас навестить, не вздумайте меня проигнорировать. Это будет сигналом к вашему выздоровлению. Думаю, что дней трех-четырех мне будет достаточно...

— Это все распоряжения? — язвительно спросил я, собираясь уходить. — Или моя госпожа еще что-то прикажет?

— О, я бы много чего вам приказала, — томно протянула Лидия. — Но боюсь, вы не согласитесь... Ладно, идите травиться.

Отец Георг сильно переволновался и просидел возле моей кровати всю ночь. Судебное заседание было отложено до моего выздоровления. Я валялся в постели с жуткой слабостью, пил одну воду, съедал немного рисового отвара и готовился к суду. Отец Георг снабжал меня последними новостями. Кто-то распространил слух, и я, кажется, знал кто, что меня пытались отравить тайные покровители колдуньи. Отец Бульвайс навестил меня в первый же день, фальшиво сокрушаясь моей внезапной болезнью, но мне было так плохо, что он потоптался немного возле моей кровати и ушел ни с чем.

На третий день объявилась Лидия. Я уверен, что она специально подгадала свой визит, чтобы наткнуться на епископа Талериона и кардинала Яжинского, которые пришли меня навестить. Епископ язвительно спрашивался о моем здоровье и советовал впредь не экономить на продуктах питания. И тут очень вовремя в мою спальню ворвалась Лидия, в платье с более чем откровенным декольте, с плетеной корзинкой наперевес, от которой в комнате тут же запахло ароматным куриным бульоном.

— Ох, господин инквизитор, простите, я не знала, что у вас посетители. — Она скромно потупилась, ухитрившись при этом выставить грудь.

— Ничего, мы уже уходим. — Епископ гнусно ухмыльнулся. — Я смотрю, Кысей, у вас нет недостатка в обожательницах?

Лидия обворожительно ему улыбнулась и уселась ко мне на постель, поставив корзинку на столик.

— Господин инквизитор — мой герой! — я тщетно пытался отодвинуться от нее. — Он спас меня от злобной колдуньи! И еще тех несчастных сироток от верной смерти, об этом весь город только и говорит. — Лидия похлопала ресницами, но ее усилия оказались тщетны. Кардинал смотрел на нее равнодушно, а епископ зло.

— Вина помчицы еще не доказана! И вряд ли будет доказана! — запальчиво возразил ей епископ, но был одернут кардиналом.

— Как же так? — недоуменно и глуповато протянула Лидия, доставая из корзинки кастрюльку с куриным бульоном. — Я уверена, что господин инквизитор победит в суде. Ведь так? — она явно вознамерилась покормить меня бульоном с ложки.

— Ваша вера похвальна, юная госпожа. — Голос кардинала был тих и сух. — К сожалению, все могут ошибаться.

Я отрицательно замотал головой, отказываясь открывать рот и есть бульон. Как же унижительно, у них на глазах, да она просто издевается!

— Конечно, но я уверена, что в данном случае ошибаетесь именно вы. — Она несколько выбилась из образа наивной глупышки, в ее голосе проскользнули металлические нотки. — И вы, кажется, собирались уходить, а то господин инквизитор стесняется кушать. А ему надо набраться сил.

Кардинал сочувственно мне улыбнулся, и они вместе с епископом ушли.

Я тут же перехватил руку Лидии и отстранил от себя.

— Хватит меня позорить!

— Вы непременно должны все съесть, господин инквизитор, — она и не думала отодвигаться. Ее взгляд стал масляным, и я сообразил, что на мне лишь тонкая, распахнутая на груди рубашка. Не стоит ее лишний раз провоцировать. Я попытался сесть на постели, но

Лидия презрительно ткнула меня ладонью в грудь.

— Доктор рекомендовал вам постельный режим, не так ли? Так что лежите. И если не хотите, чтобы я вас кормила с ложки, лучше начните есть сами. — И подвинула ко мне поднос с дымящейся кастрюлькой.

— Я надеюсь, у вас есть хорошие новости? — я забрал у нее ложку и зачерпнул бульон.

— Конечно. Так что выздоравливайте быстрее. — Лидия устроилась поудобней, откровенно демонстрируя пышное декольте и продолжая беззастенчиво пялиться на меня. Когда она уже поймет, что все ее попытки тщетны? Бульон был на удивление вкусным и наваристым, а может я просто изголодал на постной диете. Интересно, кто его готовил: Тень или Антон? Представить Лидию на кухне с поварешкой было выше моих сил.

— Спасибо. Очень вкусный бульон.

— Я передам ваши комплименты Мартену, он старался. — Она убрала поднос и подвинулась еще ближе. То ли от горячего бульона, то ли от ее близости меня кинуло в жар.

— Хватит уже. Отодвиньтесь от меня. Может, наконец перейдете к делу? И расскажете, с чем мне идти в суд?

Лидия невозмутимо вытащила из сумки сложенный вдвое лист бумаги и подала его мне. Я развернул его, на нем значилось: "Профессор Андрий Кривожд".

— Кто это?

— Слушайте меня внимательно, — Лидия чуть помедлила, удобно устраиваясь на кровати. Мне пришлось отодвинуться еще дальше. — Во время судебного заседания вы вызовете для допроса обвиняемую. Думаю, она согласится. Устроит комедию, будет играть на публику, доказывая свою полную невиновность. Потом вызовете меня...

— Нет. Я не собираюсь этого делать. Защитник, отец Бульвайс грозил поставить под сомнение вашу вменяемость. Вы понимаете, что вас могут принудительно отправить после заседания в лечебницу?

— Вы за меня волнуетесь? Это так трогательно... — она кокетливо улыбнулась и погладила меня по щеке. Как же меня достали ее приставания!

— Но уверяю вас, со мной все будет в порядке. Вы непременно вызовете меня. Попросите рассказать обо всех событиях, а когда я упомяну имя профессора Кривожа, вы тут же меня прервете, запомнили? Так, как если бы я собираюсь сболтнуть лишнее. И вызовете профессора в качестве свидетеля.

— Пойдите, но его тогда надо заявить в списке и обеспечить его присутствие в суде.

— Ни в коем случае. Не смейте заявлять его в качестве свидетеля, иначе бедный профессор просто не доживет до суда. А его присутствие я обеспечу, не беспокойтесь.

Я с сомнением покачал головой.

— У вас самая настоящая паранойя! Как можно...

Лидия меня раздраженно прерывала:

— Даже если у кого-то паранойя, это еще не значит, что за ним не следят. Делайте, что скажу.

— Хватит уже командовать. — Я спихнул ее с кровати. — Лучше расскажите, что задумали. Одних показаний будет мало, нужны серьезные улики.

Она подбоченилась, уставилась на меня тяжелым взглядом и сказала:

— Это вы лучше расскажите, когда собираетесь со мной рассчитаться.

— Вы еще ничего не сделали. Когда колдунье вынесут обвинительный приговор, тогда и...

Мои щеки запылали, из-за горячей еды и от духоты в комнате. Я встряхнул головой и продолжил:

— И если вам нечего добавить, оставьте меня, пожалуйста. Мне надо готовиться к суду.

Лидия на удивление послушно собралась, бросив напоследок:

— Постарайтесь не выглядеть на суде бледной немощью. Вам так к лицу стыдливый румянец...

Я швырнул в нее ботинком, но не попал. Она скрылась за дверью.

ГЛАВА 14. Инквизитор Тиффано

Заседание суда назначили на вечер следующего дня. Изначально оно должно было быть закрытым, но вмешался кто-то из вельмож, и теперь к суду заранее, почти за час до начала, начали собираться люди. В каменном здании муниципалитета, несмотря на жаркий солнечный день, было свежо. Предательская слабость после болезни еще донимала меня, поэтому я присел на скамью. Беспокойство и тревога, мучившие меня всю ночь и не давшие заснуть, дивным образом рассеялись. Я перестал волноваться. С моей карьерой инквизитора однозначно было покончено, чем бы ни завершился суд. Даже если Лидия совершит невозможное и добьется обвинительного приговора для колдуньи, меня все равно ждет отлучение из-за неповиновения приказу кардинала. Меня это совсем не пугало. Совершенно невыносимой была мысль о том, как мне смотреть в глаза несчастных родителей, если колдунью отпустят. Чем искупить свою вину перед ними? Если Святая Инквизиция не смогла предотвратить это страшное зло, не смогла даже наказать виновную, то как мне, ее представителю, можно будет поднять голову, что мне сказать несчастным и чем утешить?

Мои размышления грубо прервал отец Бульвайс. Он подошел, бесцеремонно хлопнул меня по плечу и спросил:

— Неужели рискнули вызвать девицу Хризштайн? Я же вас предупреждал, я потребую...

Я медленно встал, довольно резко стряхнул его руку с плеча, перехватив ее в запястье болезненным захватом, и холодно сказал:

— Только посмейте. Тогда госпожа Хризштайн заявит о ваших домогательствах, а я подтвержу ее слова, не сомневайтесь!

Лицо защитника налилось кровью:

— Ты на кого зубы осмелился скалить, щенок!

— А еще отец Георг вспомнит о той неприятности, что случилась с вами и дочерью купца пять лет назад. Кажется, вы обрюхатили несчастную девушку, и ей даже пришлось вытравливать плод. Грязная история, что и говорить...

Последние слова я выплюнул ему в лицо, чувствуя, как меня захлестывает волна отвращения.

Меня всерьез беспокоила угроза Бульвайса поставить под сомнение вменяемость моего главного свидетеля, поэтому я посоветовался с отцом Георгом. Он прослужил в церкви столько лет, что знал практически каждого. Рассказанное им тогда вызвало стойкое чувство брезгливости и стыда за собрата в вере. И это церковник, принявший обет воздержания и служения Единому!

— Господин инквизитор! — за спиной у отца Бульвайса возникла радостно щебечущая Лидия. — Я так волнуюсь, так волнуюсь!..

Я отпустил запястье защитника, и тот теперь пыхтел, красный от злости.

— Я тебе еще все припомню, гаденыш, — он развернулся и, грубо толкнув Лидию по пути, направился в зал заседаний. Лидия обворожительно мне улыбнулась:

— Какие прекрасные манеры, не находите?

Она была отвратительно жизнерадостна и спокойна. Сегодня, очевидно, в виде исключения, на ней было закрытое скромное платье темно-синего цвета, без декольте. Я

подозрительно обошел ее кругом, придиричливо разглядывая, нет ли срамных сюрпризов на спине.

— Да, господин инквизитор, пришлось надеть это убожество. Знаю, знаю, вы ожидали чего-то более экстравагантного, но увы...

Она развела руками в притворной печали, но ее серые глаза искрились насмешкой. Она взяла меня под руку и доверительно прошептала:

— Я вас умоляю, не сочтите за труд, во время заседания изредка поглядывать на меня или даже пройти мимо. Вдруг мне понадобится подсказать вам нечто важное... Я вам даже немного завидую, у вас сегодня впереди столько сюрпризов...

— Надеюсь, приятных... — прошептал я про себя.

Она таинственно улыбнулась и отодвинулась от меня при виде отца Георга, появившегося у входа.

Заседание началось вполне обыденно. Судьей был назначен отец Валуа из ордена Пяти. Я впервые видел представителя этого самого закрытого, малочисленного и могущественного ордена в Святой Инквизиции. По слухам, орден Пяти не подчинялся даже Папе и был самостоятельной единицей. Чем они занимаются, не было известно никому, кроме, наверное, самых высоких церковников. Сам судья выглядел вполне скромно: обыкновенный мужчина лет пятидесяти с непривычно короткими для церковника волосами, уже тронутыми сединой, с ясным кротким взглядом. Он внушал доверие и давал надежду, что суд будет, по крайней мере, справедливым. Я предъявил обвинения:

— Помчица Малко обвиняется в совершении богопротивного колдовства по параграфу 22 Церковных изложений. Во время проведения колдовского ритуала обвиняемая забирала жизненную силу детей и преобразовывала ее в омолаживающее зелье, что будет доказано во время суда. Основанием для дознания стало заявление помчика Картуа, у которого пропала дочь. Обвиняемая была последней, кто общалась с девочкой и подарила ей куклу. Позднее эта кукла была обнаружена со следами непонятного вещества, колдовская природа которого была доказана и задокументирована. В частной беседе помчица отрицала свою причастность. Тем не менее, мною было получено разрешение на обыск от кардинала Ветре на основании подозрения помчицы в причастности к ограблению церкви. Во время ограбления было украдено письмо от епископа с... — я слегка помедлил, — с разрешением на дознание. Позднее ко мне обратился брат госпожи Хризштайн, который заявил о причастности помчицы Малко к похищению из их дома ребенка. Во время обыска в подвале дома обвиняемой была обнаружена похищенная девочка, а рядом связанная госпожа Хризштайн, жизни которой угрожала сама помчица. Мне пришлось применить силу. Еще в подвале были обнаружены дети, запертые в клетке, и собственная дочь обвиняемой, Янка Малко, превращенная в чудовище, лишь отдаленно напоминающее человека. При свидетелях Янка Малко указала, что в чудовище, пожиравшее других детей, ее превратила собственная мать. Рядом были обнаружены детские полупереваренные останки.

Я слышал громкие всхлипы и стоны ужаса в зале.

— В кабинете помчицы были найдены пузырьки с колдовским зельем в общем количестве двухсот тридцати семи. Каждая была подписана датой и именем. Детским именем.

Мне тяжело давались последние слова.

— И это только малая часть тех преступлений, что совершила обвиняемая. В деле

имеются также свидетельства родителей, у которых были похищены дети, указывающие на то, что обвиняемая находилась в этот момент в непосредственной близости от места преступления.

Я сел и нетвердой рукой налил себе стакан воды. Отец Бульвайс тут же кинулся в атаку. Он поставил под сомнением мои слова, указал на отсутствие прямых улик и не постеснялся назвать странным поведение свидетелей, которые отказались свидетельствовать.

— Обвинения надуманны и смехотворны. Давайте начнем по порядку. Помчица Малко действительно была знакома с семейством Картуа и была у них в гостях в тот роковой день, когда пропала их дочь. Но помилуйте, она покинула их дом одна, и тому есть свидетельства. Что же касается злосчастной куклы, так еще надо подумать, кто и когда нанес странное вещество на куклу. Возможно, главный свидетель обвинения, госпожа Хризштайн, которая вела себя более чем необычно? Обвинения в том, что помчица Малко может быть причастна к так называемому ограблению церкви, вообще вызывают сомнения. Уважаемая женщина, занимающаяся благотворительностью, и вдруг такая глупость! В ее доме не были найдены похищенные вещи и письмо епископа, о котором изволил упомянуть мой оппонент. Да полноте вам, я уверен, что письмо давно уничтожено, чтобы скрыть тот факт, что господин Тиффано ослушался приказа.

Я вцепился в карандаш так, что сломал его. Досадливо отложил в сторону две половинки и искоса бросил взгляд на Лидию. На ее лице была написана откровенная скука, она прикрыла ладонью рот и зевнула. Хладнокровная зараза!

— Вероломно вломившись в поместье госпожи Малко, господин инквизитор испугал маленьких сирот, которым благородная помчица дала приют в своем доме. И теперь он имеет наглость заявлять, что спас несчастных. А то, что случилось с дочерью госпожи Малко, бедным больным ребенком, вообще выходит за всякие рамки. Господин инквизитор убил девочку, якобы чтобы спасти девицу Хризштайн. Но помилуйте, как ребенок может угрожать жизни взрослой здоровой девицы? Да, тело бедной Янки было изуродовано страшной болезнью, но она вовсе не была чудовищем. Ее даже похоронить не смогли, сожгли, словно собаку, так господин Тиффано торопился уничтожить следы собственного чудовищного преступления.

Ну хватит! Я резко поднялся и заявил:

— Отец Бульвайс, вы так красочно все объясняете, но может ваша подзащитная сама соизволит дать объяснения? Зачем суду ваши свидетельства с чужих слов, если можно послушать первоисточник.

Защитник явно удивился, он был уверен, что я не посмею вызвать благородную помчицу для дачи показаний.

— Вы хотите вызвать для дачи показаний госпожу Малко?

— У вас несколько подзащитных? Естественно, я хочу вызвать помчицу Малко!

Колдунья с высоко поднятой головой прошествовала за стойку. После прибытия в город высоких церковников ее перевели из монастырских застенков в муниципальную тюрьму, где устроили со всеми удобствами. Ее внешний вид был безупречен: благородная красавица, несправедливо обвиненная, но стоически переносящая трудности и великодушно прощающая презренным их слабости.

Я глубоко вздохнул и кинулся в атаку:

— Госпожа Малко, назовите свой возраст.

Отец Бульвайс тут же взвился.

— Я протестую, ваша честь! Спрашивать женщину, благородную помчицу о возрасте...

Я опередил судью:

— Я всего лишь устанавливаю личность обвиняемой. У меня вдруг возникли сомнения...

Я неторопливо вернулся к столу и взял засвидетельствованную выписку из архивных записей:

— Согласно городским архивам, которые по странному стечению обстоятельств не сгорели, в отличие от церковного схрона, вы родились в 890 году от Великого Акта. — Я сделал паузу, давая возможность присутствующим подсчитать в уме возраст помчицы, и процитировал:

"В 890 году от Великого Акта в церкви святого заступника Тимофея города Кльечи приняла освящение Этна Христович, дочь Карла Христович и Кармелии Христович". Ведё это же ваша девичья фамилия? Получается, вам сейчас 58 лет...

Лицо колдуньи окаменело. Она вскинула голову и холодно заявила:

— В моей семье женщины отличаются не только красотой, но умением сохранять ее до самой старости. Следить за собой — это разве преступление?

— Нет, конечно. Но объясните мне тогда следующее. Янка Малко, ваша дочь, согласно все тем же архивным данным, родилась в 915 году. Сколько же ей было лет? Получается, что 33 года. Совсем не ребенок, как нам тут пытался доказать ваш защитник...

Глаза помчицы яростно сверкнули, она ухитрилась даже пустить слезу.

— Да как вы смее! Моя девочка тяжело болела, поэтому выглядела совсем ребенком. Это наследственное! Я заботилась о ней, отдавая последние силы...

— Хорошая забота у вас получается. Заперли ее в подвале, без света, привязанную, словно животное!

— Ей нельзя было выходить на улицу. Солнечные лучи причиняли ей страшные страдания!

— А детей, что были заперты в подвале, вы наверное привели, чтобы ей было не так одиноко, да?

— Это все наглая ложь! Я заботилась о бедных сиротах, им негде было ночевать. А в подвал их согнали ваши люди! Вы и эта ненормальная девица!

— Даже так?.. — протянул я, раздумывая. Похоже, пора вызывать Лидию. — Но ведь это вы насильно удерживали у себя девицу Хризптайн и ее подопечную, двенадцатилетнюю девочку из сиротского приюта.

— Неправда, — яростно парировала помчица. — Это вы ворвались ко мне в поместье, схватили моих слуг, угрожали мне. Убили мою дочь! А теперь имеете наглость приписывать мне такие страшные преступления... — И колдунья разрыдалась так правдоподобно, что не знай я всего, я бы поверил в искренность ее горя.

— Довольно, господин инквизитор! Ваша честь, он запугивает мою подзащитную, доводит ее до слез! Все улики, якобы найденные в поместье госпожи Малко, чудесным образом сгорели. Почему так случилось? Может потому, что никаких улик вовсе не было? Как не было украденного письма и ограбления церкви? Какую еще хитроумную ложь готов придумать мой коллега, за которого мне, право, стыдно!..

Судья несколько отстраненно наблюдал за нашей перепалкой, лишь слегка прищутив глаза. Потом вздохнул:

— Я думаю, можно закончить с опросом обвиняемой, господин Тиффано. У вас есть

еще доказательства или свидетельства?

Отступать больше некуда. У меня ничего не оставалось.

— Да, ваша честь, я хочу вызвать свидетеля обвинения, госпожу Хризштайн.

Защитник тут выступил с протестом:

— Ваша честь, протестую. Свидетельства этой девицы вряд ли можно назвать надежными!

Судья внимательно посмотрел на рыжего здоровяка и сказал:

— Позвольте мне, отец Бульвайс, самому решать, чьи свидетельства считать надежными. В деле слишком много свидетелей, отказавшихся давать показания. Так что послушаем ее.

Лидия спокойно прошла за стойку и назвала титул и имя. Она вела себя скромно и тихо, и я молился, чтобы так оно и продолжалось.

— Расскажите, при каких обстоятельствах вы познакомились с помчицей Малко.

Лидия задумалась.

— Ко мне обратилась помчица Картуа с просьбой найти ее пропавшую дочь. Видите ли, я недавно в городе, открыла с братом свой частный сыск, — она скромно потупилась, ухитрившись стрельнуть глазками в судью. Этого еще не хватало! Я встал между ней и судьей и поторопил ее:

— Что дальше?

В зале вдруг сделалось шумно. В дверях показался знатный вельможа, что без всякого стеснения за опоздание проществовал на свое место, которое за него держали слуги. По лицу судьи пробежала легкая тень неприязни, но он промолчал и не сделал хаму замечания.

Лидия продолжила, не обращая на происходящее ни малейшего внимания:

— Я нашла ту жуткую куклу, на которой оказалась колдовская слизь. У меня от нее старый шрам на руке пропал, виданное ли дело! Поэтому я сразу заподозрила, что дело нечисто, и помчалась к господину инквизитору. Мне было очень страшно, ваша честь! — она ухитрилась поймать взгляд судьи, тот ободряющее ей кивнул и улыбнулся.

— Продолжайте, — процедил я.

— А потом мы столкнулись с помчицей Малко на приеме у бургомистра. Я сразу поняла, что она колдунья! Мой покойный батюшка всегда говорил, что у меня потрясающее чутье на людей!

Я оборвал ее излияния:

— Перейдите, пожалуйста, сразу к тому, как вы оказались в поместье обвиняемой.

— Да, конечно. Дело в том, что госпожа Малко сама меня туда позвала. Вот, сейчас, — Лидия принялась рыться у себя в сумочке. Она вывалила на стойку все ее содержимое и стала его разгребать. Мне стоило больших трудов не накричать на нее. Наконец она вытащила смятую записку и с торжествующим возгласом протянула ее мне:

— Вот ее записка.

— Я протестую, ваша честь! — взвился отец Бульвайс. — Эта улика в деле не заявлена! Почему госпожа Хризштайн ее сразу не передала?

— Так меня никто не спрашивал, — недоуменно пожала плечами Лидия, кидая беспомощный взгляд на судью. Она что, в самом деле думает, что ей удастся очаровать одного из Пяти? Самоуверенная дура!

Судья надел очки и прочел вслух переданную ему записку:

— "Приходи одна, иначе девчонка может пострадать". Это ваш почерк, госпожа Малко?

— Конечно же нет, — помчица Малко презрительно скривилась.

— Ну как же нет? — Лидия усиленно продолжала изображать дурочку. Она опять разгребла содержимое сумки и вытащила еще одну записку. — Это вексель, выписанный мастеру Норберту, когда вы оплачивали изготовление куклы для дочери помчика Картуа. Я думаю, он сможет подтвердить его подлинность.

Оказалось, что почтенный мастер присутствует в зале. Он взглянул на вексель и подтвердил его подлинность. Впрочем, колдунья не казалась смущенной. Ее защитник заявил:

— Я вижу, ваша честь, что почерк на записке очень похож на почерк моей подзащитной, но и только. Госпожа Малко не писала этой записки. Это фальшивка! — и он театрально швырнул записку на стол.

— Но позвольте! — Лидия растерянно смотрела на него. — А почему тогда в поместье оказалась моя воспитанница Верочка? Когда я примчалась туда, меня схватил охранник и стукнул по голове чем-то тяжелым. А когда я пришла в себя, — Лидия сделала драматическую паузу, — то оказалась связанной в подвале вместе с Верочкой, а колдунья...

— Протестую, ваша честь! Свидетельница нагло лжет! Она сама ворвалась в поместье и угрожала жизни госпожи Малко!

— Неправда, — Лидия с досады топнула ногой и повернулась к судье, умоляюще глядя на него. — Не верьте, ваша честь! Я думала, что умру от ужаса. Помчица вдруг превратилась в страшную грязную старуху, хотела изуродовать меня, но в самую последнюю минуту ворвался господин инквизитор. Он спас меня от неминуемой смерти!

Отец Бульвайс тут же вмешался:

— Многочисленные свидетели утверждают как раз обратное. Это вы приказали охраннику помчицы Малко убить свою госпожу.

Лидия казалась еще более растерянной. Я чувствовал себя, словно зритель на дешевом бездарном спектакле.

— Но, ваша честь, я совсем запуталась! Как я могла отдать приказ чужому охраннику? С чего бы ему меня слушать?

Судья строго взглянул на защитника поверх очков:

— Действительно, странно получается. Что скажете, отец Бульвайс?

Здоровяк несколько не смутился:

— Госпожа Хризшгайн обладает странными способностями, она зачаровала охранника, теперь бедняга едва ли может вспомнить, как ударил клинком свою хозяйку...

— Ударил клинком? — вскричала Лидия. — Ложь! Наглая и глупая! После удара клинком человек едва ли будет выглядеть столько цветущим, как ваша подзащитная, не находите?

Отец Бульвайс на мгновение смешался, потом заявил:

— Помчица Малко действительно получила страшное ранение, но вы, именно вы, применили к ней колдовское зелье! Тому есть свидетельства братьев-послушников!

— Колдовское зелье? — Лидия беспомощно взглянула на судью, в ее глазах стояли слезы. — Ваша честь, скажите, чтоб он перестал! Какое к демону колдовское зелье, ведь в поместье ничего не нашли! Защитник сам сказал, что ничего не было, а теперь что получается?..

Судья снял очки и строго взглянул на отца Бульвайса:

— Защитник, вы определитесь, были найдены зелья или все-таки нет?

Здоровяк тут же нашелся:

— Возможно, свидетельница сама принесла с собой зелье, чтобы подставить мою подзащитную!

— Что за бред! Я ворвалась в поместье, угрожала убить помчицу, потом каким-то невероятным образом сначала зачаровала охранника, чтобы тот убил ее вместо меня, а потом вдруг! Вдруг спасаю ей жизнь? Еще и потратив на это зелье, которое исцеляет любые, даже смертельные раны? Да если бы у меня было такое зелье, стала бы я тратить его на такую глупость? За него любой вельможа бы целое состояние выложил! Вот еще! — Лидия обиженно надула губки и опять стрельнула глазами в судью.

Я видел, что отец Валуа сомневается в словах защитника, и это было хорошим знаком, но увы, этого мало для обвинительного приговора.

— Довольно! — я прекратил обиженные разглагольствования Лидии. — Вы подтверждаете, что видели Янку Малко? Что она пыталась напасть на вас?

Лидия закатила глаза.

— Боже Единый, я как вспомню этот ужас, мне тут же делается дурно! Можно водички? Я выругался про себя, зачем она затягивает процесс?

— Держите.

Лидия сделала глоток, потом поежилась.

— Это было страшное зрелище! Голова ребенка, а тела нет! Совсем нет, понимаете? Одни щупальца, которые шевелятся, и тянутся к тебе, и зачаровывают, и манят к себе... Я как во сне была, в кошмарном сне... Сделала шаг, потом еще один... И тут одно из щупалец как вцепится в меня! Я закричала, а щупальце все держит, и кожу обжигает на плече... Вот смотрите!

И тут, к моему ужасу, она полезла расстегивать лиф платья. Судья с интересом смотрел, не делая ни единой попытки ее остановить.

— Прекратите! — не выдержал я, перехватывая ее руку, и тут понял, что мне в ладонь скользнула записка.

— Простите, — Лидия смущенно потупилась. — У меня, наверное, на всю жизнь останется шрам. Если бы не господин инквизитор, который метнул кинжал и убил это чудовище, я бы сейчас не сидела тут перед вами. — Она разрыдалась так искренне, как ранее рыдала помчица.

— У вас еще есть вопросы, господа? Или мы можем отпустить свидетеля?

— Есть. — Я незаметно заложил ее записку в бумаги и теперь разглядывал их, делая вид, что пытаюсь сосредоточиться, а на самом деле недоуменно созерцая три строчки: "Спросите про Картуа! Старшая дочь, старшая! Заставьте колдунью снять перчатки!"

— Скажите, вы смогли выполнить поручение помчицы Картуа и найти ее дочь?

Лидия вскинула голову, слезы на ее лице мгновенно высохли, взгляд стал жестким. Кажется, она опять выбилась из роли наивной глупышки.

— Да, смогла.

В зале прокатился шумный вздох удивления.

— Я нашла Катрин Картуа, вернее то, что от нее осталось. Мне пришлось подкупить одного из громадских стражников, которые охраняли улики из поместья, улики, которых якобы не было! Вот!

И Лидия преспокойно достала пузырек, подписанный "13 июля 948 года, Катрин", и протянула его судье. Отец Валуа опасно и аккуратно взял пузырек, прочитал надпись

вслух.

— Ваша честь, я протестую! Это гнусная клевета! Откуда мы можем знать, что это и откуда его на самом деле взяла свидетельница.

— Ваша честь, я отдала этот пузырек безутешным родителям и получила плату за работу. Но когда господина инквизитора подло отравили, когда он оказался при смерти, а все улики уничтожили, что же мне оставалось делать? Разве могла я быть в стороне? Он дважды спас мне жизнь, я просто обязана была отплатить ему хоть чем-нибудь. Поэтому я умоляла помчика Картуа передать мне пузырек обратно, чтобы доказать вину госпожи Малко!

Судья задумчиво слушал, крутя в руках пузырек. Потом, к моему удивлению, сорвал пробку и нанес немного жидкости себе на руку. Кожа на его руке мгновенно разгладилась и помолодела. В воздухе отчетливо запахло сладковатой грибной плесенью.

— Ну что ж, зелье явно колдовское, я принимаю его в качестве доказательства. Но госпожа Хризштайн, — судья сурово взглянул на Лидию. — Вы же понимаете, что надо еще доказать, что оно именно из поместья помчицы Малко? Назовите стражника, которого вы подкупили, и если он подтвердит ваши слова...

— Нет! — Лидия решительно замотала головой. — Я не буду его выдавать. Все свидетели запуганы. Андрий Кривоож может...

Я среагировал мгновенно, потому что ждал этого. Лидия мне смертельно надоела за стойкой свидетеля, я каждый раз дергался и гадал, чего еще от нее ждать.

— Довольно! — резко прервал я ее. — У меня больше нет вопросов к свидетелю. И я заявляю о вызове нового свидетеля, профессора Андрия Кривожа!

Я ждал реакции стороны защиты: отец Бульвайс казался растерянным, он явно ничего не знал, а вот лицо помчицы перекосилось в злобной гримасе. Я удовлетворенно кивнул головой.

Судья просмотрел бумаги и спросил меня:

— Господин обвинитель, этого свидетеля нет в списке заявленных.

— Знаю, ваша честь. Я специально не заявил его, поскольку опасался, что с ним может случиться то же, что с остальными свидетелями по данному делу. Простите меня.

Колдунья склонилась к защитнику, что-то ему прошептала, и тот подскочил как ужаленный:

— Ваша честь, я протестую! Гнусные инсинуации стороны обвинения переходят всякие границы, а вызов незаявленного свидетеля — это просто лицемерное затягивание процесса!

Судья задумчиво покрутил дужку очков и решил:

— В этом деле много странностей... И очень мало свидетелей, готовых давать показания. Господин Тиффано, вы обеспечили явку свидетеля?

— Да, — кивнул я.

— Тогда я разрешаю.

В самом дальнем ряду поднялся неприметный старик, полностью седой, худой и сгорбленный,

который медленно прошаркал к стойке свидетеля. Профессор был очень, очень стар, но глаза светились ясностью и умом.

— Назовите свое имя.

— Профессор Андрий Кривоож, давно уже отошел от дел и не преподаю.

— Вы знаете обвиняемую?

— Да, я хорошо знаком с помчицей Малко.

— Расскажите, при каких обстоятельствах вы познакомились.

— Тридцать лет назад я заведовал кафедрой фармакологии при Академии. С помчицей Малкой нас свели общие знакомые, она очень интересовалась работами по косметологии и была готова пожертвовать крупную сумму на разработку эликсира молодости. А я был амбициозным дураком, которому хотелось прославить свое имя.

Старик горестно покачал головой. Я подал ему стакан воды.

— И я взял деньги. Работал круглые сутки, исследовал все новые составы кремов и настоек. Помчица постоянно дергала и подгоняла меня. Она старела, каждая новая морщина приносила ей ужасные страдания, она просто с ума сходила! Поэтому, когда ко мне обратился заезжий купец с запрещенными к торговле экзотическими товарами из Мертвых земель, я преступил закон. Я купил у него почти все, что было. И стал проводить опыты. Среди прочих диковинок был странный светящийся гриб. Именно его экстракт дал невероятный эффект. Исчезали не только морщины, но даже старые шрамы! Это было просто удивительно! Я продемонстрировал свою находку помчице и тут же получил крупную сумму для продолжения опытов. Я сделал новый заказ тому купцу, потом еще один. И, конечно же, я пытался культивировать этот гриб, чтобы выращивать его и не зависеть от поставок. Но ничего не получалось. Грибница чахла в любой почве и при любых условиях. Я был в отчаянии. Тогда я еще не знал, что в это время помчица проводит собственные опыты...

Старик дрожащей рукой поднес ко рту стакан воды, сделал глоток. В зале стояла гробовая тишина. Лицо отца Бульвайса наливалось кровью.

— Купец сказал, что больше не будет рисковать, доставлять товар становилось все более накладно и опасно. Я поехал к помчице в поместье сообщить эту новость. Она казалась очень странной, совсем безумной, потащила меня в подвал. Все это время она тоже пыталась вырастить этот гриб, в отличие от меня, у нее получилось. Грибница прекрасно проросла в... — старик тяжело сглотнул. — В человеческом теле. Она заразила спорами гриба свою дочь. Заперла бедную девочку в подвале и смотрела, как ее тело разъедает страшная грибная плесень... Я пытался образумить помчицу, но она накинулась на меня и приказала убираться.

Профессор замолчал, молчал и я.

— Я уже стар, мне мало осталось, поэтому хочу хотя бы перед смертью облегчить душу. Я должен был донести на помчицу, остановить ее, но она пригрозила мне. Контрабанда товаров из Мертвых земель — тяжелое преступление, и я мог бы лишиться всего. Кроме того, спустя несколько месяцев она приказала мне уволиться и уехать. И забрать с собой ее дочь. Она ей была больше не нужна, но помчица щедро заплатила тогда и платила исправно каждый месяц деньги на содержание девочки. Я думал, что на этом все закончилось, и заботился о несчастной, думая, что искупаю свой грех. Если бы я только знал!

Мне вспомнилась записка Лидии, и осененный страшной догадкой, я спросил:

— Уточните, о какой из двух дочерей помчицы Малко сейчас идет речь?

Старик поднял голову и очень твердо сказал:

— Конечно, о старшей. Я говорю об Анне Малко.

Гомон удивления прокатился по залу. Старшая дочь помчицы, заявленная как свидетель защиты, присутствовала в зале. Сейчас эта дебелая матрона с мелкими невыразительными чертами лица сидела, крепко сцепив руки, поджав губы и опустив грязно-серые глаза.

Отец Бульвайс вскочил и заявил:

— Ваша честь, свидетель лжет! Старшая дочь помчицы жива-здоровая и присутствует здесь!

Старик покачал головой.

— Это самозванка! Вызовите настоящую Анну Малко, и сами увидите, кто лжет!

У меня неприятно засосало под ложечкой. Сколько же еще сюрпризов эта мерзавка мне приготовила? Могла бы рассказать все заранее!

— Ваша честь, я прошу вызвать, повторно вызвать Анну Малко. Настоящую Анну Малко!

Матрона нерешительно встала со скамьи, но тут театрально распахнулись двери, и Антон вкатил коляску с девушкой в накидке. Одного взгляда на несчастную было достаточно, чтобы понять, что именно она и есть Анна Малко. Семейное сходство было удивительным. Лицо было совсем юным, хотя Анне должно было быть под сорок.

Отец Бульвайс не думал сдаваться.

— Почему мы должны слушать эту девицу? Как она докажет свою личность?

— По-моему, уважаемый коллега, одного взгляда на нее и вашу подзащитную уже достаточно, чтобы понять, кто здесь настоящая Анна Малко. — Я парировал выпад и вопросительно взглянул на судью.

Судья задумчиво кивнул. Антон подкатил коляску к стойке свидетеля и замер рядом.

— Назовите свое имя, пожалуйста.

— Анна Малко, — голос девушки был сиплым, дыхание тяжелым. Она явно была тяжело больна.

— Здравствуй, мама, — она уставилась на колдунью взглядом, полным боли и ненависти.

Помчица подскочила и крикнула:

— Ты мне не дочь! Неблагодарная дрянь! Заткнись немедленно и убирайся отсюда, иначе...

— Иначе что? — просипела несчастная.

В зале поднялся шум, судья вынужден был постучать молотком, призывая к спокойствию.

— Тишина в зале! Продолжайте.

— Госпожа Малко, расскажите...

Девушка меня не слушала.

— Зачем ты сотворила со мной это? Что я тебе сделала? За что? — ее глаза наполнились слезами. — Только за то, что посмела быть молодой и красивой, а ты старела? Я все думала, гадала, в чем моя вина! Когда мою плоть разъедала эта мерзкая гадость, когда ты по каплям выпивала мою красоту и молодость, когда заперла меня в подвале, я все думала и не могла понять, за что! Ты же моя мама! Ты должна заботиться и любить меня!..

Я прервал девушку.

— Вы подтверждаете, что именно ваша мать, помчица Малко, провела над вами колдовской ритуал?

— Да, подтверждаю! Более того, я хочу, чтобы все увидели, что именно она сделала со мной! — девушка бессильно мотнула головой Антону, и тот быстрым решительным движением сдернул с нее накидку, прежде чем я успел сообразить, что произойдет. Подавленные вскрики ужаса прокатились по залу. Обнаженное до пояса тело девушки было

странным и рыхлым, словно шляпка гриба, изъеденная зеленоватой плесенью. С трудом угадывались руки и плечи, было видно, как тяжело дается несчастной каждый вздох, она словно дышала всей кожей, каждой ее порой. Это было тяжелое и отвратительное зрелище.

— Довольно! — я с трудом нашел в себе силы кивнуть Антону, и тот после секундного колебания вновь набросил накидку на плечи девушки.

— Я не могу сама о себе заботиться! Мое тело полностью изъедено этой гадостью, я заживо гнию, понимаете? Меня на этом свете держало только одно — желание увидеть мою мать и спросить ее, за что? Почему она молчит? Заставьте ее говорить!

Глаза девушки стремительно наполнялись безумием и болью.

— Ваша честь, я думаю, достаточно. У меня больше нет вопросов к свидетелю.

Судья согласно кивнул, и Антон увез несчастную, которая продолжала кричать и всхлипывать. Я взглянул на Лидию, она сидела все с тем же скучающим видом, словно происходящее ее ничуть не трогало. Поймав мой взгляд, она мило улыбнулась, подмигнула мне и на пальцах начала показывать три, потом два, один и... Дверь зала опять распахнулась, я едва сдержался, чтобы не застонать. Но в зал суда вошел всего лишь гонец, он подошел к судье, передал ему письмо и что-то прошептал на ухо. Судья нахмурился и отпустил гонца. Потом распечатал письмо и пробежал строчки. Поднял мрачный взгляд на присутствующих и резко сказал:

— Объявляется перерыв на двадцать минут. Обе стороны и представители Святой Инквизиции, ко мне в кабинет.

Я непонимающе оглянулся на Лидию, но она не удостоила меня взглядом, поскольку деловито разглядывала себя в зеркале и поправляла макияж.

Отец Валуа был явно раздосадован. Он закрыл дверь за нами и довольно резко сказал мне:

— Взгляните на это, господин Тиффано, — и протянул мне письмо.

Я недоуменно развернул письмо с епископской печатью и бросил взгляд на текст. У меня перехватило дыхание. Это было то самое письмо с отказом в дознании от епископа, что я получил, и которое на моих глазах сожгла Лидия! Невозможно, я же своими глазами видел!..

— Вижу, вы удивлены. — Судья удовлетворенно кивнул головой. — Вы действительно не знали, что в письме отказ?..

— Я не... Я не понимаю, — я поднял глаза на отца Валуа, лихорадочно соображая, что делать. — Откуда у вас письмо? Его ведь выкрали...

— Епископ Талерион, вы подтверждаете, что это написано вашей рукой?

Епископ нетвердой рукой взял письмо и пробежал неровные строчки.

— Ваша честь, я действительно...

Судья сказал очень тихо, но от его слов мороз по коже пошел:

— Вы отказали в дознании инквизитору Тиффано, хотя имелись все основания для его проведения. Теперь в свете открывшихся фактов вы понимаете, как это выглядит?

Кардинал Яжинский попытался что-то сказать, но властный взмах руки отца Валуа остановил его.

— Вы знаете, почему сегодня в суде присутствует вояг Хмельницкий? Почему заседание открыто для горожан? — Судья стукнул кулаком по столешнице. — Потому что этот мелкий царек завладел документами о деловых сделках помчицы с... с кем, как вы думаете?

— С кардиналом Ветре... — вырвалось у меня невольно. Я помнил эти документы среди прочих, найденных в кабинете колдуньи.

Судья яростно взглянул на меня, от его спокойствия уже ничего не оставалось.

— Да, именно! Сановник Святой Церкви оказался запачканным в делах колдуньи, погубившей сотни детей. Мне! Мне, одному из ордена Пяти, пришлось договариваться с этим ничтожеством, чтобы он не давал огласку делу! А теперь вот это! Если содержание этого письма станет известно, то вы, епископ, и вы, кардинал, будете вынуждены подать в отставку, понимаете?

— Кто вам его прислал, ваша честь? — осмелился спросить я, пытаюсь сообразить, чего еще следует ждать.

— Подписано Серым Ангелом, — судья швырнул конверт со стилизованным изображением крыла. — Вы подумайте, какая наглость! Презренный вор смеет писать, что не желает пачкаться имуществом Церкви, купленным за кровавые деньги колдунов!

Судья сел, сцепил руки в замок и уставился на нас тяжелым взглядом. Когда закончится этот театральный кошмар, выйду и придушу дрянь!

— Я хочу знать только одно. Каких еще сюрпризов мне ждать? У кого еще могут оказаться документы, которые якобы сгорели? И я хочу знать, и непременно узнаю, кто слил воягу информацию о деле!

Сановники молчали, молчал и я, размышляя. Я точно знал, что Лидия стащила пузырек для Картуа, подкупив кого-то из стражников. Про документы воягу наверняка сообщила тоже она. Возможно, даже выкрала их для него с помощью того же стражника. Но пожар с уничтожением улик? На нее это не похоже, хотя...

— Ваша честь?..

Судья поднял на меня тяжелый взгляд.

— Я полагаю, что пожар не был случаен, и вовсе не является делом рук Серого Ангела. Он выгоден только тем, кто хотел скрыть случившееся...

— Замолчи, щенок! — епископ замахнулся на меня, но был остановлен тихим замечанием судьи.

— Интересно, господин Тиффано.

Я сглотнул, но упрямо продолжил:

— Я думаю, что улики из церковного схрона не сгорели, а просто были перемещены в другое место. Слишком высока цена за подобное омолаживающее зелье. Поэтому уверен, что в скором времени они станут всплывать по бешеным ценам на черном рынке. Тогда поползут скверные слухи...

— Возможно, вы правы... — судья сверлил меня взглядом. — Что же, по-вашему, следует сделать?

— Назначить новое дознание по делу исчезновения улик. Обыскать дома всех сановников, все склады, что записаны на них, и возможно...

— Ваш дом мне тоже велеть обыскать? — очень холодно спросил отец Валуа.

— Обыскивайте, мне скрывать нечего, — спокойно ответил я.

— Ну что ж, тогда так и поступим.

— Но, ваша честь, как можно! — епископ тщетно пытался повлиять на судью, лицо отца Бульвайса пошло красными пятнами, на лбу выступили крупные капли пота.

— Я прямо сейчас отдам приказ стражникам обыскать все ваши дома, включая резиденцию кардинала Ветре. Посмотрим, правильны ли ваши догадки, господин

инквизитор. Все свободны.

Судья встал, подошел к окну и повернулся к нам спиной, показывая, что разговор закончен.

— Останьтесь на пару слов, господин Тиффано.

Я замер возле двери. Когда мы остались наедине, отец Валуа спросил меня, переходя на ты:

— Что думаешь про девицу Хризштайн?

Я смотрел ему в спину и размышлял, что ответить. Слишком много лжи сегодня звучало в этом здании!

— Думаю, — я слегка помедлил, потом решился. — Я думаю, что девица Хризштайн не так проста, как хочет казаться.

Судья резко обернулся и уставился на меня удивленно.

— Однако, молодой человек! Ты меня приятно удивил. Оказывается, ты умеешь разбираться в людях... Она совсем не проста. А эти три болвана так ничего и не поняли...

Он отошел от окна, направляясь ко мне, заглянул в лицо и спросил:

— Это ведь не ты слил информацию воягу?

Я даже не успел ответить, потому что он отрицательно покачал головой и ответил за меня:

— Конечно, не ты. Ты его даже в лицо не знаешь. Я наблюдал за тобой сегодня.

Он опять переместился, усевшись за стол.

— Ты знаешь, что потребовал от меня вояг Хмельницкий взамен неразглашения этой информации? Отзыва кардинала Ветре из городского совета и запрета на участие в городских делах Святого Престола! И мне пришлось согласиться, слишком многое на кону... Теперь в городском совете десять голосов, по три на каждого вояга, и последний, десятый голос, что раньше принадлежал Церкви, теперь не будет использоваться. Но знаешь, что мне сообщил вояг?

— Что? — я искренне недоумевал. С какой стати судья посвящает меня в дела политические?

— Что он готов передумать и отдать голос церкви тому, кто сможет выиграть этот процесс, на тот момент казавшийся абсолютным безнадежным. Что скажешь? С чего бы воягу продвигать тебя в совет, а?

— Я не знаю, ваша честь, — я склонил голову в почтительном поклоне, пряча глаза. Что еще задумала эта мерзавка?!?

— Сначала я думал, что ты сам это все подстроил, но теперь, после заседания, я думаю, что к этому могла приложить руку и девица Хризштайн... Если она подкупила стражника, чтобы достать зелье, то вполне могла и достать документы для вояга. Только вот зачем ей продвигать тебя в городской совет, а?

— Ваша честь, я не знаю. Я могу идти?

— Иди, — равнодушно сказал отец Валуа, но возле двери пригвоздил меня неожиданным вопросом:

— Ты с ней спишь?

Я замер на мгновение, потом развернулся и возмущенно ответил:

— У меня нет никаких! никаких дел с девицей Хризштайн!

— А почему? — протянул задумчиво судья, внимательно разглядывая меня. — Жаль. По опыту знаю, что женщина будет так стараться всего в двух случаях. Либо ради любовника, но

ты утверждаешь, что это не так... Либо если у нее есть своя выгода в этом деле. Так что же мне думать, а? Какая выгода девице Хризштайн от того, что ты войдешь в городской совет? Уж лучше бы ты с ней спал, право дело!

— Понятия не имею. Чтобы она ни задумала, у нее ничего не получится. После этого дела я намерен подать прошение о переводе!

— Которое будет отклонено... — рассеянно проворчал судья, разыскивая очки на столе в кипах бумаг. — Да где же они? Голос Святого Престола обязательно должен быть представлен в городском совете, пусть даже его будет представлять такой молодой дурак, как ты. Девица Хризштайн ведь приложила руку к происходящему сегодня в зале суда?

Я молчал, проклиная Лидию про себя.

— Чтобы от тебя ни потребовала эта девица, держись с ней осторожно. Иди.

Я помедлил возле двери. Отец Валуа, один из ордена Пяти, воплощение мудрости и власти церковной, неужели он?..

— Ваша честь?.. — судья вопросительно взглянул на меня. — Вы ведь хорошо разбираетесь в людях? Неужели вы не заметили... — с языка уже был готов слететь опрометчивый вопрос, но я остановился в последнюю секунду. — Не заметили, что Лидия... Что мне от нее ждать? Я не хочу иметь с ней никаких дел.

Судья подошел ко мне и похлопал по плечу.

— Она расчетлива и умна, но за тобой вся мощь Святого Престола. И да, я заметил, как она смотрит на тебя. Мой тебе совет — переспи с ней. Тогда будет легче ее контролировать. Только смотри, сам не влюбись. Думай головой, а не другим местом. — И судья довольно фамильярно тыкнул меня в низ живота.

Я вышел из кабинета судьи совершенно растерянным. И даже не от такого откровенного цинизма церковника. Неужели он не заметил? Она сидела перед ним, давала показания, паясничала и играла на публику, а он не заметил! Ладно, остальные церковники, но он! Он же должен был заметить, что она безумна...

ГЛАВА 15. Хризостола

Их долго не было. Я бы с удовольствием понаблюдала за тем, как судья будет выкручиваться, получив письмо, но увы. Такие вот развлечения теперь были, пожалуй, единственным, что мне осталось. Особенно эмоции красавчика. Он уже вернулся в зал суда, на его лице смешалась целая гамма чувств: растерянность, злость, недоумение и, кажется, разочарование. Странное дело — эмоции других людей я могла почуять, только когда на меня накатывал приступ. Но вот чувства красавчика, особенно сильные, я иногда ощущала и в нормальном состоянии. Поэтому меня так тянуло к нему. Скоро последняя петля ляжет на положенное место, и я смогу насладиться полной картиной, сотканной из узора интриги.

Меня, тринадцатилетнюю сорвиголову, заперли в холодном каменном монастыре, вырвали из привычного вольного уклада жизни, заставили зубрить молитвы и читать жизнеописания святых заступников. А потом наставница Камаргу придумала для меня настоящую пытку. Она заставила меня плести кружева, занятие, для которого требуется усидчивость, кропотливость и, главное, терпение! Петли сползали, нити запутывались, я злилась, рвала нить, ломала спицы, швыряла рукоделие в мастерицу, которая терпеливо сносила мои выходки. Ее кротость бесила меня больше всего, приступы бессильной ярости накатывали на меня так, что я бросалась с кулаками на бедную женщину. Потом я объявила голодовку. После недели отказа от пищи я так ослабла, что не смогла бы ложку поднести ко рту, даже если бы захотела. И тогда ко мне в келью заглянул повар. Я даже не знаю, как его звали. Он был просто безликим кухарем на монастырском дворе, готовил и обслуживал трапезы послушников и сановников.

Он принес с собой нож и несколько луковиц. Сел ко мне на кровать, посмотрел на меня исподлобья и сказал:

— Юная вояжна, вы не спите, я знаю.

Он подвинул к кровати столик, ловким движением разрезал луковицу пополам и начал очень быстро, но тонко и ровно нарезать половинки на мелкие кубики, продолжая при этом говорить.

— Я был когда-то на вашем месте. Меня отдала в монастырь родня. Лишний голодный рот в семье. Я бесился, как вы сейчас. Меня отправили на кухню, помогать кухарю. Заставили резать лук, от которого разъедало глаза. Я ненавидел семью, ненавидел лук, ненавидел всех вокруг. А когда ненавидишь что-то делать, у тебя ничего толкового и не выйдет. Пока однажды...

Он остановился на секунду, взял новую луковицу и продолжил свое занятие:

— Пока однажды я вдруг не представил, что режу не лук, а своих обидчиков. Что от того, насколько ровнее будут кубики, зависит, сколько боли я им причиню. Что луковый сок, разъедающий мои глаза, это их кровь. С тех пор я никогда не плачу, когда режу лук.

Он собрал нарезанные кубики в миску, поднялся и ушел. От острого запаха лука на глаза навернулись слезы. Я прекратила голодовку и с остервенением взялась за плетение. Вытягивая очередную петлю, я с упоением представляла, что вытягиваю не нить, а жилы своей мачехи, бабки, наставницы Камаргу. Монастырские святоши очень удивились, когда я потребовала цветных нитей для кружев. Я не сразу преуспела, но скоро мои кружева стали

изысканней, чем у мастерицы. Я искренне любовалась тонкими плетеными узорами, найдя извращенное удовольствие в ранее противном занятии.

Чем сложнее узор, тем приятней было его завершать. Я так задумалась, что пропустила мимо ушей объявление судьи о завершении процесса, и очнулась, когда для обвинительной речи встал инквизитор. Он был невероятно хорош в своей мантии, такой искренний и пылкий. Я подумала, что моя прихоть мне дорого обошлась, но ей-богу, оно того стоило!

— Ваша честь, я долго готовил обвинительную речь, но теперь... не стану ее произносить. Представленные в суде доказательства и свидетельства более чем убедительны. Хочу обратить внимания суда только на одно. — Инквизитор подошел к обвиняемой, резким движением схватил ее за руку, сдернув с нее перчатку, и поднял ее, демонстрируя окружающим. — Взгляните на руки этой женщины! Это рухи старухи!

Колдунья вырвалась и злобно зашипела.

— Это еще одно убедительное доказательство. Она только выглядит молодой, но я видел ее истинный облик, облик ее внутреннего демона. Мерзкая злобная старуха! Ради своего безумного желания остаться юной эта нечисть погубила жизни сотни детей. Она заслуживает самого строгого наказания — смертной казни!

Красавчик замолчал, на его лице была усталость. Он опустил глаза и очень тихо продолжил:

— Поэтому прошу у суда очистительного огня для обвиняемой, чья вина была полностью доказана. И еще... Я хочу попросить прощения...

Он поднял глаза и взглянул в зал.

— Прощения у всех родителей, чьих детей не смог защитить. Простите меня. Прощения у всех детей. Я прошу прощения...

Толстушка в простой одежде рядом со мной негромко всхлипнула. Как трогательно! Я презрительно скривилась и, когда он поднял глаза, показала ему язык. Ребячество, но терпеть не могу таких вот сентиментальностей. Он осуждающе покачал головой — ну просто сама праведность! — взял со стола бумаги и продолжил, читая с них:

— Прошу прощения у Максима, погибшего 15 июля 948 года. У Ирмы, погибшей 21 июня 948 года. У Лены, погибшей 13 мая 948 года. У...

— Ваша честь, я требую прекратить этот балаган! — подскочил защитник, но был остановлен взглядом судьи. Инквизитор продолжил, а я окаменела. Он зачитывал всех, чьими именами были подписаны зелья в кабинете у колдуньи. Зачем он это делает? Кому это нужно? Родителям? Да большинства нет в зале, а иным и вовсе все равно. Погибшим? Они не услышат. Суду? Или все-таки это необходимо самому инквизитору? Чтобы успокоить собственную совесть? Я сжала руки в кулаки, чувствуя, как красная пелена яростного бешенства застилает глаза. Я поступила точно также. Обезумевшая от боли и ненависти семнадцатилетняя вояжна, только что переступившая черту, чтобы уничтожить своего мучителя, я тогда захватила власть. Согнала в монастырь трясущихся от страха крестьян и дворовых, поставила перед ними связанных святош на помост и вершила справедливую месть. Но, перед тем как поднести факел к костру и сжечь этих лицемеров, я стала называть по памяти имена всех жертв, которых колдун погубил с молчаливого согласия и одобрения этих мерзавцев. Я помнила их всех, и мне не надо было заглядывать ни в какие бумаги. Я называла имена и думала, что это освобождает меня от мучительных воспоминаний. Первая жертва — опустившийся крестьянский мужичок, его колдун убил просто и незатейливо,

стукнув по голове. Свет померк в его глазах с каким-то детским удивлением на несправедливость жизни, а я впервые увидела чужую смерть так близко, что почувствовала ее гнилое дыхание. Остальные жертвы умирали долго и мучительно, и я помнила все, и многое отдала бы за то, чтобы забыть.

Я вновь чувствовала мерзкий запах обгорелой плоти и опустошение в душе, которое даже казнь продажных церковников не смогла заполнить. Словно наяву. Из носа закапала теплая кровь. Если я сорвусь здесь, прямо в зале суда, это будет означать конец всем планам. Уткнувшись носом в платок, я успела поймать взгляд инквизитора, который смотрел на меня с жалостью. Мне не хватало воздуха, а его жалость воткнулась, как острый кинжал в грудь, и я теперь захлебывалась собственной злостью. Никто не смеет меня жалеть! Пусть ненавидят, боятся, презирают, что угодно, только не жалость. Я склонила голову к коленям, а толстушка успокаивающе похлопала меня по спине. Единый видит, каких усилий мне стоило, чтобы не вцепиться ей в лицо.

— ... У Катрин, погибшей 13 июля 948 года. И еще у тех детей, чьи имена не были подписаны. У тех маленьких безымянных и брошенных бродяжек. Я не смог вас спасти, но ваша смерть не останется безнаказанной, обещаю. Я сделаю все для этого. И еще раз простите.

Красавчик сел на место и сцепил руки в замок, аж костяшки побелели. В зале стояла оглушительная тишина. Я тщетно пыталась восстановить дыхание. Судья обратился к отцу Бульвайсу:

— Ваша речь, господин защитник.

Здоровяк вскочил и начал что-то говорить, но зал словно очнулся. Свист, осуждающие выкрики и топот. Судья пытался призвать к порядку, но отец Бульвайс вдруг резко сник и отказался от слова.

— Если стороне защиты больше нечего сказать, то суд удаляется...

— Пойдите, ваша честь! — мне стоило огромных трудов поднять руку и выровнять дыхание. Я знала, что выгляжу ужасно: бледная как смерть, с запекшейся кровью на лице, полубезумные глаза. Но я должна завершить узор! — Насколько мне известно, любой может выступить в защиту обвиняемой. Я хочу воспользоваться этим правом.

Судья удивленно переспросил:

— Вы хотите выступить в защиту?

— Да, ваша честь! — сказала я и направилась к стойке свидетеля нетвердым шагом. Меня слегка пошатывало, поэтому я вцепилась руками в стойку. Дыхание сбивалось. — Я хочу просить вашей милости для обвиняемой, не лишайте ее жизни.

Зал возмущенно загудел, не понимая моего поведения. Красавчик теперь смотрел на меня с удивлением и досадой, жалость пропала, и я вновь смогла дышать ровно. Я молчала до тех пор, пока в зале не установилась тишина. Тогда я подняла глаза и со злостью продолжила:

— Посмотрите на нее. Какая она красивая и молодая. А вы... вы всего лишь презренные людишки, грязь под ее ногами, посмели ее обвинить! Ваши дети — просто кусок мяса, которым пользуются, чтобы убрать лишнюю морщинку возле глаз! Вы живете только для того, чтобы жила она! — ропот в зале усилился, с носа капнула кровь мне на рукав, и я была вынуждена замолчать, чтобы отереть ее.

— Именно так считает обвиняемая! Она не раскаялась и не осознала того, что натворила. И когда ей назначат смерть на костре, что произойдет? Она взойдет на костер,

молодая, красивая, вселяющая ужас, окинет зевак на площади презрительным взглядом и примет смерть с гордо поднятой головой. Именно такой ее запомните вы, ваши дети, и ужас будет жить в ваших сердцах. А так быть не должно. Поэтому я, ваша честь, прошу обречь обвиняемую на жизнь и смерть. Смерть от старости. Она должна состариться, ведь именно этого она так панически боится. Посадите ее в клетку, выставьте на всеобщее обозрение на главной площади и пусть, пусть она сполна насладится старостью! Вы видели ее руки, ей пятьдесят восемь лет, так что вам не придется ждать долго. Скоро, совсем скоро ее лицо покроется морщинами, волосы поредеют, начнут выпадать зубы, обвиснет грудь. И вы, придя однажды на площадь, увидите там не ужасную и прекрасную колдунью, а всего лишь злобную ущербную старуху, которая может вызвать разве что отвращение и презрение! И страх уйдет...

Я замолчала, потом поклонилась судье и побрела на свое место, зажимая нос платком. Тишину зала нарушил истеричный смех колдуньи.

— Никогда такого не будет, поняла! Я никогда не состарюсь, я лучше себе вены перегрызу, сука!

Судья постучал молотком.

— Тишина в зале! Господин обвинитель, у вас есть что добавить?

Красавчик отрицательно покачал головой.

— Вот, держи, как и обещала, — я протянула маленький пузырек Анне, присев рядом с ее креслом во время перерыва.

Она вытянула израненную слабую руку из-под накидки и крепко вцепилась в пузырек.

— Спасибо вам за все, госпожа Хризшгайн, — прошелестела несчастная. — Как скоро подействует яд?

— Минут через пять. И дождись оглашения приговора. Помни про наш уговор.

— Конечно, дождусь, — девушка слабо улыбнулась. Ее лицо не тронула страшная плесень, поэтому оно было до дрожи красиво и печально. — Теперь я могу умереть спокойно, я увижу, как моя мать...

Я замерла на секунду, проклиная себя. Ненавижу утешать!

— Послушай меня внимательно. Та женщина, что сидит сейчас на скамье подсудимых, это не твоя мать. Это не та женщина, что родила тебя, кормила, заботилась, любила... Понимаешь? Твоя мать умерла тридцать лет назад, когда сделала тот роковой выбор и стала колдуньей. Теперь там сидит проклятая тварь в ее теле, демон, не человек, запомни это!

— Вы правда так думаете? — на глазах Анны блеснули слезы. — Но почему же она так поступила? Почему выбрала колдовство?

— Она просто была слаба. — Я досадливо покачала головой, на меня внимательно смотрел инквизитор, который явно вознамерился выяснить отношения прямо сейчас. — И ты тоже слаба. Потому что выбрала смерть вместо того, чтобы жить. Мне, конечно, выгодно твое решение, но все же...

— Мне незачем жить, госпожа Хризшгайн.

— Не выдумывай. Пока ты дышишь, всегда есть ради чего жить.

— Госпожа Хризшгайн, — к нам подошел профессор Кривош. — Я могу вас попросить об одолжении?

Я презрительно взглянула на него. Еще один малодушный глупец, по вине которого колдунья получила столько времени!

— Думаю, меня арестуют сразу же после суда, поэтому хочу вас попросить позаботиться о моей библиотеке. Прежде, чем в дом нагрянут стражники. Эти невежды могут просто уничтожить книги. Я хочу пожертвовать библиотеку Академии, я собирал ее всю свою жизнь! Пожалуйста, обещайте. — В глазах старика стояли слезы.

— Ладно, — буркнула я, намереваясь уйти.

— И еще одно. Не откажите. К нам в дом недавно приблудилась собачонка, на днях она ощенилась и издохла. Осталось пять щенков. Анна о них заботилась по мере возможностей.

Девушка согласно кивнула, на ее лице появилась робкая улыбка.

— Заберите щенков, раздайте кому-нибудь. Или утопите, чтоб не мучились.

Вот только этого мне не хватало! Я отрицательно покачала головой.

— Прощу вас, — Анна взглянула на меня. — Не дайте им умереть. Они такие маленькие и беззащитные. Как те несчастные, что гнили в подвалах моей матери. Пожалуйста...

— Ладно.

— Обещайте! Я знаю, что вы сдержите обещание.

— Ладно, обещаю.

Я уже почти успела вернуться на место, как мою руку больно перехватил инквизитор.

— Каких еще сюрпризов мне ждать от вас? — зло выдохнул он мне в лицо.

— О, господин инквизитор, вы хотите расплатиться прямо здесь, в зале суда? Впрочем, я не против, давайте! — Я закрыла глаза и сложила губки бантиком.

Он толкнул меня на лавку и сквозь зубы прорычал:

— Лицемерка! Чтоб сидели тихо и дождались меня, вам придется ответить на все мои вопросы!

Ну уж нет, после суда у меня другие планы.

— Церковный суд города Кльечи постановил: признать обвиняемую, помчицу Этну Малко виновной в богопротивном колдовстве, убийстве Катрин Картуа, похищении девицы Хризштайн, преступлениях против собственных дочерей, Анны и Янки Малко. Посему, суд приговаривает обвиняемую к лишению титула и имени, отлучению от Святой Церкви и казни.

В зале сделалось очень тихо.

— Я рассмотрел просьбу защиты и учел пожелания обвинения. Я не могу позволить обвиняемой умереть от старости, потому что расходы по ее содержанию и охране лягут на городской совет, считаю это несправедливым. Также не могу допустить, чтобы обвиняемая оставила после себя страх в сердцах горожан. Поэтому приговариваю ее к мясной казни. — Судья обвел взглядом зал суда и сделал пояснения, поскольку мясная казнь была неизвестна многим горожанам.

— Обвиняемую запрут в тесную клетку и будут кормить одним постным отварным мясом. Чтобы она не смогла покончить с собой, она будет связана. Через месяц она умрет, отравленная собственным ядом.

С диким визгом колдунья перемахнула ограждение и вцепилась мне в горло.

— Суууука!

Я даже не успела среагировать, отчаянно хватая воздух и пытаясь отцепить ее руки. Инквизитор оказался проворней, словно ждал такой реакции. Он за волосы оттащил

шипящую и плюющуюся колдунью обратно на место.

— Тишина в зале! — судья строго постучал молотком. — Также суд постановил взять под стражу профессора Андрия Кривожа и начать дознание по его участию в покупке запрещенных товаров из Мертвых земель и соучастию в деле колдовства. Девушка Анна Малко будет направлена в церковную больницу при Академии, где...

— Нет! — сиплый возглас девушки привлек к ней внимание. — Я и так была слишком долго в неволе, теперь никому не позволю распоряжаться собственной жизнью. И смертью. — Она выпила пузырек прежде, чем кто-нибудь успел сообразить. — Я дождалась возмездия и теперь могу спокойно умереть!

— Лекаря! — крикнул красавчик, бросаясь к ней. Под шумок начавшейся суматохи я выскользнула из зала, следом за мной последовал Антон.

Снаружи уже смеркалось. Антон подал мне мешок, я резким движением оторвала подол платья, под которым были удобные штаны, набросила накидку с капюшоном, взяла маску, отмычку, воровской порошок и краску.

— Планы поменялись, — процедила я сквозь зубы, сжимая во рту шпильку и заправляя волосы в тугой хвост на макушке. Накинула капюшон и продолжила. — Заглянем вначале в дом профессора Кривожа. Демон, ну как же он не вовремя со своими просьбами!

Библиотека занимала почти три комнаты и внушала уважение. Похоже, что профессор действительно собирал ее всю жизнь. Как же ее вынести до прибытия стражников?

— Антон, сам займешься библиотекой. Беги на рынок, найди купца Этьена, скажи, что я прошу его об услуге. Пусть даст грузчиков и экипаж, погрузите все книги и перевезете на его склад. Потом разберу и решу, что передать Академии, а что оставить себе.

— А с ними что? — кивнул Антон на плетеную корзину, в которой сопели пять пушистых комочков. — Только не заставляй меня их топить! Давай заберем их себе?

— Делай с ними, что хочешь.

Я помчалась к резиденции кардинала Ветре. Летняя ночь укутала город, стирая силуэты и лица. Я не знала, где именно кардинал скрыл украденные улики из схрона, но намеревалась обыскать, если понадобится, весь дом и найти их. Натянула на лицо маску, обмотала руку тряпкой и выбила окно на втором этаже с негромким звоном. Резиденция не охранялась, словно факт того, что она принадлежит служителю Святой Церкви, мог оградить ее от непрошенных гостей.

В кабинете обнаружился большой кованый сундук, в котором вполне могли уместиться украденные зелья. Замок на нем был тяжелым, гарлегской работы, без ключа вскрыть будет невозможно. Проклятье, что же делать? Я с досадой стукнула рукой по металлу и, больно ударившись, зашипела от злости. Внизу послышались голоса. Метнулась за ширму, вытаскивая кинжал из сапога.

— Ваша святость! Срочно! Надо торопиться. Судья послал стражников обыскать все дома сановников, но приказ был начать именно с вашей резиденции, — мелкий церковный служка распахнул двери кабинета перед кардиналом.

Только стражников мне здесь не хватало! Никак господин инквизитор постарался. Я призраком выступила из-за ширмы, метнув кинжал в служку и попав ему в плечо. Служка захлебнулся от крови и медленно осел на пол. Кардинал Ветре от неожиданности охнул, но

среагировал быстрее, успев обнажить клинок. От первого выпада я увернулась, но пространство кабинета едва ли позволило бы мне продолжить столь же успешно. Поэтому я поднырнула ему под ноги, сбила его на пол, второй раз уклонилась от клинка и ребром ладони нанесла сокрушительный обездвиживающий удар по шее. Кардинал рухнул рядом со мной на пол без сознания. Острый привкус опасности все еще будоражил разум, бешено билось сердце, и стучала кровь в висках. Я прислушалась, не поднялась ли тревога? Но все было тихо. Перевернула кардинала на спину и обшарила карманы. Ключи нашлись, и уже через минуту я смотрела на склянки с зельями. Документов не было. Хотя и неважно. Я достала из мешка глиняный кувшин с плотной крышкой и стала методично открывать пузырьки, выливая в него их содержимое. Когда кувшин был полностью заполнен, я вытащила все пузырьки, разбросала по полу и стала давить их каблуком. В воздухе сгустился сладковатый запах грибной гнили. Служка заворочался на полу, приходя в сознание, пришлось стукнуть его по затылку. Потом достала воровской порошок, рассыпала его на столе, на бумагах и на полках шкафов. Я взяла свечу и поднесла к темной дорожке порошка, но потом передумала. Зачерпнув немного грибной слизи с пола, принялась выводить надпись на стене. Уж коли стражники во главе с красавчиком скоро будут здесь, стоит немного повеселиться. Через минуту порошок взорвался, и кабинет заполнился дымом и огнем. Я слетела по лестнице, намереваясь покинуть поместье, но не успела. Навстречу мне открылась дверь, и в проеме появился красавчик во главе отряда стражников. Он на мгновение замер, потом выхватил клинок и крикнул:

— Стоять! Вы арестованы!

Я резко развернулась и помчалась обратно, вверх по лестнице. Красавчик выругался, кинул приказ стражникам окружить поместье и бросился за мной следом. Маска защищала от едкого дыма горло, но не глаза, которые начало разъедать. Поэтому я закрыла их, мысленно вспоминая планировку кабинета, и стала пробираться к окну. Рванув на себя оконную раму, я позволила себе наконец открыть глаза. Свежий ночной воздух ворвался в кабинет, рассеивая дым. Я перемахнула на крышу рядом стоящей хозяйской постройки и, как заяц, помчалась вперед, к ограде. Сзади слышала окрик инквизитора, потом руку в плече ожгло острой болью. Мерзавец метнул в меня кинжал и попал! Как прибить колдовское отродье, так ему дурно, а как метнуть кинжал в безоружного воришку, так рука не дрогнула! Слава Единому, кувшин в заплечном мешке был цел. Я перемахнула через ограду и скрылась в переулке.

ГЛАВА 16. Инквизитор Тиффано

Проклятье! Дерзкий вор был так близко и все равно успел удрать! Но, кажется, кинжал попал в него! Я стоял возле открытого окна и сжимал кулаки в бессильной ярости. Негромкий стон позади вернул меня к действительности. Кардинал Ветре лежал без чувств, а его служка судорожно скреб пальцами пол. Из его плеча торчал кинжал, на полу образовалась лужа крови. Огонь стремительно пожирал бумаги на столе, шкафы были объяты пламенем. Я стал вытаскивать служку и кардинала из кабинета, отдав приказ стражникам сбивать огонь. К удушающему едкому запаху дыма и гари примешивалась странно-знакомая сладковатая вонь, под ногами хрустело стекло. Наклонившись и подняв один из крупных осколков, я заметил обрывок наклейки с таким знакомым почерком. Страшная догадка пронзила разум! Бросившись собирать остальные осколки, я осознал, насколько это бесполезно. Все было разбито и раздавлено на мелкие части, а колдовское зелье разлито по полу, стремительно испаряясь от невыносимо жаркого пламени. Проклятье! Внизу слышались голоса, я узнал судью Валуа. Выпрямившись, я уже был готов признать поражение и стерпеть выговор, но тут заметил мерцающую надпись на стене, выведенную колдовским зельем.

"Я никогда не устраивал поджог, не крал улики и не похищал письмо. Но раз вы посмели обвинить меня в этом, пришлось наверстывать упущенное!" И стилизованное изображение крыла. Серый Ангел!

Я слышал недовольный голос отца Валуа в коридоре и с ужасом осознал, что сейчас он поймет, что письмо вовсе не было украдено Серым Ангелом. Я бросился к стене и попытался вытереть часть надписи, но проклятая слизь подсохла и не оттиралась. Отчаянно осмотревшись кругом, я наткнулся взглядом на лужу крови, зачерпнул рукой и затер часть надписи, потом добавил брызг еще на остальные слова, чтобы не получилось слишком подозрительно.

Успел как раз вовремя. Острый приступ кашля согнул меня в три погибели.

— Что здесь произошло, господин Тиффано? — отец Валуа прижимал ко рту платок, его суровый взгляд сверлил меня.

— Ваша честь, мы не успели. Все улики были уничтожены, теперь уже действительно Серым Ангелом, — я кивнул головой на надпись на стене.

Судья сузил глаза и впился взглядом в надпись. Его лицо побагровело, вены на шее вздулись.

— Мерзавец! Вы должны поймать этого наглеца! Как вы вообще могли допустить, что он опередил нас? Вы понимаете, что это значит?

— Да, ваша честь. — Я склонил голову, признавая свою вину. — Я ранил вора, поэтому уверен, что скоро мы поймаем его.

— Что-нибудь можно спасти? — судья кивнул головой на месиво на полу из стекла и слизи.

Я отрицательно покачал головой.

Я столкнулся с Лидией в дверях, она откуда-то возвращалась, странно бледная и задумчивая. Несмотря на позднее время, почти полдень, в пекарне было много людей,

аромат сладкой сдобы кружил голову.

— Вы пожаловали раньше, мы ждали вас только к обеду, — Лидия как ни в чем не бывало улыбнулась мне и потащила в дом. — Я не уверена, что Мартен успел приготовить для вас яблочный пирог к обеду. У него теперь много заказов...

Я невежливо ответил:

— Я не голоден. Почему вы не дождались меня после суда? Где вы были?

— Вы не поверите, — она лукаво улыбнулась. — Мне пришлось взять на себя заботу о несчастных сиротках.

— Вот уж действительно не поверю!

— Пойдемте, покажу.

Она потащила меня на кухню, к большой плетеной корзине, устеленной старым пледом. Я с удивлением увидел четверых пушистых щенков, едва открывших глаза.

— От одного я уже избавилась. Осталось пристроить остальных. Кстати! Возьмете себе щенка, господин инквизитор? Будет не так скучно и одиноко коротать вечера...

— Нет, спасибо. Я просил вас дожидаться меня! Вы всерьез думаете, что я поверю в вашу добродетельную заботу о щенках? Не смешите меня!

Лидия обиженно надулась.

— То есть, щенка вы не возьмете? Неужели придется их топить...

— Хватит.

— Давайте поднимемся ко мне в кабинет, здесь слишком шумно. Я велю Тени подать чай и что-нибудь съестное.

В кабинете царил полутень, но я заметил на стене, возле книжного шкафа замытый красный потек. Я вопросительно кивнул на него головой и спросил:

— Что случилось?

— Ах, это... Креманка малинового варенья неудачно попала под руку, дурное настроение, знаете ли. Не обращайтесь внимание. Садитесь.

Я сел в мягкое удобное кресло, Лидия разместилась напротив, вольготно скрестив ноги и задумчиво меня рассматривая. У меня было много вопросов, и теперь я даже растерялся, не зная, с чего начать.

— Как вы нашли профессора Кривожа?

— Милый мой господин инквизитор, — томно протянула Лидия. — Я искала не его. Я искала первую жертву колдуньи. Один знакомый магистр как-то сказал, что для того, чтобы понять всю картину, надо обратиться к первоисточкам. Он был ученым и думал, что важно понять и рассчитать движущую силу и траекторию летящего камня. А я вот всегда думала, что гораздо важнее понять, что двигало человеком, чья рука бросила этот камень. Именно поэтому я стала искать, когда, как и, главное, почему колдунья преступила черту. Поговорила с профессором Куциком, он упомянул, что была какая-то темная история в Академии, связанная с помчицей. Назвал имя профессора Кривожа. Мне понадобилось почти три дня, чтобы его найти, но у меня получилось. Вместе с ним я нашла Анну Малко. Господи Единый, ну неужели, когда вы допрашивали фальшивую дочь помчицы, неужели не поняли, что она просто не может быть дочерью помчицы? Ни малейшего сходства!

Я покачал головой:

— Она могла пойти в отца, а не в мать.

— Едва ли. Темные глаза помчицы, темные глаза у помчика. Ну вы же видели его

портрет в поместье! У двух кареглазых родителей едва ли может быть ребенок с голубыми глазами.

Дверь открылась, зашла Тень с подносом. Две ароматные чашки чая и наспех приготовленное угощение: ломти черного свежего хлеба на хмелю, щедро покрытые маслом, креманка с вареньем. Я против воли сглотнул голодную слюну.

— Угощайтесь, господин инквизитор. — Тень поставила поднос на столик. — Скоро уже Мартен поспеет с обедом. Его яблочный пирог уже почти готов, подождите чуток.

— Спасибо, — мне было неловко огорчать бедную невольницу тем, что я не собираюсь оставаться на обед.

Лидия проводила Тень лукавым взглядом, поерзала в кресле и вздохнула.

— Она слишком привязалась к девчонке, теперь тоскует и бродит по дому в поисках, кому навязать свою заботу. Думаю, придется оставить себе одного из щенков...

Меня покорило ее пренебрежительный тон.

— Куда вы дели девочку?

— Отдала, конечно. В семью портного Изхази, вместе с одним из щенков, в нагрузку, так сказать. Так что теперь ее зовут уже не Верочка, а Евочка.

— Дурацкая затея! Вы же сами должны понимать... — я осекся, осознавая, что спорить все равно бесполезно.

— Время покажет, господин инквизитор, кто из нас дурак, — Лидия подвинула мне чашку с чаем, слегка поморщившись. — Угощайтесь. Антон заварил чай по своему особому рецепту.

Я сделал глоток из вежливости, покосился на закуску.

— Кого из стражников вы подкупили, чтобы достать зелье для помчика Картуа?

— Неужели вы правда думаете, что я вам скажу? У меня есть свои маленькие секреты, господин инквизитор. Да пейте уже чай и не коситесь на закуску, ешьте.

Я вцепился в чашку со злостью.

— Это вы передали документы с деловыми соглашениями колдуньи воягу Хмельницкому?

Лидия пожалала плечами и снова скривилась:

— Не помню, может я, а может и нет...

— Не юлите! — я резко поставил чашку, она негромко звякнула на блюде. Какая духота в комнате! — Это могли быть только вы! Зачем вы превратили заседание суда в дешевое представление? Зачем воягу продвигать меня в городской совет, если только не с вашей подачи?

— Кто же знает этих воягов... — насмешливо протянула Лидия, подвигая ко мне закуску. — Может, вы его так впечатлили на заседании, что он не смог устоять?

— Вы постоянно лжете! Письмо от епископа, которое вы якобы сожгли, потом оно вдруг...

— А разве я лгала? — Лидия удивленно приподняла бровь. — Вы сами решили, что оно сгорело, я просто не стала вас разубеждать... Чай остынет, а хлеб обветрится. Ну не дуйтесь на меня. Все же получилось, верно?

Я сделал глоток чая и откусил кусочек хлеба. Вкус чая действительно был необычным, горьковато-сладким и ароматным. Меня бросило в жар, кровь прилила к голове.

— И кстати, господин инквизитор, когда вы собираетесь расплачиваться?

Я поперхнулся чаем. Лидия встала и услужливо похлопала меня по спине, не обращая

внимания на мои протестующие жесты. Меня спас Антон, который как раз зашел в кабинет.

— Угощайтесь, господин инквизитор, — он поставил на столик блюдо с нарезанными фруктами и свежими ягодами. Я удивленно спросил, кивая головой на тарелку:

— Это вишня? Откуда?

— Достать можно что угодно, если есть желание, господин Тиффано, — Лидия аккуратно взяла одну ягоду и покрутила ее, рассматривая с каким-то странным выражением лица. Ее пальцы, удивительно изящные, казались выточенными из белого мрамора. Меня опять бросило в жар. — Угощайтесь, вишня очень вкусная и сладкая.

Я последовал ее примеру, жажда терзала меня все сильнее.

— Я слышала, что вчера ночью случился пожар в резиденции кардинала... — Лидия вопросительно посмотрела на меня. — Кажется, Святому Престолу надо всерьез задуматься о пожарной безопасности, не находите?

— Если собираетесь что-то выведать, то не утруждайтесь. Я вам ничего не скажу. И кстати, я не собираюсь далее потворствовать вашим капризам. Так что вы совершенно зря старались с моим назначением в городской совет. Почему здесь так душно?

— А вы всерьез думаете, что можете сказать мне то, что я еще не знаю? — Лидия рассмеялась, ее негромкий мелодичный смех возбуждал странные греховные мысли. Да что же такое творится? — Как у вас перед носом Серый Ангел поджег резиденцию кардинала вместе с уликами, как вы не смогли его поймать, как...

— Довольно!

— А ведь я бы могла вам помочь в его поимке... Не бесплатно, сами понимаете...

Кровь стучала в висках с оглушительным звоном, сердце было готово выпрыгнуть из груди. Это определенно не из-за жары!

— Что вы подмешали мне в чай? — Я поднялся с кресла, опираясь на его спинку. Лидия насмешливо смотрела на мои усилия.

— Собственно, ничего особенного. Просто немного кошачьей травы, для смелости. Должны же вы со мной рассчитаться...

— Дрянь! — разум туманился, я вдруг отчетливо понял, что ноги стали совсем ватными. — Как вы посмели? Она запрещена...

Кошачья трава являлась сильным возбудителем, часто использовалась в борделях, но потом ее запретили, из-за значительного количества смертей от сердечной недостаточности. Я двинулся к двери, намереваясь как можно скорее выбраться на воздух, но Лидия преградила мне дорогу.

— Вы не уйдете отсюда, пока не рассчитаетесь по долгам, господин инквизитор.

Я чувствовал ее пьянящий аромат и такую соблазнительную близость.

— Уйдите с дороги! — я протянул руку, хватая ее за плечо и намереваясь отодвинуть с пути. Она негромко охнула. Едва коснувшись и ощутив пленительную хрупкость ее плеча, понял, что совершил роковую ошибку. Разум проиграл битву греховному желанию плоти, потому что в следующий миг я впился в ее губы. Искреннее желание сделать поцелуй грубым и коротким, чтобы можно было тут же оттолкнуть от себя Лидию, мгновенно растаяло, стоило лишь ощутить вкус сладкой вишни на ее мягких податливых губах. Меня затягивало в обжигающе горячий водоворот страсти, я вдыхал ее влекущий запах и словно пил из ее уст сладкий яд. Последним усилием воли я попытался оттолкнуть ее от себя, моя рука соскользнула с ее плеча и опустилась ниже. Даже сквозь тонкую ткань я почувствовал, как тяжелое полукружие ее груди легло в мою горячую потную ладонь, а ощущение

мгновенно затвердевшего соска вдруг откликнулось острой тянущей болью внизу живота. Мучительный стон, вырвавшийся у меня, прогнал последние остатки воли. Лидия прижалась ко мне всем телом, обвив руками мою шею. Я оторвался от поцелуя лишь затем, чтобы прильнуть к нежному изгибу ее шеи и ощутить мерный ток крови под белоснежной кожей, который отдавался эхом у меня в висках. Ее рука спустилась ниже, к поясу, к вздыбленной греховным желанием плоти, и на короткое мгновение меня вдруг отпустило из дьявольского плена, я словно наяву услышал цинично-насмешливое напутствие отца Валуа. Этого хватило ровно на то, чтобы оттолкнуть Лидию от себя. Я задыхался и с ужасом понимал, что бездыханный могу позорно упасть к ее ногам.

— Довольно! Этого довольно, надеюсь... — Я остервенело толкал дверь, пытаюсь открыть. Проклятье, заперто! — Немедленно выпустите меня!

Я не смотрел на Лидию, боясь, что не выдержу.

— Господин инквизитор, вы знаете, что для мужского здоровья крайне вредно воздержание, особенно когда... — Ее голос был тих и вкрадчив, продолжая терзать мой разум и испытывая волю.

— Замолчите! — я заколотил в дверь. — Немедленно выпустите меня, иначе я выломаю дверь!

Лидия вздохнула и отступила:

— Дверь не заперта. В другую сторону. И застегнитесь, сделайте одолжение, не пугайте посетителей...

Я рванул дверь на себя, вылетел из комнаты в коридор, а вслед мне неся ее тихий мелодичный смех, от которого закипала кровь, и туманился разум. Я набегу плотнее запахнул на себе мантию, кубарем скатился вниз по лестнице и выскочил на улицу, не обращая внимания на удивленные лица и вопросительные взоры. Я продолжал нестись, пока не оказался на торговой площади, которая стремительно пустела. Одинокие прохожие и торговцы не обращали на меня никакого внимания, спешно стараясь найти укрытие, поскольку с моря на город надвигалась сизая громадная туча. Я застыл посреди площади, прикрыв глаза и дрожа всем телом, погружаясь в спасительную пустоту молитвы и медитации, и стоял так до тех пор, пока первые тяжелые капли летнего ливня не ударили меня по лицу, смывая уличную грязь и даруя прощение грешным желаниям.

Рисуя смерть

— Простите меня, святой отец, ибо грешна я, — женщина склонила голову перед священником.

— Поведай, что тебя тревожит, и станет легче, — отец Георг был стар, но его ясные синие глаза лучились мудростью.

Он поднял женщину с колен и усадил на скамью со словами:

— Негоже стоять на холодном полу, да и мне легче сидеть. Прошу тебя, дочь моя, расскажи все с самого начала. Я никуда не тороплюсь.

Женщина неловко присела рядом, опустила глаза, ее голос был тих и печален.

— Госпожа смутила мои мысли, и теперь я сомневаюсь. Возможно ли, что она прознала обо мне то, что я сама скрывала от себя? Сколько себя помню, я всегда рисовала что-нибудь. Сначала мои родители не обращали на это внимание, а потом... Я была младшим ребенком, меня всегда баловали и никогда ни в чем не отказывали. Поэтому меня вместе с сестрой отправили учиться рисунку у лучших мастеров. И очень скоро я превзошла учителей, мои рисунки стали заказывать богатые и знатные...

— Тень, твои рисунки изумительны, я никогда не видел подобного мастерства, — подбодрил старик замолчавшую женщину.

— Но хозяйка говорит, что я безумна, потому что другие так не умеют... Вы знаете, святой отец, какое неизъяснимое наслаждение доставляет запечатленная на холсте красота? Я находила ее везде, в любом человеке. Смотрела на рябую тощую девицу, а видела, какая у нее совершенная форма носа. Глядя на уродливого карлика в цирке, я видела лишь его глаза, печальные и до дрожи прекрасные своей глубокой синевой. Замечала толстую крикливую торговку на рынке, а видела ее густые черные волосы, льющиеся тягучей смолой в косе.

В церковь неслышно зашла высокая худая девушка и замерла, услышав разговор.

— Знаете, однажды мне заказал портрет один очень знатный вельможа, княжий воевода, что командовал солдатами, бывал в сражениях, проливал кровь. Этот мужчина до одури боялся тещи, очень старой и богатой помчицы, которая держала в страхе всю семью. Старая карга, как он ее называл, была строгих правил, и брак своей дочери до сих пор считала мезальянсом, хотя у нее уже были внуки и правнуки. Вельможа очень просил угодить с портретом его теще, и я согласилась. Когда я впервые ее увидела, то просто застыла. Для них она была старым чудовищем, которое изводило всю семью бесконечными капризами, а я... Я видела перед собой юную гордую девушку, с изящным профилем и сильным подбородком. А ее глаза! В них было столько огня и упорства, что это просто завораживало... Я написала ее портрет. Только на нем она не была старухой, а вновь стала юной и прекрасной, исполненной затаенного и горького желания. Вельможа сначала возмутился, когда увидел портрет, но я уговорила показать его старой женщине. Знаете, она заплакала! Всегда чопорная, холодная, жесткая, эта женщина плакала, смотря на отражение молодости и утраченных надежд... Мне нравилось видеть красоту в людях и рисовать ее, делая их чуточку лучше. Но потом я потеряла свой дар...

Тень замолчала, а священник ее не торопил. Девица оставалась незамеченной.

— Откуда госпожа узнала, что я любила рисовать на берегу? Не представляю... Она такая странная... Знаете, в природе нет некрасивого, там все прекрасно. Даже ужасная стихия, разрушающая все на своем пути, все равно прекрасна в диком неистовстве, завораживает и сводит с ума. Я обожала рисовать рассветы. Каждый раз восход солнца был другим, иное сочетание цветов, узор облаков, блики на морской глади. А люди... Они прекрасны лишь в своем несовершенстве... А он... Он был прекрасен до совершенства природного явления.

Девушка презрительно скривилась и неслышно скользнула на скамью, встряхнув льняной гривой волос. Она намеревалась услышать весь рассказ и приготовилась ждать.

— Идеальные черты лица, кожа без единого изъяна, гордый профиль, темные густые волосы, отлично сложенная фигура... Знаете, святой отец, его можно было разделить на отдельные фрагменты, и каждый из них был бы совершенен. Меня это настолько поразило, что я застыла в каком-то благоговении перед ним. Он меня что-то спрашивал, а я даже не понимала, просто мечтала, что нарисую его. Много-много раз.

— Ты влюбилась, дочь моя, — отечески улыбнулся отец Георг. — В этом нет ничего плохого.

— Я тоже так думала. Его звали Гийом Ривер, благородный крет, без копейки за душой. Так презрительно отозвался о нем мой отец. Он был категорически против свадьбы, а мать не осмелилась ему перечить. Но я была влюблена. Поэтому и сбежала... Отцу пришлось согласиться на свадьбу, когда я уже носила под сердцем дитя. Скрипя зубами, папа раскошелился на венчание и выделил нам скромное содержание. Моего любимого он так и не принял. Отношения портились, потому что мать Гийома меня тоже не признала. Она считала меня богатой выскочкой и простолюдинкой, недостойной ее благородного семейства, хотя сама ходила в обносках и жила впроголодь. Мы купили крохотный домик, чтобы не мозолить глаза нашим семьям. Я искренне верила, что мы будем счастливы вопреки всему...

Женщина устало вздохнула, ее голос звучал совсем тихо. Девушка нахмурилась и неслышно пересела поближе.

— Я продолжала рисовать, и мне хорошо платили за картины. Гийом пытался устроиться на службу в охрану вояга, но его не взяли, а идти простым стражником он не хотел. Он стал пить и пропадать где-то по вечерам, у него обнаружили карточные долги. А когда я уже была на сносях, он впервые ударил меня...

Тень замолчала, и отец Георг успокаивающе погладил ее по руке. Девушка покачала головой.

— Он потом долго извинялся, прощение вымаливал. И я простила... Я его любила так сильно, что даже помыслить не могла... Находила ему оправдания... И даже сейчас... после всего... Потом родилась моя девочка... Отец Георг, вот откуда госпожа могла узнать, что у меня дочь? Никто ей не говорил и не мог сказать, это точно. Моя красавица Александра...

Лицо женщины просияло теплой улыбкой, сделавшись на миг молодым, а лицо девушки, наоборот, стало злым и жестоким.

— Я души в ней не чаяла и ради нее была готова все стерпеть. Гийом стал поднимать на меня руку все чаще и чаще. Теперь он даже не извинялся, обвинял меня в том, что я погубила его карьеру, что мы живем впроголодь, потому что я слишком гордая, чтобы просить у отца денег. Я боялась жаловаться родителям. Мать слегла с сердцем, и мне не хотелось, чтобы она из-за меня волновалась. Я прятала синяки под гримом и вуалью, но самое страшное, что

я стала терять дар... Теперь я писала другие картины. Как будто мне на глаза кто-то и в самом деле накинул черную вуаль безнадежности. Я видела скрытые пороки и переносила их на холст, сама того не ведая. На заказанном портрете одной замужней знатной дамы в игре теней за ее плечом легко различался молодой любовник, склонившийся в поцелуе над ее обнаженным плечом. Случился скандал, тем более, что муж узнал лицо любовника. На милом портрете невинной девочки оказался... Господи, я как вспомню, мне не по себе делается... Такой стыд и ужас... Там уже скандалом не обошлось, ведь это было соращение ребенка... Гийом зверел, потому что я сидела без заказов. Никто не хотел ко мне обращаться, заказов не было, долги копились, иногда даже хлеба было не купить... Он стал так сильно меня избивать, что иногда мне казалось, что я умру... Сломал мне ребра, вся левая часть онемела и перестала слушаться... Я едва могла ходить. Если бы не доченька, только ради нее я еще существовала... А потом умерла мама...

Отец Георг тяжело вздохнул и промолвил:

— Мир ее праху, да вернется ее душа в бесконечную благодать Источника.

— Я словно отупела... Существовала, как животное, которое живет лишь сиюминутными потребностями: есть, пить, спать, не испытывать боли... Сестра пыталась меня вырвать из этого странного оцепенения, постоянно приходила, хотя раньше даже знаясь со мной не хотела, кричала, ругалась, что-то требовала. А мне стало все равно. Мир вокруг меня стал выцветать и терять краски. Все краски, кроме одной. Алой, странно-прекрасной, багряной, как закат, как раздавленная вишня, как сама смерть... Она появлялась на холстах. В левой руке я держала нож, а правой стирала кровавую пелену, из которой проступал кошмар. Окровавленное тело мужа на полу, он был мертв. Я сходила с ума... Я уничтожала картину, а на следующий день она опять появлялась, хотя я не помнила, как ее писала. Господи, да у меня даже денег уже не было на холст и краски... Одну краску... А однажды кошмар стал реальностью. Муж увидел картину, озверел, стал так страшно бить, что Александра, моя девочка...

Женщина всхлипнула.

— Она бросилась меня защищать... Кроха малая, она обняла меня, закрывая от отца, а он... Он отшвырнул ее в сторону, словно слепого кутенка... Дальше я ничего не помню... Я очнулась с ножом в руке, а рядом мертвое тело мужа... И картина, на которой моя рука с ножом и его мертвое тело. Я плохо помню, что было дальше. Меня забрали стражники, обвинили в убийстве. Я совсем не помнила, как его убила... Но я столько раз это рисовала, что... Сестра навестила меня в тюрьме всего один раз, сообщив, что отец не желает больше меня видеть. Никогда. Я умоляла ее позаботиться об Александре, и она согласилась. Я подписала все, что требовалось, и... Был суд, меня признали виновной, но вместо каторги отправили в рабство, по требованию матери Гийома. Чтобы обеспечить с моей продажи ее одинокую старость... Представляете, она еще хотела, чтобы и мою девочку, ее внучку, отдали ей на воспитание! Я благодарна сестре за то, что она заранее позаботилась, чтобы этого не произошло...

Девушка покачала головой и нахмурилась. Священник успокаивающе сказал:

— Ты убила, защищая свое дитя и себя. Хоть убийство человека и является тяжелым грехом, однако есть милость Единого, она безгранична. Ты покаялась в грехах и искупила свой грех, ты заслужила Его прощение.

— Отец Георг, я боюсь рисовать... Понимаете, я ведь тогда нарисовала смерть мужа... А госпожа заставляет меня это делать, рисовать ее...

— Тень, — тяжело вздохнул старик, — твои рисунки помогли поймать колдунью и спасти детские жизни. Когда мы отправились с обыском в поместье той женщины, там были дети... Ты бы искупила свой грех сполна, даже если бы спасла жизнь одному ребенку, а там их было несколько десятков... И только Единый знает, сколько могло бы быть еще...

— Да нет же! Это моя госпожа... Хотя она и странная, и жестокая порой, да вот только это она их спасла. Она и без меня все узнала о колдунье... Мне так страшно рисовать ее...

— Хватит! — резкий окрик оборвал женщину, заставив ее пугливо втянуть голову в плечи и сжаться в комок.

Девушка поднялась с места, подошла к Тени и застыла напротив сидящих. На ее лице была написана усталая брезгливость.

— Не перестаю удивляться человеческой глупости...

— Госпожа Хризштайн, — с мягким упреком сказал церковник. — Вы подслушивали? Это недостойно...

— Помолчите, святой отец, — также устало оборвала старика девушка. — Тень, скажи на милость, с чего ты решила, что убила мужа?

— Но как же... — растерянно подняла глаза невольница. — Ведь нож и картина... Я же...

— Что ты постоянно бубнишь? Голову включать не пробовала? Ты же типичная жертва, всепрощающая и подставляющая вторую щеку... Ты ж небось еще и мучителю своему супчики готовила, обстирывала да ублажала? А потом вдруг за нож схватилась? Не смей меня...

— Я и вправду не помню, как все было, но...

— Материнский инстинкт, госпожа Хризштайн, способен толкнуть женщину и на более отчаянные поступки. Вы поймете это, когда сами станете матерью...

Девушка сделала резкий шаг к священнику и угрожающе нависла над ним.

— Почему же ее материнский инстинкт не подсказал ей бежать и спасти свое дитя от изверга-отца еще раньше? Почему она преступно подвергала свою дочь опасности, живя рядом с таким человеком? Или же она думала, что он исправится? Милостью Единого? Бесконечной и благодатной?

Девушка Хризштайн расхохоталась так, что ее несчастная невольница побледнела, а старик поежился. Далее последовали быстрые вопросы, больше похожие на словесные удары, на которые смятенная женщина едва успевала отвечать.

— В какой руке у тебя был нож, когда ты пришла в себя?

— В левой... кажется...

— Сколько ранений было на теле твоего мужа? Одно-два? Больше?

— Больше... Не помню... Не смотрела... Но много...

— Прекрати бубнить и отвечай быстро и четко. Сколько лет было твоей дочери?

— Четыре. Совсем еще кроха, но такая...

— Где она была, когда ты очнулась?

— Что? Я не...

— Ты сказала, что она бросилась тебя защищать, и Гийом ее отшвырнул. Где она была? Она видела, как ты убивала?

Женщина побледнела так страшно, что отец Георг обеспокоенно пробормотал:

— Я принесу вам воды...

— Господи, неужели моя девочка все видела...

— Хватит сопли везти! Отвечай! Быстро! Где она была, когда ты очнулась?

— Не знаю... Я не видела ее... Господи Единый!..

Девушка Хризштайн без всяких колебаний ударила невольницу по щеке, та дернулась и замолчала, глядя на свою мучительницу большими несчастными глазами.

— Я сказала, отвечать четко и быстро. Рыдать потом будешь. Гийом был пьян в тот день?

— Да, он вернулся рано, обычно допоздна засиживался в кабаке...

— Какой был нож? Кухонный? Охотничий? Или кинжал?

— Я не п-п-помню...

Девушка склонилась над невольницей и заглянула той в глаза.

— Вспоминай. Ты держала его в руке. Какая была на ощупь рукоять? Привычная? Как у кухонного ножа?

— Н-нет, точно нет... Она была большая, неудобная и липкая от крови...

— Охотничий нож. Понятно. У Гийома был такой?

— Не знаю...

— Да что ты вообще знаешь, клуша недобитая! — взъярилась девушка. — Он тебя, что, и по голове бил?

— Да...

— Демон!.. Вот дура! Сестра к тебе часто приходила?

— Да. Она после смерти матери сильно изменилась...

— Ты сказала, что вас вместе отправили учиться рисунку. Она тоже рисовала?

— Да, но ее живопись мало интересовала. Равена быстро выскочила замуж за богатого купца, отец приводил ее мне в пример...

— Картины с кровавыми сценами появлялись каждый день?

— Нет, но часто... Однажды Равена увидела одну из них, сказала, что я ненормальная, стала насмехаться, что я могу лишь рисовать, что никогда не осмелюсь на самом деле за себя постоять. Мне было так стыдно...

— Твоя сестра левша?

— Что? Да, она... Она так и не смогла переучиться, хотя отец сильно злился из-за этого...

— Твой отец был богат?

— Да, он владел рудниками на севере. Они приносили хороший доход.

— И последний вопрос. У Равены были свои дети?

— Нет. Отец так сильно хотел внука, что она даже надумала обмануть его ложной беременностью, но обман вскрылся и...

— Поздравляю тебя, Тень.

— С чем?

— С тем, что ты честно заслужила звание феерической идиотки княжества! Это ж надо, так...

— Госпожа Хризштайн, — оборвал ее старик, — мне, как и Тени, неприятны ваши постоянные оскорбления и...

— А мне невыносима глупость! Господи, Тень, ну подумай же ты хоть раз в жизни. Ты не левша, ты рисуешь правой рукой. С чего на рисунках ты нож вдруг стала держать в левой? С чего ты бросилась на мужа, сжимая нож в левой? А еще ты сама обмолвилась, что муж сломал тебя ребра с левой стороны. Мне прекрасно известно, какая это жуткая боль. Ты

даже рукой бы пошевелить не смогла, не говоря уже о том, чтобы забрать кинжал у пьяного озверевшего мужа и нанести ему несколько ножевых ранений... Даже если предположить временное помрачение сознания...

— Я не думала об этом... Но если не я, то кто?..

— Сначала я подумала о ребенке. Но четырехлетняя девочка едва ли бы смогла заколоть отца...

— Не смейте! Не смейте такого говорить!

— Ишь ты, какие мы смелые вдруг стали... — задумчиво склонила голову набок девица Хризштайн, разглядывая покрасневшее лицо невольницы. — Нет, думаю, все было намного проще. Гийом тебя избил и отправился отсыпаться. Пришла твоя сестра. Та самая, которая приносила тебе картины. Она писала их с себя и подсовывала тебе, надеясь довести тебя до убийства. Или помешательства. Она оценила обстановку, увидела, что ты без сознания, нашла Гийома, вытащила у него нож и спокойно заколола его. Потом вложила тебе кинжал в руку, измазала в крови и ушла, забрав с собой Александру.

— Но почему? Я не верю, нет, не верю!..

— Думаю, ты стала сильно мешать сестре после смерти матери. Твой отец стал вдовцом и наверняка задумался о составлении завещания. А внучку ему подарила только ты. Смею предположить, что он все завещал твоей Александре. А сестричка наверняка была жадной и завистливой... Хотя... Чему тут завидовать, дурусти разве что? А, тебя ведь все равно не исправишь...

— Равена не могла, — убежденно покачала головой невольница. — Да, отношения между нами не ладилась, но зачем ей убивать Гийома?

— Чтобы подставить тебя и забрать твою дочь. А вместе с ней и благосклонность отца, его деньги после смерти... И ей прекрасно все удалось проверить.

— Но моя девочка... Я же хотела для нее...

— Сколько ей сейчас должно быть?

— Пятнадцать. В ноябре будет пятнадцать...

— Ну тогда еще есть шанс, что она жива, — цинично ухмыльнулась девица Хризштайн и досадливо поморщилась, неосторожно прислонившись плечом к алтарю. — Демон, пошли уже, мне нужен портрет воришки со склада в порту.

Она подхватила ошеломленную невольницу под руку и потащила за собой прочь из церкви. Отец Георг потрясенно смотрел им вслед, а когда они скрылись за дверью, тяжело вздохнул и преклонил колени перед алтарем. Эта несчастная женщина заслуживает милости Единого, как никто другой...

Больше книг на сайте - Knigolub.net